Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»
(ФГБОУ ВО МГЛУ)

На правах рукописи

Божик Кристина Богдановна

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ ДО И ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ (1945-2005 гг.)

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Белозёров Василий Клавдиевич,
доктор политических наук,
профессор

Москва – 2021

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Внешнеполитические приоритеты в разделённой Германии (1945-1985 гг.) 18

1.1. Формирование и реализация внешнеполитических концепций западногерманской элиты в период оккупации 18

1.2. Внешняя политика двух германских государств после восстановления суверенитета 59

Глава 2. Международные условия и факторы объединения Германии 118

2.1. Влияние перестройки в СССР на решение германского вопроса 118

2.2. Внутренние и международные факторы объединения Германии 148

Глава 3. Внешняя политика объединённого германского государства на рубеже XX-XXI веков 181

3.1. Базовые векторы внешней политики Германии после объединения (1990-1997 гг.) 181

3.2. Россия в ряду приоритетов внешней политики Германии в 1998-2005 гг. 208

Заключение 243

Список источников и литературы 254

Введение

В конце XX – начале XXI вв. политическая ситуация в Европе и во всём мире стремительно изменилась. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, определявшая послевоенное мироустройство, трансформировалась. Вехами решительных перемен конца XX – начала XXI вв. стали «перестройка» в Советском Союзе, крушение социалистического лагеря, объединение Германии, распад Советского Союза, конституирование новой России как правопреемника СССР.

Одним из ключевых геополитических событий конца XX в., по сей день определяющих соотношение сил в Европе и в мире, стало объединение Германии, т. е. включение в ФРГ восточных германских земель, территория которых ранее составляла округа ГДР. В центре Европы появилась новая ФРГ, которую, начиная с 3 октября 1990 г., условно можно назвать «Берлинской республикой» (как её зачастую именуют в немецком политическом дискурсе). Объединённая Германия стала доминирующей европейской держава с населением свыше 80 млн. человек, мощной экономикой, передовой наукой, развитой культурой.

Несмотря на частичное сохранение зависимости от США и вовлеченность объединенной Германии в структуры ЕС в 90-е годы, ФРГ решила германский вопрос и, прежде всего, берлинский вопрос. С решением германского вопроса был преодолен антагонизм между Западом и Востоком. Противостояние на немецкой земле НАТО и Варшавского договора (советской Западной группы войск) ушло в прошлое.

Объединение Германии, в значительной мере бывшее следствием процессов перестройки в СССР, привело к существенному изменению международной ситуации, оказало влияние на выбор приоритетов внешней политики ФРГ, одним из которых стали отношения Берлинской республики (объединенной Германии) с постсоветской Россией.

В истории международных отношений возникла новая научная проблема: исследование базисных основ внешней политики объединённой Германии, а также изучение практических действий новой ФРГ на европейской и мировой арене. Решению этой проблемы посвящена выносимая на защиту диссертация.

Актуальность исследования обусловлена:

– *во-первых,* значимостью вопросов выработки и реализации внешнеполитических приоритетов ФРГ (Боннской республики) для понимания процесса объединения Германии и положения новой ФРГ на международной арене;

– *во-вторых*, особой ролью, в этой связи, положения ГДР в системе международных отношений;

– *в-третьих*, влиянием «перестройки» и «нового мышления» в Советском Союзе на развязку германского вопроса и, как следствие, на дальнейшую судьбу СССР и постсоветской России;

– *в-четвертых*, соотношением внешних и внутренних факторов объединения Германии;

– *в-пятых*, возрастанием роли объединённой Германии на приоритетных для неё направлениях внешней политики (ЕС, НАТО, РФ) в 1990-2005 гг.;

– *в-шестых*, необходимостью осмысления положительного опыта наиболее тесных российско-германских отношений (1998-2005 гг.).

Источниковую базу исследования составили: 1) материалы российских и германских архивов (в том числе, документы, ранее не запрашивавшиеся исследователями); 2) документальные публикации по истории российско-германских отношений; 3) источники личного происхождения; 4) материалы российских и немецких СМИ.

К первой группе относятся документы российских и германских архивов, как государственных, так и личных.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) располагает крупнейшим по объему и информативности комплексом документов о планировании и механизме принятия решений в руководстве СССР в отношении Германии. Соответствующие документы находятся в фондах Съезда Народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР (1989-1991), Верховного Совета РСФСР (1938-1990), Съезда Народных депутатов РСФСР – РФ, Верховного Совета РСФСР – РФ (1990-1993), СНК СССР – Совета Министров СССР (1923-1991), Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), Совинформбюро, Агентства печати "Новости" (АПН). Источники по теме исследования экспонировались на историко-документальных выставках ГА РФ[1].

В Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП МИД РФ, бывший Архив МИД СССР) были изучены документы фонда «Референтура» (ф. 757), ряд из них впервые стал объектом исследования. Данный фонд содержит переписку посольств СССР в ФРГ и ГДР с МИД СССР; в нём отложились служебные записки советских дипломатов о настроениях властей и населения ФРГ и ГДР, об оценках политической ситуации в прессе, переводы заявлений и писем политических деятелей, в том числе, о поиске путей сближения в рамках политики разрядке, об обострении международной напряжённости в 1979-1984 гг., об отношении к политике перестройки в СССР, о кризисных явлениях в ГДР, о реакции ФРГ и её западных партнёров на складывающуюся возможность объединения Германии.

Данные документы фонда 757 АВП МИД РФ содержатся в группе описей, объединяющих документы сектора по ФРГ 3-го Европейского отдела МИД СССР, а именно в оп. 26-30, 37.

Для изучения «личной дипломатии» М. С. Горбачёва на германском направлении автор использовала документы архива Горбачёв-фонда. Данный архив содержит личные фонды, коллекции документов, а также документы,

---

1 См., например, отчёт о проведении историко-документальной выставки «Россия – Германия: от конфронтации к сотрудничеству. К 70-летию окончания Второй мировой войны» на сайте ГА РФ: http://statearchive.ru/assets/files/OTCHET_RUSSIA_GERMANY_70.pdf (дата обращения – 12.01.21).

отложившиеся в деятельности собственно Горбачёв-фонда, вместе отражающие развитие российского государства и общества, как правило, за период с конца 1980-х до настоящего времени. Документальный комплекс основан на материалах, переданных в дар семьёй Горбачёвых и членами их ближайшего окружения. Это, прежде всего, собрание материалов М.С. Горбачёва, документы, отражающие его работу в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР, а также характеризующие его общественную деятельность в период с 1992 г. и до настоящего времени. Архив хранит также личные фонды и коллекции советников М.С. Горбачёва – А.С. Черняева, Г.Ч. Шахназарова, В.В. Загладина, В.А. Медведева, а также Р.М. Горбачёвой[1].

Источники на немецком языке по теме исследования были изучены автором в Федеральном архиве ФРГ (бундесархив); ряд важнейших документов по теме исследования в том числе был опубликован на сайте бундесархива в канун 25-летия объединения Германии[2].

Автору диссертации удалось ознакомиться и с уникальным документом, каковым являются материалы Анкетной комиссии и представленный бундестагу 308-страничный доклад об итогах её работы[3]. Комиссия использовала материалы федеральных и земельных архивов ФРГ. Среди приглашённых комиссией «свидетелей времени» были государственные и политические деятели ФРГ и ГДР Г. Коль, Г. Шмидт, Э. Бар, В. Шеель, Х.-Д. Геншер и Х. Модров.

Личные архивы, при неизбежной субъективности фондообразователей, содержат нарратив, нужный для сопоставления разных точек зрения, детального изучения рассматриваемых в диссертации проблем. Среди личных архивов, входящих в источниковую базу диссертации, – документальные соб-

---

1 Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд):
https://www.gorby.ru/archival/archive_library/ (дата обращения – 12.01.21).
2 Portal des Bundesarchivs. 25 Jahre Wiedervereinigung:
https://wiedervereinigung.bundesarchiv.de/ (дата обращения – 12.01.21).
3 Bericht der Enquete-Komission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED=Diktatur in Deutschland». – www.dipbt.bundestag.de

рания советских дипломатов П.А. Абрасимова[1], В.Н. Белецкого,[2] Ю.А. Квицинского, В.С. Семёнова[3], В.П. Терехова, В.М. Фалина; а также личный архив советского и российского историка И.С. Кремера[4]. В качестве участника Международного политического клуба в Берлине и Бергедорфского проекта И.С. Кремер общался с видными политиками ФРГ – Р. Вайцзеккером, Г. Шмидтом, Э. Баром, Ф. Рюэ.

Ко второй группе относятся опубликованные источники официального происхождения, парламентские, правительственные и дипломатические документы, речи и статьи ведущих политиков СССР, ГДР и ФРГ[5].

Содержащиеся в сборнике «Михаил Горбачёв и германский вопрос» документы раскрывают роль советского лидера в объединении Германии. Большинство документов, среди которых записи переговоров Горбачёва с немецкими политиками, лидерами мировых держав, письма, служебные записки сотрудников Горбачёва, записи обсуждения германского вопроса на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, были опубликованы впервые. Сборник подготовлен сотрудниками «Горбачёв-Фонда» — А. С. Черняевым, работавшим в 1986–1991 гг. помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, и старейшим российским историком-германистом А. А. Галкиным[6].

---

1 Архив П. А. Абрасимова находится в распоряжении автора диссертации.

2 Белецкий В. Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М., 1979.

3 Хавкин Б.Л. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семёнова. // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 84-141.

4 Архив И.С. Кремера находится в распоряжении автора диссертации.

5 Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления, в 3-х т. М., 2003-2008 (ред. В.Ю. Афонин и А.А. Фурсенко); СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из российских архивов. Т.IV. 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. М.: Международные отношения, 2012; Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994/Hrsg. Auswärtiges Amt. – Köln: Verl. Wiss. Und Politik, 1995; Dokumentation zur Entspannungspolitik der Bundesregierung. Ostpolitik. – Hamburg: Presse – und Informationsamt Regierung, 1981; Die Vereinigung Deutschlands im Jahre 1990. Verträge und Erklärungen. Presse-und Informationsamt der Bundesregierung, Bonn, 1991; Verträge der Bundesrepublik Deutschland mit der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken vom 12. August 1970 und mit der Volksrepublik Polen vom 7. Dezember 1970. Presse-und Informationsamt der Bundesregierung, Bonn, 1991.

6 Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991. М: Весь мир, 2006.

В сборнике документов «Кремль и поворот»[1], подготовленном историками России и Австрии, содержится широкий круг источников по изучаемой теме – от официальных публикаций правительственных документов до донесений послов, стенограмм закрытых заседаний.

Третью группу составляют источники личного происхождения. В эту группу вошли мемуары, письма, дневники участников событий. Речь идёт о воспоминаниях, опубликованных на русском[2] и на немецком языке[3].

Четвертую группу источников составляют материалы СМИ – русские и немецкие газеты и журналы, электронные копии которых размещены на сайтах редакций[1] и сайте Государственной библиотеки Берлина[2].

---

1 Der Kreml und die “Wende”. Innsbruk – Wien – Bozen. Studien Verlag. 2014.

2 Абрасимов П.А. Четверть века послом Советского Союза. М.: Национальное обозрение, 2007; Вольф М. Игра на чужом поле. 30 лет во главе разведки. М.: Международные отношения, 2014; Квицинский Ю.А. Время и случай. М.: Олма-Пресс, 1999; Кренц Э. Осень 1989 года. М.: Московский гуманитарный институт, 1999; Кузьмин И.Н. Поражение: крушение ГДР и объединение Германии. М.: Научная книга, 2003; Майер-Ландрут А. «С Богом! И оденься потеплее». Моя дипломатическая миссия в России. М.: Международные отношения, 2005; Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М.: Московская школа политических исследований, 2001; Максимычев И.Ф. Восточная политика единой Германии. Итоги первого десятилетия: Доклад № 76. М.: Экслибрис-Пресс, 2001; его же: Крушение. Реквием по ГДР. Последний год ГДР. М.: Научная книга, 1993; его же – Россия и Германия. От мировых катастроф к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014; его же – Берлинский дневник (1989-1992 гг.) Из записок дипломата. М.: РАН, 2019; Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М.: Международные отношения, 2000; Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999; Терехов В.П. Холодный блеск Фортуны. М.: МГИМО – Университет, 2012; Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания. М.: Республика, 1999; Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 2. М.: Вече, 2016; Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991. М.: РОССПЭН, 2008; Шмидт Г. На благо Германии. Пути выхода из кризиса. М.: Международные отношения, 1995; Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М.: Европа, 2007.

3 Adenauer K. Erinnerungen. 1945-1953. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1965; Adenauer K. Erinnerungen. 1953-1966. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966; Bahr.E. «Das musst du erzählen». Erinnerungen an Willy Brandt. Berlin, Ullstein, 2015; Bahr E. Zu meiner Zeit. Műnchen: Karl Blessig Verlag, 1996; Brandt W. Berliner Ausgabe. Band 9. Die Entspannung unzerstörbar machen. 1974-1982. Dietz Nachf. Verlag; Brandt W. Berliner Ausgabe. Band 10. Gemeinsame Sicherheit. 1982-1992. Dietz Nachf. Verlag, 2009; Genscher H.-D. Deutsche Politik. Ausgewählte Grundsatzreden 1975-1980. Stuttgart: Bonn Aktuel, 1981; Genscher H.-D. Erinnerungen. Stuttgart: Siedler Verlag, 1995; Genscher H.D. Meine Sicht der Dinge. Berlin: Propyläen, 2015; Honecker E. Aus meinem Leben. Berlin: Dietz Verlag, 1980; Kohl H. Erinnerungen, 1990–1994. München: Droemer, 2007; Schmidt H. Ausser Dienst. Eine Bilanz. München: Pantheon, 2010; Weizsäcker R. Die deutsche Geschichte geht weiter. Berlin: Siedler Verlag, 1983; Weizsäcker R. Vier Zeiten. Erinnerungen, München: Pantheon.

Оценивая **степень научной разработанности изучаемой проблемы**, отметим, что её теоретические и практические аспекты, предыстория, история объединения Германии и политика новой ФРГ на рубеже XX-XXI вв. имеют свою источниковую базу и являются предметом пристального изучения исследователей в России и Германии. Однако их внимание недостаточно уделялось вопросам обоснования и выбора приоритетов внешней политики объединенной ФРГ.

Специфика идеологической ангажированности в освещении изучаемой темы состоит в том, что и «прозападный», и «просоветский» взгляд одинаково преуменьшают политическую волю и компетентность советского руководства в решении германского вопроса, бывшего Гордиевым узлом европейской политики. В публикациях отечественных СМИ события 1989-1990 гг. зачастую сводятся к одностороннему изображению «коллапса» советского руководства или «предательства» М.С. Горбачёва. Однако действия советского руководства в ситуации распада социалистического блока хотя и были неоднозначными, но отнюдь не заслуживают характеристики как «необоснованных», «неадекватных», так и «лишённых доброй воли». Опровержению стереотипов способствует расширение источниковой и литературной базы исследования, в том числе, за счёт материалов личных архивов.

Диссертация опирается на фундаментальные труды российских и германских историков. Это работы, изданные на русском языке – А.А. Ахтамзяна, В.Б. Белова, А.И. Борозняка, А.Ю. Ватлина, Л.М. Воробьёвой, Р.В. Долгилевича, В.Д. Ежова, И.С. Кремера, И.Н. Кузьмина, Г. Ланггута, И.Ф. Максимычева, Н.А. Нарочницкой, Ф.И. Новик, Н.В. Павлова, А.И. Патрушева, М.И. Семиряги, А.А. Синдеева, Е.П. Тимошенковой, А.М. Филитова, К. Хак-

---

1 Независимая газета – www.ng.ru; Коммерсант – www.kommersant.ru; Frankfurter Allgemeine Zeitung – https://www.faz.net/aktuell/ (дата обращения 13.01.21)

2 Staatsbibliothek zu Berlin. URL: http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse/volltextsuche/?no_cache=1 (дата обращения: 15.10.2020).

ке, Г. Шёльгена[1], а также на работы на немецком языке – А. Баринга, А. Даллеса, Х. Хафтендорн, Т. Лютьен / Л. Гайгеса, М. Руппса, Г. Шёльгена, Ф. Штерна[2]. Использованы также: коллективный труд учёных РФ и ФРГ[3], коллективный труд, подготовленный в Институте Европы РАН и филиале Фонда

---

[1] Ахтамзян А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М.: Библос консалтинг, 2010; Белов В.Г. Российско-германское сотрудничество – хорошее состояние на фоне плохой атмосферы международных отношений, ИЕ РАН. 2014; Борозняк А.И. Россия и Германия в XX веке. Страницы истории: Сб. статей. Липецк, 2009; Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: Литагент «Директмедиа», 2014; Воробьёва Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI в. М, РИСИ, 2000; Воробьёва Л.М. Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. – М.:РИСИ, 1998; Долгилевич Р.В. Западный Берлин и советская дипломатия. (1963-1969 гг.). С.-Пб.: Алетея, 2018; Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырёх эпох. М.: Молодая гвардия, 2003; Кремер И.С. ФРГ: Внешнеполитическая борьба и внешняя ориентация. М.: Мысль, 1977; Его же: ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986; Кузьмин И.Н. Поражение: Крушение ГДР и объединение Германии. М.: Научная книга, 2002; Ланггут Г. Россия-Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014; Максимычев И.Ф. Нарочницкая Н.А. США и «Новая восточная политика» ФРГ. М.., Наука, 1977; Новик Ф.И. В ловушке холодной войны. Советская политика в отношении Германии. 1953-1958 г.г. М., ИРИ РАН, 2014; Павлов Н.В. Объединение или рассказ о решении германского вопроса с комментариями. – М.: ИПО «Полигран», 1992; Его же: История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012; Его же: Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017; его же: Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005-2017). М., 2018; Павлов Н.В. Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники, 2005; Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во Моск. у-та, 2009; Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М.: Росспэн, 1995; Синдеев А.А. "ФРГ и новый старт трансатлантических отношений". Институт Европы РАН. Аналитическая записка №43, 2020 (№ 226); Тимошенкова Е.П. Разделы по внешней политике и партийно-политической системе ФРГ в коллективных трудах; Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению: Новое прочтение. М.: Междунар.отношения, 1993; Его же: Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941-1990. М.: Наука, 2009; Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии) / Пер. с нем. М.: АО «Буклет», 1995; Шёльген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика / Пер. с нем. М.: АО «Буклет».

2 Baring A. Machtwechsel. Die Ära Brandt-Scheel. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982; Haftendorn H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbsbeschränkung und Selbstbehauptung 1945-2000. Stuttgart/Műnchen: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001; Lűtjen T. / Geiges L. Frank-Walter Steinmeier. Biografie. Freiburg im Breisgau: Verlag Herder GmbH, 2017; Rupps M. Kanzler Dämmerung. Wer zu spät kommt, darf regieren. Zűrich: Orell Fűssli Verlag, 2017; Schöllgen G. Die Aussenpolitik Deutschlands von Anfängen bis zur Gegenwart. Műnchen, Beck, 2014; Stern F. Fünf Deutschland und ein Leben. München: C.H. Beck, 2007.

3 Россия и Германия в годы войны и мира (1941-1945). Под ред. Проэктора Д., Прудкова О., Случа С., Лёзера Й, Якобсена Х.-А. М: Гея, 1995.

им. Ф. Эберта в РФ[1]. В историографическую базу исследования вошли диссертации Е.В. Андреева, А.И. Егорова, А.Н. Кирилловой, А.С. Латкова, Т.А. Некрасовой, О.С. Сергеевой, О.А. Топорковой и Б.В. Яблокова[2].

Эмпирическую базу диссертационного исследования составил анализ официальных источников, в том числе доктринальных документов и правовых актов Российской Федерации и Федеративной Республики Германия по теме исследования.

Актуальность изучения проблемы определения приоритетов внешней политики ФРГ обусловила выбор темы, формулировку объекта, предмета и цели исследования.

Объект исследования – внешняя политика ФРГ и ГДР до объединения страны и внешняя политика объединённой Германии в 1945-2005 гг.

Предмет исследования – формирование и реализация приоритетов внешней политики Германии до и после объединения (1945-2005 гг.).

Хронологические рамки исследования – 1945-2005 годы:

1945 г. – окончание Второй мировой войны, раскол Германии на зоны оккупации союзников и появление германского вопроса.

2005 г. – выборы федерального канцлера объединенной Германии, на которых на смену социал-демократа Г. Шрёдера, политического партнера и личного друга Президента России В.В. Путина, пришла новый канцлер лидер блока ХДС/ХСС А. Меркель, которая в новых исторических условиях продолжила германо-российский диалог.

---

1 Германия. Вызовы XXI века. М: Весь мир, 2009 – ред. В.Б. Белов; Европа в поиске новых решений. Доклады Института Европы № 372. М.: Ин-т Европы РАН, 2020 – ред. Р.Н. Лункин и П.В. Осколков.

[2]Андреев Е.В. Политико-дипломатические аспекты объединения Германии в конце XX века. Москва, 2006; Егоров А.И. Объединенная Германия на международной арене: участие в многосторонних связях и развитие отношений с Россией (1991-2008 годы). Москва, 2015; Кириллова А.Н. «Новая восточная политика» федерального канцлера Герхарда Шредера (1998-2005 годы). СПб, 2018; Латков А.С. Балканское направление внешней политики ФРГ: 1991-2014 гг. Москва, 2015; Некрасова Т.А. Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии в 1945-1949 гг. Москва, 2010; Топоркова О.А. Международные и внутренние факторы интеграции восточных и западных немцев в конце XX-начале XXI вв. Москва, 2012; Яблоков Б.В. Внешнеэкономическая политика ГДР в условиях "новой экономической системы": 1963-1973. Москва, 2018.

Цель исследования – выявление содержания и направленности процессов формирования и реализации приоритетов германской внешней политики в 1945 -2005 гг.

В соответствии с поставленной целью решаются в исследовании следующие ***задачи***:

1) исследование процесса выработки и реализации внешнеполитических приоритетов ФРГ (Боннской республики) до объединения Германии;

2) определение внешнеполитических приоритетов ГДР;

3) раскрытие последствий «перестройки» и «нового мышления» в Советском Союзе для решения германского вопроса;

4) исследование международных и внутренних аспектов объединения Германии;

5) определение приоритетных направлений внешней политики объединённой Германии (1990-2005 гг.);

6) выявление приоритетов и особенностей периода наиболее тесных российско-германских отношений (1998-2005 гг.).

Научная новизна исследования заключается:

– во введении в научный оборот новых архивных материалов по германскому вопросу, касающихся событий второй половины 80-х – начала 90-х: документов из личных архивов историка-германиста И. С. Кремера, посла СССР в ГДР П. А. Абрасимова, посла СССР и России в ФРГ В. П. Терехова[1], а также материалов Анкетной комиссии ФРГ[2] и упомянутых выше документов Архива МИД РФ, освещающих развитие политической ситуации в ФРГ и ГДР в разные годы и дающих представление о её мониторинге в МИД СССР;

---

[1] В частности, в архиве И. С. Кремера содержатся его интервью с советником В. Брандта, министром по особым поручения (1972-1974) Э. Баром, федеральным канцлером Г. Шмидтом. В архиве П. А. Абрасимова – переписка с федеральными канцлерами В. Брандтом, Г. Шмидтом, с председателем СЕПГ Э. Хонеккером. В архиве В. С. Семёнова – его дневники, опубликованные лишь частично опубликованные (см. Хавкин Б.Л. Указ. соч.).

[2] Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Bd. I–IX, Bonn, 1994–2000. (Далее: Materialien der Enquete-Kommission).

– в раскрытии на основе исторических источников и литературы процессов формирования и реализации внешнеполитических концепций западногерманской элиты в начальный период оккупации Германии с учётом их реализации впоследствии во внешней политике ФРГ;

– в выявлении различий в эволюции внешней политики ФРГ и ГДР в период «холодной войны»;

– в установлении взаимосвязи «перестройки» и «нового мышления» в Советском Союзе с решением германского вопроса и приоритетами внешней политики ФРГ и ГДР с использованием новых источников;

– в выявлении внутренних (действовавших в ФРГ и ГДР) и международных факторов объединения Германии;

– в установлении последствий объединения Германии для определения приоритетов внешней политики страны в 1990-2005 гг.;

– в выявлении содержания, причин и особенностей развития российско-германских отношений в 1998-2005 гг.

Теоретическая значимость работы заключается в доказательстве основных тезисов исследования, в формировании целостного представления о влиянии объединения Германии (как стремления ФРГ к объединению с ГДР, так и положения ФРГ после достижения данной цели) на выбор приоритетов её внешней политики, в частности в отношениях между Германией и Россией.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования её материалов в практической работе МИД России и других занимающихся внешней политикой российских организаций и учреждений при подготовке предложений и научной экспертизы и принятии решений по вопросам экономических, политических отношений России и Германии. Результаты исследования могут составлять основу учебных программ, пособий, курсов по истории международных отношений, внешней политики и дипломатии Германии в образовательных учреждениях высшего профессионально-

го образования, занимающихся подготовкой специалистов по международным отношениям.

Теоретическую основу исследования составляют разработки, идеи и выводы отечественных и зарубежных ученых, связанные с осмыслением приоритетов внешней политики ФРГ, объединения Германии, места и роли Советского Союза в объединении, внешнеполитических приоритетов объединённой ФРГ. В ходе исследования изучались и сопоставлялись позиции разных авторов относительно феноменов и содержания понятий «приоритеты», «объединение Германии», «внешняя политика». Особое внимание уделялось трудам, осмысляющим теоретические и практические аспекты объединения Германии и её внешней политики.

Методологической основой исследования стали основополагающие принципы исторической науки, прежде всего принципы историзма, научной объективности, верификации источников. В интересах составления полной и объективной картины влияния объединения Германии на выбор приоритетов её внешней политики использованы общенаучные способы эмпирического и теоретического познания исторических явлений и процессов: наблюдение, описание, анализ, синтез, сравнение, аналогия, теоретическое обобщение. Автор опирался на логический, институциональный, нормативно-правовой, социологический, системно-функциональный, ретроспективный, историко-компаративистский методы. Совокупность указанных методов позволила проследить взаимосвязь факторов и приоритетов внешней политики ГДР и ФРГ (до и после объединения) с перестройкой в Советском Союзе и её влиянием на политику ФРГ и ГДР в плане решения германского вопроса, с выбором внешнеполитических приоритетов объединенной Германии в мире и Европе в конце XX – начале XXI в.

Научная гипотеза исследования

В результате решения германского вопроса посредством объединения Германии страна оказалась в новых геополитических условиях, что детерминировало формирование внешнеполитических приоритетов. Сложившиеся в

историографии знания об эволюции внешнеполитических приоритетов Германии (их зарождение, становление и развитие) нуждаются в дополнительном изучении и корректировке с учетом полученных при проведении настоящего исследования данных и результатов.

Положения, выносимые на защиту

1. После Второй мировой войны на территории Германии в обеих ее частях начали формироваться внешнеполитические концепции. Они определили внешнеполитические приоритеты ФРГ и ГДР и в дальнейшем повлияли на решение германского вопроса, на выработку внешнеполитических приоритетов объединённой Германии.

2. В указанный период оба германских государства находились на переднем крае противостояния двух глобальных систем. Внешняя политика ФРГ претерпевала изменения, связанные как с её принадлежностью к западному блоку в меняющейся обстановке обострений и разрядки политического противостояния, так с эволюцией отношения к ФРГ внутри самого западного блока и постепенной смене политических элит и общественных настроений внутри Западной Германии. На рубеже 60-70-х гг. внешний курс ФРГ стали определять сторонники мирного разрешения «германского вопроса», произошло некоторое смягчение германо-германских отношений.

3. Перестройка в СССР стала ключевым фактором как для объединения Германии, так и для изменения ее геополитического положения. При объединении Германии проявились противоречия европейских держав и США в решении германского вопроса. Процесс объединения Германии стал одним из ключевых признаков провозглашённого СССР «нового политического мышления».

4. Определяющими для характера и темпа объединения стали решительная позиция Гельмута Коля и готовность советского руководства идти навстречу объединительным устремлениям народа ФРГ и ГДР на фоне как эрозии советского блока, так и надежд советского руководства на конвергенцию с Западом. Импульсом для объединения стал внутриполитический кри-

зис ГДР, утратившей авторитет как в глазах собственного населения, так и руководства СССР и ФРГ. Вместе с тем процесс скорейшего объединения Германии столкнулся с негласным противодействием со стороны союзников ФРГ по НАТО.

5. Объединение Германии привело к обновлению базовых векторов её внешней политики. В фокусе оказалось изменение градуса и пропорций в вопросах приверженности к евроатлантическому сообществу, евроинтеграции, к наращиванию влияния на мировой арене. В 1990-е гг. ушёл в прошлое тезис «ФРГ – экономический гигант, но политический карлик». Несмотря на тяжелое положение постсоветской России, на германо-российских отношениях благотворно сказывалась инерция понимания доброй воли Москвы в разрешившемся «германском вопросе». Германия заняла первое место среди торговых партнёров России и в кризисные для последней 90-е годы оказывала ей протекцию в международных финансовых учреждениях.

6. Указанный период, невзирая на то что его отправной точкой стало наибольшее обострение косовской проблемы, был неофициально назван «золотым веком» в отношениях Россией и Германией. Прежде всего, он связан с линией федерального канцлера Герхарда Шрёдера на приоритетное сотрудничество с Россией, встретившего понимание со стороны нового президента России В. В. Путина.

Степень достоверности и обоснованности результатов работы обеспечивается отбором достоверных источников, их верификацией, научной методологией и методикой исследования. Полученные сведения и предлагаемые выводы подтверждаются использованием достоверных источников и профильной литературы, которая включают диссертации, монографии, научные статьи, публикации периодической печати по проблеме исследования на русском и немецком языках.

Апробация и публикация результатов исследования. Основные положения диссертации апробированы в ходе участия автором в научных мероприятиях, в том числе в международной научно-практической конферен-

ции МГЛУ «Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерения», 16-18 апреля 2019 г. Результаты исследования на его различных этапах обсуждались на заседаниях кафедры теории и истории международных отношений и кафедры политологии МГЛУ, использовались автором при проведении учебных занятий.

Результаты исследования изложены автором в 8 публикациях (в том числе в монографии) на русском языке общим объемом 10 п. л.

Глава 1.
Внешнеполитические приоритеты в разделенной Германии (1945-1985)

Первые подходы к формированию внешнеполитических концепций начали зарождаться в Западной Германии еще до провозглашения ФРГ. Часть установок, наработанных в догосударственный период (1945-1949 гг.), легли в основу внешнеполитического курса ФРГ.

Оба немецких государства в период своего существования стали форпостами «холодной войны». Внешняя политика ФРГ претерпевала существенные изменения в силу целого ряда факторов. Указанные изменения сопровождались дискуссиями и столкновением полярных позиций в политических и научных кругах.

На рубеже 1960-1970 гг. верх в ФРГ взяли сторонники мирного разрешения «германского вопроса». Произошло и определённое смягчение немецко-немецких отношений. Приоритеты внешней политики двух немецких государств формировались в сложных условиях. Изучению этих процессов посвящена настоящая глава.

1.1. Формирование и реализация внешнеполитических концепций западногерманской элиты в период оккупации

Необходимо сразу же отметить, что неправомерно говорить о самостоятельной внешней политике Западной Германии как до образования ФРГ, так и в первые годы после ее провозглашения. Побеждённая страна управлялась оккупационными державами (до 1949 г. явно, через оккупационные администрации, а после, в начале 50-х гг. – негласно, путем воздействия на новую и отчасти – на частично сохранившуюся прежнюю германскую элиту) и была в это время объектом, но не субъектом мировой политики[1]. Для реше-

1 Влияние этой элиты (особенно её экономической части) было предметом исследования Р.П. Фёдорова (Анонимная власть: Классовые организации монополистического капитала в ФРГ. М.: Международные отношения, 1970), а также немецкого политолога Р. Вильде-

ния проблем, связанных с Германией и ее союзниками, была создана специальная международная инстанция – Совет министров иностранных дел четырёх держав (СМИД)[1]. Эти проблемы были изъяты из компетенции ООН и её Совета Безопасности.

«Холодная война», нацеленная на «сдерживание коммунизма» и поставившая под сомнение решения Потсдамской конференции, распространение на западные зоны оккупации “плана Маршалла”, формирование НАТО весной 1949 г., победа китайской революции и создание атомного оружия в Советском Союзе – всё это служило определяющим фоном, на котором развивались первые наметки будущего курса внешней политики Федеративной Республики Германии. В историографию многих стран вошло убеждение, что «холодная война», в эпицентре которой оказалась Германия, началась с известной мартовской речи 1946 года У. Черчилля. Но такая позиция начала формироваться раньше. Приведем выдержку из письма президента США Г. Трумэна госсекретарю Д. Бирнсу от 5 января 1946 г.: «Если им [советским лидерам] не показать железный кулак и не говорить с ними твёрдым голосом, мы переживём новую войну. Есть только один язык, который русские понимают, а именно: «Сколько у вас дивизий?»[2]

Нет необходимости перечислять серьезные разногласия и трения между вчерашними союзниками, которые теперь не были больше нужны друг другу, как в годы войны, и могли во всех важных вопросах европейского устройства исходить только из своих национальных интересов. Все эти вопросы и, прежде всего, Берлинский кризис 1948-1949 гг., хорошо изучены и описаны во многих публикациях. Здесь следует лишь подчеркнуть очевидную преемственность обсуждений, дискуссий и публикаций первых послево-

---

мана (R. Wildemann. Eliten in der Bundesrepublik: Eine sozialwissenschaftliche Untersuchung über Einstellungen führender Positionsträger zur Politik und Demokratie. Mannheim, 1968).

1 На совещаниях СМИД удалось в целом согласовать тексты мирных договоров с Италией, Финляндией, Румынией, Венгрией и Болгарией, но ни один важный вопрос, касавшийся Германии, не был согласован.

2 Truman H. S. Memoiren, Bd. I, Stuttgart, 1955, S. 601 – цит. по книге Badstubner R., Thomas S. Restauration u. Spaltung u. Entwicklung der BRD. 1945-1955. Berlin, 1975, S.78-79.

енных лет и первых лет государственной институционализации Западной Германии.

В первый момент после Победы руководство США ещё пыталось вернуться к планам, которые Ф. Рузвельт и У. Черчилль озвучили в Ялте. 10 мая 1945 г. новый президент США Г. Трумэн направляет американским властям в Германии секретную директиву, которая гласила, что «военное управление с самого начала должно готовить последующее расчленение Германии» путём образования ряда «сепаратных суверенных государств», включая «Южногерманское государство» из Австрии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Венгрии со столицей в Вене[1].

В первые год-полтора оккупационным властям четырёх держав ещё удавалось приходить к согласию по большинству обсуждаемых вопросов. Это можно объяснить тем, что «холодная война» ещё только зарождалась; в администрациях западных оккупационных держав можно было встретить немало недавних офицеров-фронтовиков, убежденных антинацистов, проникнутых уважением к восточному союзнику. Они находились под влиянием итогов завершившейся войны, понимали и признавали роль Советского Союза в ней. Главное же в том, что они были полны решимости покончить с остатками нацизма на немецкой земле. Первые инструкции из Вашингтона требовали от работников оккупационных властей жёсткой политики в отношении бывших нацистов и предлагали своим сотрудникам не заниматься перевоспитанием немцев, а твёрдо пресекать все попытки возродить идеи или практику нацизма. «Германия, – говорилось в одной из директив (№1067), – оккупируется не в целях её освобождения, а как побеждённая вражеская страна. Германские вопросы должны решаться так, чтобы это содействовало децентрализации политической и административной структуры страны и развитию местных самоуправлений»[2].

---

1 Цит. по: Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники, 2005. С.25.

2 Цит. по: Международные отношения после второй мировой войны. Т. 1 (1945-1949 гг.). М., 1962. С. 457.

Надо отдать должное американской администрации «первой волны». Когда эксцентричный генерал Джордж Паттон содействовал выдвижению на пост первого послевоенного премьер-министра Баварии реакционера и пронациста Ф.Шеффера, это вызвало резкий протест Д. Эйзенхауэра, главнокомандующего войсками США в Германии. 28 сентября 1945 г. он вызвал Паттона и заявил: «Что, чёрт возьми, делает американская армия в Германии, если она не занимается денацификацией немецкого правительства и управления? Русские своих нацистов казнят, а американцы предоставляют им посты»[1]. В тот же день Шеффер и два его заместителя были уволены в отставку. Вместо Шеффера Эйзенхаузер утвердил на должность премьер-министра Баварии социал-демократа Хёгнера.

Следует указать еще два фактора, оказавших заметное влияние как на внутреннее развитие обеих частей Германии, так и на выбор ими в этот период мирного будущего для страны. Один из этих факторов - возвращение на родину социалистической, коммунистической и либеральной эмиграции: политиков, партийных активистов, ученых, в свое время покинувших страну, спасаясь от нацистского террора. Когда мы пытаемся понять корни успешного демократического, либерального внутреннего развития западных немецких земель после падения 12-летнего нацистского режима, нельзя недооценивать работы тысяч антифашистов, демократов, деятелей обеих церквей, перед которыми распахнулись ворота концлагерей и тюрем, и которые начали активно функционировать в политических партиях, профсоюзах и органах власти (в том числе и консервативно настроенных политиков, например, К. Аденауэра, будущего председателя бундестага Э. Герстенмайера, и таких левых политиков веймарской Германии, как К. Шумахер или М. Рейман). В первые послевоенные годы заметную роль в политической жизни Западной Германии играли коммунисты (в т. ч. в Парламентском совете и в бундестаге первого созыва). Часть из них не рассталась с радикальными, крайне левыми

1 «Stern». 1979. № 19. S. 91. Для эволюции взглядов американской администрации характерно, что в 1949 г. при полном согласии западных союзников К. Аденауэр пригласил Ф. Шеффера занять пост министра финансов в правительстве ФРГ.

настроениями, но их решительный антинацизм работал на общее дело демократизации Западной Германии. Здесь можно сделать одно дополнение, без которого общая, прежде всего, духовная атмосфера в послевоенной Германии будет описана неполно. В Восточной Германии, которой (во всяком случае, на муниципальном уровне) управляли коммунисты – недавние борцы Сопротивления, недавние эмигранты, вернувшиеся из Москвы, последовательные враги нацизма, постепенно складывалось искреннее представление, что, собственно, разгром нацизма не имеет к этой части страны такого же отношения, как к западной, ибо она, восточная часть, скорее союзник победителей и имеет право вместе со странами антигитлеровской коалиции праздновать победу над общим врагом.

В западной же части страны таких претензий не выдвигалось. Здесь под влиянием религиозной и светской либеральной мысли были широко распространены чувства покаяния, готовность загладить вину и искупить зло, причиненное гитлеровцами. Отсюда – деятельность таких организаций, как «Aktion Sühnezeichen» («Акция покаяния»), добровольный тщательный уход за могилами солдат антигитлеровской коалиции и военнопленных, погибших на территории Германии, поездки немецких специалистов в СССР для участия в восстановлении разрушенного гитлеровцами хозяйства и, наконец, позднее, официальное решение о хотя бы частичном возмещении ущерба, причиненного немецким евреям и государству Израиль. Стоит отметить, что оба подхода вполне согласовывались с идеологическими установками победителей: восточный «победивший антифашизм» как бы подтверждал классовую природу борьбы нацизма и социализма и обосновывал место Восточной Германии (во многих отношениях - ведущее) среди стран советского блока, тогда как культ немецкой вины на западе всячески поощрялся западными союзниками, стремившимися с использованием и этого момента, оставить в прошлом опасные черты прежней Германии. При этом пропаганда как в западном блоке, так и в советском включала в себя постулат о том, что «чужая» часть Германии в отличие от «своей» не была вполне денацифицирована и в

какой-то мере сохранила преступные старые кадры и даже идейную преемственность с гитлеровским режимом.

Заметным отличием нового расклада, которому придавали немалое значение зарубежные наблюдатели, было смещение (по крайней мере, для региона, где проживали 80% немцев) германской государственности на Запад, в рейнские земли и Баварию. С момента создания Германской империи и до 1945 г. наиболее консервативные, реакционные силы в Германии имели своей базой земли к востоку от Эльбы; теперь эти территории стали советской зоной оккупации, а также новыми западными областями Польши. Часть исследователей отмечает рост влияния политического католицизма, но автор диссертации считает, что точнее было бы определять ситуацию в Западной Германии как усиление влияния «социального христианства», ибо прогрессивная внутренняя политика Христианско-демократической партии, связанной с католической церковью, делала ее привлекательной и для приверженцев евангелической конфессии.

К. Аденауэр, кёльнский католик, еще в начале Веймарской эпохи утверждал: «Существуют две Германии: одна (на западе), сформировавшаяся под влиянием римской культуры, другая (на востоке), возникшая под влиянием Пруссии». Уже весной 1946 году, выступая с речью в Кёльнском университете, Аденауэр (в этот момент - лидер ХДС британской зоны) подчеркнул ограниченность возможностей Германии в сфере внешней политики и добавил, что христианские демократы являются сторонниками возрождения Германии, но не желают повторения империи Бисмарка под руководством Пруссии.[1] Несколько преувеличивая, издательница влиятельного еженедельника «Die Zeit» Марион фон Дёнхофф писала, что для Аденауэра земли к востоку от Эльбы были «азиатскими степями»[2]. Определение М. Дёнхофф подтверждает и В. Брандт, сообщая, что К. Аденауэр рассказывал о себе:

---

1 Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии)/Пер. с нем. М.: АО «Буклет», 1995. С. 41.

2 Adenauer K. Reden 1917-1967. Eine Auswahl. Hrsg. Vom H.P.Schwarz. Stuttgart, 1975. – S. 104

«Когда он (еще до Гитлера) ехал в Берлин, его никогда не оставляло чувство, что за Эльбой кончается Европа, а за Магдебургом он задёргивал занавески, чтобы не видеть азиатскую степь»[1].

Для таких антипрусских настроений как представителей Западной Германии, так и западных лидеров были известные основания. На встрече «Большой Тройки» в Тегеране в 1943 года У. Черчилль предлагал расчленить Германию, но и обойтись с Пруссией более сурово, чем с остальными германскими землями[2], что фактически и было сделано. Процесс уничтожения прусского ядра бывшей Германской империи завершился с принятием союзным Контрольным советом в Германии 25 февраля 1947 г. Закона «О ликвидации Прусского государства». 1 марта 1947 г. Контрольным советом было заявлено, что Прусское государство «являлось источником милитаризма и реакции в Германии», и поэтому упраздняется[3]. Возрождения Германии как мощной военной державы всерьёз опасались на Западе[4].

Нельзя не отметить заметного влияния на ситуацию в Западной Германии перемещения на ее территорию значительных людских масс (прежде всего, беженцев военного времени и послевоенных переселенцев из советской зоны оккупации; позднее появились беглецы из ГДР).

После тяжелой разрухи в 1945-1947 гг. (которые многим невоевавшим немцам запомнились как время не менее тягостное, чем военное), с 1948 года в западных секторах начался экономический подъём. В Советском Союзе успехи Западной Германии долгое время объяснялись осуществлявшимся в 1948-1952 гг. «планом Маршалла», т.е. вливанием средств, имевшихся в распоряжении “нажившегося на войне американского империализма”, чего не

---

1 Dönhoff M., Gräfin. Von Gestern nach Übermorgen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. S.11.

2 «Я считал, – писал позднее Черчилль, что Пруссия должна быть изолирована и ослаблена… я полагал также, что с Пруссией следует обойтись более сурово, чем с другими частями рейха». Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Т.3. С. 203.

3 СССР и Германский вопрос. 1945-1949. Документы из российских архивов. Т.3.С. 111. См. также M. Overesch. Deutschland 1945-1949. Vorgeschichte und Gründung der Bundesrepublik. Ein Leitfaden in Dartstellung und Dokumenten. Düsseldorf, 1979. S.267.

4 См.: Белозёров В.К. Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 53-60.

могла предоставить «народно-демократической» Восточной Германии советская сторона. Конечно, средства, полученные по «плану Маршалла», сыграли роль стартового капитала. Однако решающую роль в стремительном восстановлении и развитии западногерманской экономики сыграли либеральные реформы Л. Эрхарда, начатые в июне 1948 г.[1], а также заметный энтузиазм населения, сочетавший как патриотические, так и эгоистические мотивы. Интересно, что до реформ Эрхарда даже в консервативных кругах Западной Германии всерьёз обсуждался вопрос об использовании и социалистических методов. Правда, этот период был недолгим. Российский историк А.И. Борозняк показал, как шаг за шагом лозунги “экономического социализма” и национализации ряда отраслей промышленности исчезали из программ местных организаций демохристиан, а в политике на первый план выходили люди, прямо или косвенно связанные с крупным капиталом[2]. Западногерманская экономика, направленная в русло рыночного хозяйства, быстро перешла к стабильному росту, вскоре получившему название «немецкого экономического чуда».

В первые годы после свержения нацизма значительная часть немцев пребывала в состоянии нравственного потрясения и глубокого психологического кризиса. Трудная выработка новой самоидентификации немецкого народа растянулась на многие годы. Важнейшую стабилизирующую роль в западногерманском обществе сыграла позиция возрожденных политических партий и профсоюзов, призывавших к «социальной ответственности». То есть чувства патриотизма и общественной солидарности, превращенные гитлеровским режимом в орудия разрушения, стали орудиями созидания новой Германии.

Вопреки бытовавшим не только в советской пропаганде опасениям перед «западногерманским реваншизмом», культ «немецкой вины» и искренне-

---

1 См. Щенников А.В. Экономические реформы 1948-1950 гг. в Западной Германии //Веймар-Бонн: опыт двух германских демократий и современная Россия. М., 1998. С. 120-123.

2 Борозняк А.И. К истории формирования ХДС/ХСС.- Ежегодник германской истории. М., 1974. С. 317-338.

го покаяния утвердился в ФРГ, особенно среди молодой части западногерманского общества. Как отмечала уже в 90-е гг. российская исследовательница Л.А. Фадеева, после 1945 года в настроениях западногерманского общества можно было отметить синдром «бегства от истории», сознание «трудного отрочества». Тогда же западные немцы продемонстрировали самые низкие в Европе показатели по таким понятиям как «гордость за свой народ», «приверженность родной стране». Часть молодежи стремилась идентифицировать себя не с толерантными побежденными, а с «демократическими победителями»[1]. Характерной чертой западногерманской молодежи 60-80-х стала распространенность пацифистских и особенно космополитических настроений – на фоне левизны настроений их сверстников во всех западных странах.

Но нельзя обойти молчанием тот факт, что существенную лепту в самоощущение части населения ФРГ «хромой уткой» вносило казавшееся непоправимым самостоятельное развитие востока страны.

С установлением советского контроля над востоком Германии стала осуществима давняя мечта немецких коммунистов и «советских товарищей» о создании «государства рабочих и крестьян» на земле одной их самых развитых стран мира. Если в западных оккупационных зонах политика военной администрации сводилась к осторожному и неспешному внедрению, сформулированному на Потсдамской конференции принципа 4-х «де-» (денацификация, демократизация, демилитаризация, демонополизация), а также децентрализации, то социальные институты, существовавшие в советской зоне оккупации, были преобразованы глубже. Влиятельная на востоке страны Коммунистическая партия Германии (КПГ), сотрудничавшая с советской военной администрацией[2], заявляла, что она стремится не к введению советской системы, а к установлению антифашистского демократического строя,

---

1 Фадеева Л.А. Этностереотип немецкой нации в исторической ретроспективе // Веймар-Бонн: опыт двух германских демократий и современная Россия. М., 1998. С.100.

2 См. Проэктор Д. Размышления о холодной войне//Россия и Германия в годы войны и мира (1941-1995 гг). М.: Изд-во «Гея», 1995. С. 371.

но уже в самом начале оккупационного режима в советской зоне «были проведены решающие реформы, призванные создать социально-экономические предпосылки для построения коммунистической системы»[1]. Так, в 1945-1946 гг. в советской зоне были проведены земельная реформа (экспроприировавшая и перераспределившая земельные владения нацистов, и земельные излишки свыше 100 гектаров), промышленная реформа (по итогам референдума конфисковавшая промышленную собственность нацистского государства и членов НСДАП и передавшая ее новым государственным и акционерным институтам), школьная реформа (создавшая единую систему всеобщего среднего образования и ликвидировавшая частные учебные заведения).

К концу 1945 года всеми оккупационными органами было допущено создание в их зонах политических партий при условии их лицензирования. Вышли из подполья организации христианских и свободных демократов. В западных зонах Германии доминировали христианские демократы (ХДС). В советской оккупационной зоне, при покровительстве советской администрации, господствующее положение успешно стремились занять коммунисты (КПГ). Однако популярность социал-демократов и на востоке страны подтолкнула коммунистов еще в июле 1945 года проявить инициативу к объединению их партии с СДПГ, а советскую сторону (быть может, наученную горьким опытом вражды между левыми партиями в Веймарской республике) - поддержать это начинание. 26 апреля 1946 г. руководитель Советской военной администрации в Германии генерал В.Д. Соколовский разрешил деятельность объединенной – Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в советской оккупационной зоне. Объединение компартии и Социал-демократической партии Германии было фактически поглощением последней коммунистами. Против попыток компартии «вовлечь в лагерь миролюбивых сил» всю германскую социал-демократию решительно выступил руководитель СДПГ К. Шумахер, назвавший коммунистов «красными нацис-

1 Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 41.

тами». Партийные организации социал-демократов в западных секторах оккупации не признали СЕПГ и отвергли союз с коммунистами. Оккупационные власти западных держав напрямую запретили слияние партийных организаций[1]. Э. Бар, многолетний сотрудник В. Брандта, справедливо писал в своей последней книге, что споры Шумахера и Гротеволя по поводу возможного объединения коммунистов и социал-демократов были «небольшим вкладом в немецкий раскол», но ответственными были «более могущественные»[2]. В антагонизм между просоветскими и «буржуазными» левыми отнюдь не смягчался. Оппоненты не смущались в выборе оценок и тона дискуссий. Так, в июле 1948 г. видный социал-демократ Герлингер заявлял, что «наблюдаемое на Востоке является лишь фашизмом в азиатском проявлении». Новообразованные «единые социалисты» временно дистанцировались от идеи немедленного перехода к построению социализма и коммунизма, основой их идеологии стал «антифашизм». В ноябре 1947 г. в Берлине состоялось большое совещание «миролюбивых сил». Делегаты прибыли со всех концов Германии, но 80% из них составляли жители советской зоны оккупации. Участники совещания провозгласили себя 1-м Немецким народным конгрессом «за единство и справедливый мир». Федеративная Республика Германия заняла в нашем сознании место изначально капиталистического государства. Так оно и есть. Но все было не так просто. Как отмечает авторитетный российский германист Н.В. Павлов, социалистические лозунги и антимонополистическая ориентация были характерны в то время для большинства вновь возникших или реставрированных политических партий по обе стороны Эльбы[3]. Исторический опыт немецкого народа к 1945 году состоял в том, что власть крупного капитала в Веймарский период (1919-1933 гг.) завершилась установле-

---

1 Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С.47-55.

2 Bahr E. “Das musst du erzählen”. Erinnerungen an Willy Brandt. Berlin, 2015. S.14. К сожалению, Эгон Бар, один из главных авторов позитивного поворота политики ФРГ в 1970 г., последний из высокопоставленных участников тех событий, на дополнительные свидетельства которого рассчитывал автор данной диссертации, скончался в августе 2015 г.

3Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. М.: Высшая школа, 2001. С. 52.

нием диктатуры нацистов, а затем – войной, поражением и многими бедствиями.

Социал-демократы и коммунисты после поражения Германии активно выступали за изменение основ общественной жизни. На западе страны эти настроения проявились в 1946 г., когда во время референдума население земли Гессен высказалось за национализацию крупной собственности (76% участников). Здесь уместно также вспомнить, что в программе главной правобуржуазной партии Западной Германии – Христианско-демократического союза, принятой на съезде ХДС в г. Ален (февраль 1947 г.) говорилось: «Капиталистическая экономика больше не соответствует государственным и социальным интересам германского народа. Время неограниченного господства частного капитализма прошло». Вскоре ХДС предложила ввести для рабочих крупных предприятий (с числом занятых более 500) «право на соучастие» в решении основных вопросов экономического развития предприятия и социальных проблем.

Социал-демократы полагали, что возможны разнообразные формы экономик, но один принцип должен быть общим: «Все они должны быть социалистическими». Естественно, что власти западных оккупационных держав не одобряли каких-либо экспериментов социалистического толка[1]. Лидеры основных политических партий скоро перестали использовать левую фразеологию. Стартовая помощь немецкой экономике была дана Соединенными Штатами по плану Маршалла и была разумно использована для подъема бизнеса. После денежной реформы марка стала очень ценной, чтобы ее получить, заработать, люди приносили на рынок припрятанные ранее товары и продукты, ремесленники и другие специалисты быстро воссоздали спектр услуг. Постепенно власти начали размораживать банковские счета. Экономическая машина пришла в движение, возникали малые предприятия, а затем и средние.

---

1 Правда, любопытный эпизод случился в 1947 г. в земле Северный Рейн – Вестфалия, где британские оккупационные власти, представлявшие лейбористское правительство, предложили провести частичную национализацию горной, металлообрабатывающей и химической промышленности.

Началась полоса «прощения» крупных бизнесменов, сотрудничавших с нацистами. Освобожденным из тюрьмы Круппу, Фрику и другим капитанам германской промышленности были возвращены их заводы и шахты. Полученная из США финансовая помощь была использована главным образом на создание инфраструктуры экономики (транспорт, связь и др.) и модернизацию производства. Уже через 2-3 года темпы развития экономики были так высоки, что в мире заговорили о «германском экономическом чуде». Безработица начала ощутимо сокращаться, заработная плата росла. Лозунгом дня стало создание «свободного рыночного хозяйства». Просоциалистические силы в самой Западной Германии не обладали решающим влиянием. Коммунисты, бескомпромиссные сторонники социалистического развития, не имели в Западной Германии поддержки (на первых выборах в Парламент в августе 1949 г. они получили около 1,4 млн голосов – менее 6% участников голосования, и это был их наибольший успех за всю историю ФРГ). Социал-демократы, вернее, их руководители, хотя и говорили о социализме, понимали его как гуманизированное, социально-ориентированное, но рыночное в основе хозяйство. Упомянутая выше «Аленская программа» была не более чем «детской болезнью левизны» для христианских демократов, стремившихся дистанцироваться от недавнего прошлого, т. е. от Веймарской республики и 12-летнего господства нацистов.

Уже догосударственный период начался демонтажем потсдамского консенсуса. Например, можно вспомнить о программном выступлении государственного секретаря США Д. Бирнса 6 сентября в Штутгарте, в котором он поставил под сомнение постоянный характер польско-германской границы по Одеру-Нейсе[1]. Такой подход к решённой вроде бы проблеме был заметным кирпичиком в фундамент «холодной войны». В своей речи Бирнс признал, что записанное в Потсдамских соглашениях обязательство рассмат-

1 Буквально Д. Бирнс сказал следующее: «Граница между Германией и Польшей по линии Одер-Нейсе, в отличие от уступки Кёнигсбергской области, ни в коем случае не носит окончательного характера». Lilge H. Deutschland 1945-1963. Bremen: Fackelträger, 1977. S. 32.

ривать Германию в период оккупации как «единое экономическое целое» не выполняется. А. Гроссе так характеризует эту речь: «6 сентября 1946 г. американский государственный секретарь Бирнс произнес в Штутгарте речь, которая, по сути дела, провозгласила полное изменение американской политики в Германии»[1].

Уже шесть дней спустя совещание министров экономики западногерманских земель, созванное по инициативе оккупационных властей США и Великобритании, приняло решение о подготовке слияния хозяйства американской и английской зон. Начало функционирования Бизонии была намечено на 1 января 1947 г. Поскольку ни советская, ни французская зоны не были приглашены к созданию этого экономического объединения, такой акт можно считать началом раскола Германии.

Бирнс объявил, что период оккупации, связанный с наказанием немцев, закончился. «Но дальше шел многозначительный пассаж: «Американцы, – сказал Бирнс, – не желают, чтобы Германия стала вассалом какой-то державы или каких-либо держав, ни чтобы она жила под властью внутренней или иностранной диктатуры». По сути, его речь стала водоразделом и в деятельности органов союзников: после сентября 1946 года регулярно заседавшие Верховные комиссары пришли к согласию только по двум крупным вопросам, приняв закон об освобождении Германии от национал-социализма и милитаризма (Закон СКС от 12 октября 1946 г.) и закон о ликвидации Прусского государства. Немецкий историк Х. Шульце выражает сомнение, что именно прусская элита и офицерство были зачинщиками агрессии. По его словам, «за прорывом в сторону империалистической авантюры ни в коем случае не стояло знатное верхнее прусское сословие, которое зарубежным наблюдателям представлялось столь нецивилизованным и отпугивающим». Здесьречь идет главным образом о прусском дворянстве, которое, как известно, и приход нацистов к власти встретило без воодушевления и «не имело никаких

1 Grosser A. Deutschland Bilanz. Geschichte Deutschlands seit 1945. München, 1970. S. 105. Текст речи был опубликован 7 сентября 1946 г. в «The New York Times» и в тот же день – во «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

амбиций во внешней политике». Но дальше Х. Шульце пишет, что авантюрную политику Германии в годы нацизма «поощряло либеральное и владетельное бюргерство, наследники германского националистического движения, которые по мере роста своей экономической власти сделали ставку на экспансию и на обеспечение соответствующей позиции в мире»[1].

Что касается участия общественных сил самой Западной Германии в обсуждении политических проблем, то в первое время оно было минимальным. Определенным рубежом между пассивным и началом более активного отношения общественности к вопросам внешней политики стали план Маршалла, Лондонское совещание 1948 года и первый Берлинский кризис 1948-49 годов. Эти события происходили на фоне и одновременно были частью начавшейся «холодной войны».

Ровно через год после отправки Вашингтоном упомянутой выше директивы (№ 1067), т.е. 12 июля 1947 г., шестнадцать государств приняли в Париже решение об участии в плане американской помощи («план Маршалла»). В этом документе участники парижского совещания писали, что «немецкая экономика должна быть включена в европейскую экономику, чтобы внести вклад в общий подъем жизненного стандарта». Советский Союз, а вслед за ним и другие восточноевропейские государства, остались в стороне от этого важного экономического плана, способного облегчить ситуацию в странах-участницах. Восточная часть Германии не получила американской помощи - в отличие от западной части. В «плане Маршалла» советское руководство полностью проигнорировало его экономический аспект. «План Маршалла» был отвергнут Советским Союзом и, под его давлением, всеми странами Восточной Европы. В заявлениях и пропаганде тех лет он был представлен, как «план закабаления Европы американским империализмом». Что касается Западной Германии, то она получила по «плану Маршалла» в общей сложности 4 млрд долл., т.е. для более 50 млн западных немцев была

1 Цит. по: Орлова Б.С. Германия с ближнего и дальнего расстояния. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 94-95.

выделена относительно небольшая сумма, однако она была разумно использована.

В момент поражения Германии политики США, Великобритании и Франции думали, что ослабление и разделение Германии, ее раскол будет способствовать поддержанию безопасности в Европе. Однако раскол страны, начатый созданием Бизонии, имел уже и другую подоплёку. Западная Германия больше не рассматривалась как недавний и потенциальный противник. Речь теперь шла о создании сильного союзника западных держав. В документации, изданной МИД ГДР в 1966 года, приводится текст из влиятельной «Нью-Йорк Геральд Трибюн» от 20 декабря 1947 г.: «Эпоха Ялты прошла. Разделение Германии развяжет нам руки для того, чтобы включить Западную Германию в систему западных государств»[1]. Будущий государственный секретарь и уже в это время влиятельный политик Дж.Ф.Даллес, выступил на заседании Национальной ассоциации издателей еще в начале 1947 года с таким заявлением: «Планируя будущее Германии, надо больше мыслить понятиями экономического единства Европы, чем понятиями потсдамского диктата, гласящего, что Германия должна быть единым экономическим целом»[2].

Начинался решительный поворот от согласованной политики к расколу не только Германии, но и Европы на два враждебных блока. В коммюнике Лондонской конференции по германскому вопросу, созванной США, Англией и Францией с участием Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, от 7 июня 1948 г., было заявлено о будущем создании такой организации немецкого народа, которая позволит ему «принять на себя правительственную ответственность», т.е. фактически речь уже шла о создании западногерманского государства. Командующий американскими войсками в Германии генерал Люсиус Клей вообще считал, что именно создание западногерманского правитель-

---

1 Министерство иностранных дел Германской Демократической Республики. Документация по проблеме «Так была расколота Германия», Берлин, 1966. С. 51 (перевод с немецкого).

2 Dulles A.W. Alternatives for Germany/
https://www.foreignaffairs.com/articles/germany/1947-04-01/alternatives-germany

ства было главной задачей Лондонской конференции[1]. Лондонское совещание наглядно продемонстрировало стремление западных стран изолировать Советский Союз, решать все вопросы, касающиеся Германии, без его участия и в одностороннем порядке пересмотреть уже принятые сторонниками решения (например, план коллективного контроля над Руром, согласованный в 1945 году).

Попытка советского представителя в Контрольном совете получить от американского и других руководителей западных зон оккупации детальную информацию о решениях, принятых в Лондоне, завершилась отказом. Эти события в работе Союзного Контрольного Совета в Германии означали завершение совместной деятельности союзников в Германии. Денежная реформа, проведенная в июне 1948 г. в Западной Германии, с точки зрения валютной политики «превратила… восточную зону в иностранную область»[2].

Реформа первоначально готовилась четырьмя оккупационными державами для всей Германии. 18 июня 1948 г. она неожиданно, без предупреждения Советского Союза была объявлена в западных зонах оккупации. Свободный приток большого количества «старых» денег мог привести к разрушению экономики советской зоны.

Оккупационные власти СССР срочно ввели строгий контроль в пунктах пересечения демаркационной линии[3]. Был запрещен проезд по суше и по воде любого транспорта, который отказывался подвергнуться проверке. Одновременно советские власти предложили полностью обеспечить Западный Берлин продовольствием, чтобы избавить его население от лишений. Но власти западных держав и немецкий магистрат Западного Берлина запретили жителям пользоваться какой-либо помощью с территории Восточной Германии.

---

1 Clay L. Decisions on Germany. New York. 1950, p. 121

2 Зонтхаймер К. Указ. соч. С.46.

3 Справедливости ради следует отметить, что первые контрольные пропускные пункты на автостраде Берлин – Гельмштадт и на двух железнодорожных линиях, связывающих обе части страны (на станциях Мариенборн и Новавес), были созданы еще 1 апреля, т. е. за полтора месяца до денежной реформы.

23 июня 1948 г. в Берлине был опубликован приказ главноначальствующего Советской военной администрацией маршала Соколовского о проведении денежной реформы в советской зоне оккупации Германии. Маршал напомнил о совместной подготовке союзниками общегерманской денежной реформы, о том, что «подготовленное в основном» четырехстороннее соглашение по этому вопросу сорвано западными властями. В духе времени в приказе говорится, что руководители СВАГ, «идя навстречу требованиям немецкой демократической общественности», а также принимая предложения немецкой экономической комиссии, приказывают ввести с 24 июня 1948 г. на всей территории советской зоны оккупации и в районе Большого Берлина новую денежную единицу[1].

США организовали так называемый «воздушный мост» – снабжение Западного Берлина по воздуху. Ежедневно несколько сот грузовых самолетов стартовали с аэродромов в Западной Германии и приземлялись в Западном Берлине. Это был один из самых опасных моментов «холодной войны».

В советской историографии и в части немецкой долго сохранялась версия о том, что Сталин до последней возможности удерживал Германию от раскола. Немецкий философ Кристиан Хакке считает, что Сталин в противоположность Аденауэру (заявлявшему несколько позднее западным партнерам: «...Я единственный немецкий канцлер, который предпочитает единство Европы единству собственной страны»[2]) стремился в это время сохранить единство Германии. Как писал немецкий профессор О. Ференбах, «Сталин до самой своей смерти в 1953 году оставался сторонником единства»[3]. Может быть, это справедливо для самого начального периода оккупации, когда советский руководитель, возможно, еще верил, что немецкий рабочий класс

---

1 Автор данной работы приводит здесь текст приказа маршала Соколовского по документальному приложению к журналу “Новое время” № 27 от 30 июня 1948 г. Полный текст приказа и другие материалы, относящиеся к первому Берлинскому кризису опубликованы в издании СССР и Германский вопрос. 1941-1949. Документы из архивов Российской Федерации. Т.IV (18 июня 1948 г. – 9 ноября 1949 г.). М., 2012.

2 Хакке К. Указ. соч. С. 51.

3 Ференбах О. Указ. соч. С. *46*.

после Гитлера повернет к социализму. Профессор Д. Проэктор был прав, указывая, что [на взгляд Сталина] «следовало использовать победу для возрождения марксистских, революционных традиций Германии». Исследователь подкрепляет свое суждение ссылкой на высказывание Сталина (в передаче Милована Джиласа): «Вся Германия должна быть нашей, т. е. советской, коммунистической», – говорил Сталин Джиласу в 1946 года[1]. Похоже Сталин надеялся создать условия, при которых союзники были бы вынуждены уйти из Западного Берлина. Это позволило бы при расколе Германии включить весь город в экономическую систему советской зоны оккупации и закрыть границу на замок.

Авторы «Истории международных отношений» считают возможным предположение Кремля, что в результате ограничений и трудностей, созданных советскими властями в Берлине, западные державы будут вынуждены отступить, сдать свои позиции в пользу Советского Союза[2]. Воздушный мост перечеркнул такие планы, если они имелись[3]. О значении этой воздушной операции для Вашингтона говорит тот факт, что для ее американских участников была учреждена особая воинская награда, на тот момент сопоставимая с медалями для участников боевых действий против Германии и Японии.

Советская сторона старалась в условиях Берлинского кризиса укрепить влияние СЕПГ и местных немецких властей. В начале 1948 года Советское правительство приняло решение об укреплении немецкой полиции в своей зоне оккупации. Было решено освободить в 3-месячный срок из плена 4,5 тысячи человек из рядового состава, 100 офицеров и 5 генералов, которых предлагалось направить для работы в Немецкой народной полиции. Решение было подписано Сталиным и управляющим делами Совета министров Чаадаевым. В публикациях по истории Германии встречается утверждение, что

---

1 Проэктор Д. Размышления о холодной войне//Россия и Германия в годы войны и мира (1941-1995 г.г). М.: Изд-во «Гея», 1995. С. 402.

2 История международных отношений. (Под общ. ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского). Т.III. М., 2012. С. 37.

3 СССР и Германский вопрос. 1941-1949. Документы российских архивов. Т. IV 18 июля 1948 г. – 5 ноября 1949 г. С. 170-171.

кризис в Берлине был вызван попыткой Москвы вытеснить из города западных соратников. В своей содержательной вступительной статье к сборнику архивных документов[1] А.М. Филитов пишет, что подтверждения данного намерения нет в документах, что ответные меры советской стороны на введение новой марки в западных секторах Берлина были рассчитаны не на ликвидацию западного военного присутствия, а на открытие переговоров с целью добиться (причем ограниченной) модификации политики.

Отмечается, что И.В. Сталин, принявший участие в переговорах с тремя западными послами, соглашался отменить транспортные ограничения в Берлине, если три державы согласятся отложить (а не отменить) реализацию Лондонских соглашений о создании сепаратного западногерманского государства и восстановить единую валюту в Берлине на основе марки советской зоны. И.В. Сталин говорил с послами и о том, что западные контингенты останутся в Берлине даже при наличии разделявших Восток и Запад разногласий[2].

Следует признать, что попытка повлиять на западные державы с помощью блокады сыграла негативную роль в настрое населения не только Западного Берлина, но и Западной Германии (и, пожалуй, немцев в целом) к Советскому Союзу. С другой стороны, многочисленные рейсы американских большегрузных самолетов, доставлявших в осажденную половину города продовольствие и уголь, и вывозивших пожилых людей, женщин и детей, подкрепили имидж американцев – защитников интересов немецкого населения.

---

1 СССР и Германский вопрос. 1941-1949. Документы российских архивов. Т. IV 18 июля 1948 г. – 5 ноября 1949 г. В этом же сборнике документов идет речь и о других срочных мерах в отношении Советской зоны оккупации. Министерству финансов СССР было предложено до 15 августа 1948 г. изготовить 5 млрд марок для Восточной Германии (решение подписано А.Н.Косыгиным). Представляет интерес указание В.И.Молотова СВАГ (от 1 июля 1948г.) освободить из лагерей в Германии (в течение двух месяцев) руководителей низовых организаций НСДАП и гитлеровской молодежи, рядовых членов СА и СС, неоперативный состав прежней полиции, гестапо и других карательных органов, личный состав фольксштурма – всего 27749 человек.

2 Там же.

Видный немецкий историк Х. Кёлер считает, что именно политика военных властей в советской зоне вызвала бегство населения на запад, что события в Праге в феврале 1948 года (создание нового чехословацкого правительства почти исключительно из коммунистов), а также «блокада Берлина» и «воздушный мост» в 1948-1949 гг. изменили к лучшему отношение немцев к западным странам-победительницам[1]. Умелая пропаганда западных держав всю вину за кризис и лишения 1948-49 годов возлагала на Советский Союз.

Джон Ф. Даллес (в будущем – государственный секретарь США) говорил в своей речи в Париже в январе 1949 года: «Ситуацию в Берлине можно было бы разрядить в любое время... Однако, нынешнее положение очень выгодно для США с точки зрения пропаганды. Мы завоевываем славу спасителей населения Берлина от голодной смерти, а вся вина ложится на русских». Летом 1948 г. Германия была официально включена в «план Маршалла», уже функционировало объединение трех западных зон оккупации – Тризония. В сентябре был созван Парламентский совет, который должен был сыграть роль Учредительного собрания. Его главное задачей было создание конституции будущего государства. Председателем собрания стал христианский демократ Конрад Аденауэр. 10 апреля 1949 г. был опубликован Оккупационный статут для Западной Германии, утвержденный западными державами-победительницами. 8 мая 1949 г., через четыре года после капитуляции Германии, Основной закон был принят Парламентским советом. 14 августа 1949 г. были проведены выборы в первый западногерманский Бундестаг, а 7 сентября в Бонне было провозглашено создание Федеративной Республики Германии.

Создателям западногерманского государства предстояло преодолеть последствия тоталитарной диктатуры, создать законодательные рамки для демократизации Западной Германии. Первое, за что взялись политики и юристы (в значительной своей части вернувшиеся из эмиграции), было создание

---

1 Köhler H. Kontinuitet und Wandel. См. Сборник Bundesrepublik und Deutsche Demokratische Republik. Bonn, 1980. S.19-20.

конституции, получившей название Основной закон. На создателей Основного закона оказывали влияние по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, конституция вырабатывалась в условиях, когда само западногерманское государство еще не было создано, а реальная власть в стране находилась в руках администрации западных держав, представлявших старые, уже давно сложившиеся демократии. В первые послевоенные годы в администрациях западных оккупационных держав работало немало офицеров и чиновников, разделявших идеи недавно закончившейся антифашистской войны. Позитивное влияние оккупационных властей на процесс создания Основного закона и вообще законодательство первых послевоенных лет, несомненно. Во-вторых, рядом, за демаркационной линией, находилась советская оккупационная зона. Советские власти вместе с немецкими антифашистами по глубине преобразований, в особенности – в сфере денацификации, обгоняли реформаторов в западной части страны. В-третьих, среди населения самой Западной Германии, пережившего шок поражения и полного разочарования в недавних кумирах, в послевоенные годы сильны были настроения с пользу демократической перестройки общества. Это нашло свое проявление в том, что еще до принятия в мае 1949 г. основного закона будущего государства в отдельных землях Западной Германии было принято прогрессивное, демократическое законодательство. По настойчивому совету оккупационных держав, опасавшихся усиления центральной власти, был принят принцип федералистского устройства страны с довольно большими правами отдельных земель. Вместо предлагаемой «плебисцитарной демократии», при которой важные вопросы решаются с помощью референдумов, в конечном счёте был принят в качестве универсального принцип представительной демократии, когда проблемы решаются избранными на всеобщих выборах депутатами. Проект Основного закона уделял большое внимание охране «основных прав» гражданина.

В Восточной Германии в это время было заявлено о создании Немецкого народного конгресса «за единство и справедливый мир». Этой акцией и

был проложен путь к созданию второго германского государства. В дальнейшем Немецкий народный конгресс избрал из своего состава Немецкий народный совет. На заседании совета в составе 330 членов, 7 октября 1949 г. и было провозглашено создание Германской Демократической Республики, Президентом ГДР был избран коммунист Вильгельм Пик, премьер-министром – бывший социал-демократ Отто Гротеволь. Формальным поводом для создания ГДР стали действия западной стороны.

В это время оккупированная, обезоруженная и раскалываемая Германия все еще внушала тревогу как на Востоке, так и на Западе. Обе части страны, вовлеченные в «холодную войну», видели в «чужих» частях Германии таран в руках противника. Поначалу (особенно в СССР и Франции, а также в среде русской эмиграции, выразителем чего был, в частности, философ И.А. Ильин (1882-1954), называвший Германию «главным национальным врагом России» и опасавшийся ее возрождения[1]) сохранялись опасения перед германским реваншизмом как серьёзной, агрессивной силой.

Выше уже отмечалось, что пока не было западногерманского государства, невозможно говорить о собственной немецкой внешней политике. Еще до кризиса 1948-49 годов в западногерманской политической литературе можно было встретить идеи безоговорочной ориентации на Запад. Одним из пионеров таких идей был профессор В. Ропке: можно предположить, что многие заявления К. Аденауэра уже после создания ФРГ вдохновлялись идеями этого консервативного ученого и публициста.

Как писал историк из ГДР Зигфрид Томас, планы отделения западной части страны от восточной уже в 1949 г. сочетались у политиков с намерением присоединить будущее государство к антисоветским объединениям. В западной публицистике было обычным возлагать ответственность за основание государства на великие державы. По мнению автора диссертации, это справедливо. «Между тем, – писал З. Томас, – необходимо добавить и участие за-

1 Цит. по: Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. М.: Высшая школа, 2001. С. 52-53.

падногерманских политиков, которые выдавали это за единственную возможность»[1]. Восточногерманский автор ссылается при этом на министра-президента земли Баден – Вюртемберг Рейнгольда Майера, который писал в своих воспоминаниях: «Основание государства было неизбежным, вынужденным, и оно должно было состояться»[2]. В статье З. Томаса приводятся многочисленные публикации, документы зарождающихся политических партий Западной Германии, декларирующие тесную связь немцев с западноевропейской историей и культурой и необходимость примкнуть именно к Западу.

Представители политического католицизма, объединившегося в Христианско-демократическом союзе и в его баварском филиале – Христианско-социальном союзе, как правило, выступали в роли трансляторов политики западных оккупационных держав. Их лидеры (прежде всего – К. Аденауэр) имели регулярные контакты с представителями этих держав. Когда трения и разногласия возникли у будущего канцлера с британскими оккупационными властями, его тут же «унаследовали» и взяли под свое покровительство американцы, и с тех пор он показывал себя их верным союзником.

Внешнеполитические взгляды основателей Христианско-демократической партии и её баварского филиала – Христианско-демократического союза были однозначны: они были готовы к безоговорочной поддержке западных держав. Социал-демократы под руководством К. Шумахера, как уже отмечено, выступали с очень жестких, можно сказать, националистических позиций, иногда – антизападных.

П.А. Абрасимов пишет в своих воспоминаниях, что в разгар берлинского кризиса газета «Социал-демократ» (выходившая в западной части города), напечатала зловещую фразу: «Берлин стоит войны». Вместе с тем руководители социал-демократии – талантливый оратор и убежденный анти-

---

1 Статья З. Томаса «Wiege der DRD – Aussenpolitik» в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1975, №1.
2 З.Томас ссылается на книгу R. Maier, Erinnerungen, 1948-1955, Tübingen, 1966. S. 61.

коммунист К. Шумахер, обер-бургомистр Западного Берлина (бывший деятель Коминтерна) Э. Ройтер позволяли себе и резкую критику американцев.

Свободные демократы во главе с будущим первым президентом ФРГ Теодором Хейсом выступали взвешенно и осторожно: особенностью их речей и решений в эти годы является и попытка презентовать себя «представителями наших братьев в Восточной зоне»[1].

Уже в первые послевоенные годы начали активно выступать вернувшиеся из эмиграции старые немецкие политики Веймарского периода бывшие канцлеры Х. Брюнинг, Х. Лютер и Й. Вирт. Они с одобрением вспоминали о Рапалльском договоре с Советской Россией, который в 1922 году спас побежденную Германию от изоляции.

Автор диссертации имела возможность познакомиться с диссертацией немецкой исследовательницы проф. Л. Томас об установлении дипломатических отношений ФРГ с СССР в 1955 г. Она цитирует в своей работе слова одного из главных авторов Основного закона ФРГ Карло Шмида, который в 1949 года писал, что в стране есть «больше Надольных, чем сами Надольные это представляют»[2].

Здесь нельзя обойти еще одного любопытного выступления, но уже с противоположных позиций. В формирование внешнеполитических приоритетов Германии и молодой ФРГ включились и оставшиеся на поверхности общественной жизни бывшие сотрудники Риббентропа. Г. Фогель, в 30-е гг. – сотрудник немецких посольств в Праге, Лондоне и Афинах, уже в октябре 1946 года предложил правительству земли Гессен свои услуги для составления меморандума по внешнеполитическим вопросам. Его предложение было принято. Фогель предлагал немцам Западной Германии сделать однозначный выбор в пользу западных держав. Он выступил не только против какого-то подобия «пакта Рапалло», но и предостерегал немцев от ориентации на Со-

1 Liberaler Politiker zur deutschen Frage. 1947-1974. Bonn, 1974. S. 9-10.

2 Tomas L. Die Herstellung diplomatischer Beziehungen zwischen der UdSSR und der Deutschen Bundesrepublik im Jahre 1955. (Diss) Berlin, 1964. S.56 (Рудольф Надольный – в 1933-1934 гг. посол Германии в Москве, сторонник развития дружественных отношений с Советским Союзом).

ветский Союз. Такой выбор, считал дипломат, был бы для Германии «равнозначен политическому самоубийству».

Подобно тому, как за 130 лет до этого Талейран на Венском Конгрессе старался разделить воинственного Наполеона и французский народ и доказывал, что его страна не несёт ответственности за действия императора, Фогель писал, что прошедшая война была «войной Гитлера», а «ее последствия несет немецкий народ». Поэтому потсдамские решения по территориальным вопросам являлись просто «разграничением de facto»; к тому же «Германия не подписывала эти решения». И далее в меморандуме выражалась надежда, что с помощью «влиятельных американских и британских кругов» можно будет «исправить» границы Германии по линии Одер – Нейсе. К этому остается лишь добавить, что уже в 1949 года автор меморандума был приглашен на работу в правительственный аппарат, в 1956 году вернулся в МИД и более десяти лет был послом ФРГ в нескольких странах. Среди концепций, владевших умами политиков Западной Германии, была и такая: будущая объединенная Германия не должна вступать в какие-либо союзы с державами-победительницами. Влиятельный профсоюзный деятель Я. Кайзер, живший одно время в Восточной Германии, сумел в июле 1947 года склонить на свою сторону (в пользу нейтрализации Германии) часть руководства партии ХДС. Позднее, уже в качестве министра правительства ФРГ по общегерманским вопросам, он отстаивал приоритет воссоединения Германии перед ремилитаризацией.

14 августа 1949 г. были проведены выборы в первый западногерманский Бундестаг, а 7 сентября в Бонне было провозглашено создание Федеративной Республики Германии. Следует отметить, что вплоть до ликвидации ГДР и объединения это название в советских документах и литературе писалось именно так: «Федеративная Республика Герман*ии*», т.е. подчеркивалось, что Федеративная Республика есть не Германия, а её часть, имеющая альтернативу в лице основанной 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики. Таким образом, в сентябре – октябре 1949 году состоялось соз-

дание двух новых германских государств. Начинался новый период в истории немецкого народа – раздельное существование в двух идеологически полярных государствах, растянувшееся на четыре десятилетия.

К моменту создания в 1949 году ФРГ и ГДР было очевидно, что обе немецкие территории находятся под жестким контролем победителей, а внешнеполитические курсы руководителей двух новых государств еще долго будут всецело зависеть от установок США и СССР. Столь же очевидным стало, что за Соединенными Штатами, вследствие стремительного ослабления Британской империи, не говоря уже о Франции, на западе оставалось последнее слово в европейских и мировых делах - во всяком случае, последнее слово «свободного мира», как предпочитали выражаться представители американских СМИ.

Решающей внутренней силой в определении вектора развития Федеративной Республики в течение двух десятилетий с 1949 по 1969 год была Христианско-демократическая партия - вместе со своим баварским союзником, Христианско-демократическим союзом. Получив в ходе первых парламентских выборов (1949 год) 31% голосов, христианские демократы в дальнейшем оставались сильнейшей партией по числу и проценту поданных голосов. Рекорд их влияния наступил в 1957 году, когда половина избирателей отдали голоса немецким консерваторам. В 1961 году это большинство было утрачено, но ХДС/ХСС оставалась первой партией в стране. Даже в 1969 году, когда христианские демократы впервые были вынуждены отдать пост федерального канцлера социал-демократам, консерваторы получили 46,1% голосов против 42,7%, полученными социалистами[1].

В соответствии с Конституцией («Основным законом») канцлер обладает очень широкими полномочиями. Он определяет направление внешней политики, несет за нее ответственность, он подбирает состав правительства.

---

1 Statistisches Jahrbuch der BRD (1949, 1957, 1961, 1969). Судьбу поста федерального канцлера в 1969 г. решила небольшая партия Свободных демократов, не желавшая продолжать в этот период сотрудничество с христианскими демократами и сыгравшая со своими 5,8% голосов роль «довеска на политических весах ФРГ».

Сместить канцлера непросто, ибо для этого требуется не только выразить ему недоверие в Бундестаге, но одновременно избрать нового канцлера (так называемый «конструктивный вотум недоверия»).

Первый канцлер Федеративной Республики – Конрад Аденауэр (1876-1967 гг.) не запятнал себя сотрудничеством с нацистским режимом. Он приобрел известность еще в Веймарской Германии в качестве обер-бургомистра Кёльна в 1917-1933 гг. и с 1920 года – президента Государственного совета Пруссии. Окончание Второй мировой войны он встретил в кёльнской тюрьме, обвиненный в связях с активными противниками гитлеровского режима. Аденауэр обладал сильным и властным характером, умением не только убеждать, но и навязывать свою политическую линию. С самого начала своего канцлерства Аденауэр выступал за безоговорочную поддержку политики западных держав и за сближение ФРГ с ними.

Что касается важнейшей проблемы - восстановления единства страны, то здесь канцлер твердо верил, что оно может состояться только в результате бесспорного военного превосходства западных держав над Советским Союзом.[1] Аденауэр считал, что ФРГ «следует проводить не «политику качелей» в духе Веймарской республики, а курс на западную ориентацию»[2].

В надеждах Аденауэра на создание на Западе «позиций силы» отражалась и недооценка канцлером мощи Советского Союза. С созданием в 1949 г. в СССР атомной бомбы (и победой коммунистов в гражданской войне в Китае) начался быстрый процесс выравнивания военной силы обоих центров мировой политики. Возможно, что Аденауэр не сразу оценил силу атомного оружия и считал его лишь чем-то вроде сверхмощной артиллерии.

Нельзя считать, что политика, намеченная Аденауэром, получила всеобщее одобрение. В его собственной партии один из ее основателей, Якоб Кайзер, выдвигавший идею строительства «христианского социализма», считал, что «перед Германией стоит великая задача найти в борьбе европейских

---

1 Adenauer K. Erinnerungen. 1945-1953. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1965. S.221

2 Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 315.

наций синтез между восточными и западными идеями». Он писал: «Мы должны стать мостом между Востоком и Западом. Вместе с тем мы пытаемся нащупать свой собственный путь к построению нового социального общества. Европейский мир должен вновь обрести спокойствие»[1]. Однако, вопреки его ожиданиям, отличительной чертой действительности стала жесткая конфронтация между Востоком и Западом, а мечты Кайзера о примирении и синтезе были обречены на провал. Развивалась «холодная война».

Лидер Социал-демократической партии Германии, Курт Шумахер, как отмечает российский историк В.Д. Ежов, «был антиподом Аденауэра: пруссак, протестант, заядлый курильщик, неженатый и бессемейный одиночка, агрессивный, саркастический, взрывной и крайне нетерпеливый, он не признавал компромиссов. В Аденауэре «он видел иезуитскую скрытную натуру, реакционера, неспособного представлять новую немецкую демократию»[2]. «Бюро Шумахера» в первое время после войны фактически руководившее социал-демократами Западной Германии, с самого начала отвергало любое сотрудничество с коммунистами и Советским Союзом. Отношение Шумахера к коммунистам было враждебным до самого его ухода из жизни в 1952 г.

Шумахер полностью отвергал концепцию, согласно которой будущая демократическая Германия могла бы играть роль моста между Востоком и Западом. Шумахер предлагал «Срединный путь» – третье решение национальной проблемы, отличное от «западного капитализма» и «русского социализма», своеобразный симбиоз между Востоком и Западом. Он провозглашал в майских тезисах СДПГ 1946 года: «Целью немецкой социал-демократии является создание Соединенных Штатов Европы, демократической и социалистической федерации европейских государств. Она хочет видеть социалистическую Германию в социалистической Европе»[3]. Вместе с тем, Шумахер позиционировал себя как немецкий националист. Он был убежден, что соци-

1 Dokumentation. Die Geschichte der CDU.-Bonn, 1987. S.20-21.

2 См.: Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 252.

3 Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1975. S. 72.

ал-демократы проиграли национал-социалистам потому, что были недостаточно националистичны. В отличие от Аденауэра Шумахер считал, что сначала Германия должна получить равный статус с другими европейскими державами и лишь затем вставать на путь интеграции в западные структуры на равных условиях. Однако аденауэровские идеи западной интеграции ФРГ на базе либерального капиталистического рыночного хозяйства все больше претворялись в реальную жизнь, что предопределило неудачу концепции Шумахера.

Что касается СДПГ в целом, то ее старая Гейдельбергская программа 1925 г. не менялась в течение более 40 лет; правда, в 1946 г. на партийном съезде в Ганновере были приняты «Политические тезисы», где среди внешнеполитических установок партии на первый план выдвигались «приоритет национальных интересов и несогласие с любыми территориальными претензиями к Германии».

Программа, представленная Аденауэром Бундестагу, получила поддержку. Канцлер, только что избранный на свой пост большинством в один голос, постепенно приобрел большое влияние. Аденауэр выступил 21 октября 1949 г. с заявлением, что «Федеративная Республика Германии является единственной легитимной государственной организацией немецкого народа» и получил в ответ «оживленную овацию и рукоплескания справа, в центре и от социал-демократов», – пишет профессор Г.-П. Шварц[1]. А когда канцлер сообщил о своем намерении ввести ФРГ в «европейский порядок», он вновь получил поддержку и социал-демократических депутатов[2].

Одним из важнейших направлений внешней политики Аденауэра было активное участие страны в начавшейся в середине 50-х годов европейской интеграции. Предложенное французским министром иностранных дел Р. Шуманом и крупным экономистом Монне объединение Франции и ФРГ по

---

1 Schwarz H.-P. Adenauers Friedens- und Vereinigungspolitik. Zwischen nationalen Wollen und realpolitischen Zwang. - В книге Haftendorn H., Wilker L., Wörmann C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Berlin, 1982. S. 283.
2 Ibid.

добыче и производству угля и стали, а потом и более глубокое и универсальное сотрудничество экономик западноевропейских государств встретили самую горячую поддержку в Бонне. Не исключено, что канцлер видел в европейской интеграции фундамент для будущих переговоров с «позиции силы». Но главной причиной активного включения в процесс, предложенный Шуманом, были, конечно, хорошо просчитанные экономические выгоды. Руководство ФРГ имело для такой позиции и особые основания. Потерпевшая сокрушительное поражение Германия, оккупированная войсками победителей, носившая на себе клеймо виновника кровопролитной войны, нуждалась в экономическом и политическом сближении для начала хотя бы с одной из великих держав. Самой подходящей из них для немцев была Франция. Как тонко заметил немецкий историк Голо Манн, секретом германо-французского сближения был раскол, т.е. ослабление Германии[1].

Встреченные вначале с недоверием в некоторых странах (от Великобритании до СССР) планы интеграции показали свою реальность и эффективность. В 1951 г. группа деятелей СДПГ, центристских и правых партий выступила с манифестом «Объединение мира путем нейтрализации Германии», адресованным конференции Всемирного совета церквей в Амстердаме. Идеи манифеста были категорически отвергнуты правительством Аденауэра и руководством правящей ХДС/ХСС. По сути дела, руководство молодого государства в лице Аденауэра отвергало любые нейтралистские планы, даже не обсуждая их. Канцлер нашел энергичного союзника в лице Ф.-Й. Штрауса, влиятельного члена руководства и впоследствии лидера баварского Христианско-социального союза. Рассказывая о своей позиции в эти годы, Штраус утверждал, что нейтрализованная Германия «была бы неизбежно вовлечена в советскую зону влияния»[2].

Известный немецкий историк Э. Нольте обращает внимание на то, что в ФРГ более непримиримую позицию по внешнеполитическим вопросам за-

---

1 См. Venohr G. (Hrsg.). Die deutsche Einheit kommt bestimmt. Bergisch-Gladbach, 1982, S. 65.
2 Strauss F.-J. Entwurf für Europa. Stuttgart, 1966, S. 32.

нимали католические политики[1]. Любой внешнеполитический шаг Москвы, Восточного Берлина и объединенные акции европейских социалистических стран встречались в Бонне в штыки.

10 марта 1952 г. И.В. Сталин обратился к руководителям США, Великобритании и Франции с предложением уладить германский вопрос. Это предложение вошло в историю под названием «мирная нота Сталина». Оккупационным державам предлагалось незамедлительно и при немецком участии начать разработку мирного договора с Германией, проект которого прилагался. СССР готов был согласиться на деоккупацию Германии в течение года после подписания договора, не препятствовать объединению страны, допустить существование немецкой армии и военной промышленности, но при условии неучастия Германии в военных союзах[2].

Таким образом, сутью «ноты Сталина» было предложение об обмене нейтрализации Германии на её воссоединение[3]. Но нота была отвергнута западными державами, а ее истинная цель до сих пор является предметом спора между историками. Некоторые из них полагают, что в планы руководства СССР входила советизация всей Германии. Д.М. Проэктор считал, что на взгляд Сталина, «победу следовало использовать для возрождения марксистских, революционных традиций Германии»[4]. М. Джилас в своих воспоминаниях о беседах со Сталиным пишет, что, по мнению советского вождя, «вся Германия должна быть нашей, т.е. советской, коммунистической»[5].

Г. Киссинджер считает, что для Сталина весной 1952 г. сущностью дипломатического наступления «было как минимум выяснить, что Советский Союз сможет получить, если выкинет за борт восточногерманский коммуни-

---

1 Nolte E. Deutschland und der Kalte Krieg. Műnchen, 1974, S. 316. Нольте сообщает, что католик, президент бундестага Г. Элерс выступал за «военный вклад» ФРГ «из чувства христианской ответственности» а десять заповедей католических епископов подписали меморандум, в котором говорилось, что «безоружные пространства притягивают агрессию».

2 Текст ноты был опубликован в»Известиях», 11.03.1952.

3 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. С. 52-53.

4 Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М.: Наука, 1968. С. 111.

5 Джилас М. Беседы со Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. С. 21.

стический режим[1]. Конечно, это лишь, предположение, гипотеза американского автора, но все-таки, на память приходят и некоторые другие вещи. Известно, например, что уже после смерти Сталина планы отказаться от ГДР были у тогдашнего члена руководства страны Л.П. Берии. Любопытный разговор состоялся у проф. И.С. Кремера с экспертом Правления социал-демократической партии Германии Зелбманом. Немецкий политик рассказал, что Н.С. Хрущёв в начале 60-х годов в беседе с одним из итальянских гостей в Москве якобы сказал, что «если бы Москве хорошо заплатили (примерно 90 млрд. $), то он бы сдал ГДР»[2]. Проверить эту информацию не удалось.

Довольно скоро наступил «день великой ясности», ибо восточногерманские товарищи уже летом 1952 г. получили из Кремля отмашку на начало строительства социализма в ГДР.

Правительство ФРГ и западные страны увидели в предложении СССР только уловку. Для советской стороны вывод войск означал уход за Одер, в Польшу, то есть советские вооруженные силы оставались бы на расстоянии нескольких десятков километров от Берлина. Для американцев же проблемой стало бы общее дальнейшее пребывание в Европе. Пропагандистским и не заслуживающим доверия виделось и предложение советской стороны о проведении в обоих немецких государствах всеобщих выборов. Было очевидным, как считает А.М. Филитов, что в случае проведения таких выборов коммунисты получили бы в масштабе всей станы 20% голосов, а в Западной Германии - не более 5%. Запад не мог поверить, что СССР всерьез готов к подобному поражению[3]. Перехода к реальным переговорам об объединении опасались и руководители ГДР, с которыми советская сторона находилась в постоянном контакте. Интересно здесь привести запись беседы И.В. Сталина 7 апреля 1952 г. с вызванными в Москву, как отмечает А.И. Филитов, – руководителями СЕПГ / ГДР: «тов. Сталин считает, что какие бы предложения

---

1 Киссинджер Г. М: Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 449.
2 Личный архив И. С. Кремера.
3 Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941-1990. М.: Наука, 2009. С. 156.

мы не вносили по германскому вопросу, западные державы не согласятся с ними… в Западной Германии образуется самостоятельное государство. Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией надо рассматривать как границу, – и не как простую границу, а как опасную границу». В этом же выступлении Сталин предложил, чтобы в первой линии охраны границы стояли немецкие войска, т.е. речь шла об указании лидерам ГДР создавать свою армию[1]. Совместимо ли все это с имиджем Сталина-борца за единую Германию? Обмен нотами по вопросу о переговорах продолжался с марта по осень 1952 г., и не привел к каким-либо результатам.

Главным для западных критиков мартовской ноты были советские предложения о создании нейтрального статуса объединенной Германии. Вашингтон и Запад в целом испытывали опасения перед подобным развитием событий. Так, Г. Киссинджер и в 90-е годы считал, что «это лишь вернуло бы к жизни дилемму, перед лицом которой оказалась Европа после объединения Германии в 1871 г.: сильная, единая Германия, находящаяся в центре континента и проводящая чисто национальную политику, - как подобное совместить с миром в Европе? Такая Германия была бы сильнее любой из наций Западной Европы, а возможно, сильнее их всех вместе взятых. А в 50-е годы ее бы искушали реваншистские мечты, обращенные на восток, откуда прибыли только что 15 миллионов беженцев, живших на территориях, которые большинство немцев считали частью своей страны»[2]. Это было бы судьбоносным искушением – выпустить на свободу объединенную нейтральную Германию, да еще так скоро после окончания войны»[3]. В связи с «нотами Сталина» в самой ФРГ оживилась дискуссия о возможностях и условиях объединения страны. Представляет интерес выступление 12 марта 1952 г. по радио министра по общегерманским вопросам Я. Кайзера, которое содержало ряд условий, необходимых для объединения. Наряду с требованием начать процесс

1 Филитов А.М. Указ. соч. С. 164.

2 О передвижении немецких беженцев с Востока на Запад. См.: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: Российская политическая энциклопедия, 1995, глава – Великое переселение народов XX века. С. 181 и далее.

3 Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 450-452.

проведения выборов под международным контролем и образования Национального собрания для создания общегерманского правительства, отнюдь не самый правый из лидеров ХДС сообщил, что «Германия не сможет отказаться от бесспорно немецких областей… мы имеем ясную установку западных держав, что в Потсдаме не было принято окончательных решений по будущим границам»[1].

Можно по-разному оценивать искренность намерений Сталина, но нейтралистские тенденции в тот момент были весьма сильны в ФРГ. Профессор Иоганн А. фон Ранцау в 1953 году заявил в западногерманской прессе: «В немецкой внешней политике ни в коем случае нельзя миновать перекрестка, на котором правильно понятые германские интересы расходятся с американскими и западноевропейскими»[2]. «Воссоединенная Германия не должна вступать в союз ни с Востоком, ни с Западом», - подчеркивал западногерманский публицист Вольф Шенке.

Наиболее известным документом нейтралистов стала памятная записка депутата Бундестага от Свободных демократов, будущего посла ФРГ в Белграде Карла Георга Пфлейдерера, опубликованная в западногерманской прессе 2 сентября 1952 г. Он предлагал, чтобы объединенная Германия взяла на себя обязательства сохранять нейтралитет, подкрепив его системой договоров и отвергла пункт Общего договора, по которому «Федеративная Республика отказывается от всех элементов собственной восточной политики».

К началу 50-х гг. относятся и первые конкретные шаги Республики в направлении перевооружения. Канцлер Аденауэр еще выступает публично против вооружения страны, но одновременно поручает бывшему генералу вермахта Мантейфелю подготовить докладную записку, из которой следовала бы «фатальная неизбежность» перевооружения Германии. Чуть раньше появляется брошюра генерала-танкиста Г. Гудериана «Так это не пойдет!». Смысл работы сводился к следующему:

---

1 Auswärtige Politik. Dokumente. Bonn, 1972. S. 205.
2 См. Pfleiderer K.G. Politik für Deutschland (1948-1956). Stuttgart, 1961. S. 95.

- Западную Европу еще возможно защитить, если призвать к этому делу ФРГ, которая является ее восточным форпостом.
- Для успешных действий Запада в неизбежной войне необходимо относиться к немцам как к товарищам по оружию, а не как к солдатам Иностранного легиона.
- Снять все ограничения, наложенные на немецкую стратегическую продукцию (сталь, синтетический каучук и бензин).
- Для полноценного участия немцев в обороне от врага с Востока необходимо полное равноправие, включающее реабилитацию и освобождение всех немецких военнопленных, которые «отбывают срок за якобы совершенные ими военные преступления. Иначе дело не пойдет»[1].

Социал-демократическая партия выступала в начале 50-х гг. (во всяком случае до смерти К. Шумахера в 1952 г.) как патриотическая и отчасти националистическая сила, критикующая христианских демократов[2]. В связи с советскими предложениями в марте – апреле 1952 г. руководство СДПГ предлагало, что правительство подписывало только такие соглашения, которые позволяют немцам в любое время инициировать переговоры четырех держав о мирном воссоединении Германии.

Шумахер считал, что Европа должна играть роль «третьей силы» и идти своим собственным путем развития, отличным от США и СССР. «Процветание западной зоны, – писал Шумахер, – которое может быть достигнуто на основе энергичной зональной экономической политики, превратит Запад в притягательную экономическую силу, которой Восточная Германия не сможет противостоять. Не существует… другого пути достижения немецкого единства, кроме как экономического усиления Запада. Это, в свою очередь,

---

1 Гудериан Х. Так это не пойдет. К вопросу о положении Западной Германии. М.: Военное издательство министерства обороны ССР, 1954. Перевод с немецкого.

2 В.Д. Ежов в упомянутой выше работе об Аденауэре справедливо пишет о Шумахере, что он был «сложной, но безусловно незаурядной личностью». (Указ. соч., с. 93). Такая оценка резко отличается от пасквильных оценок, появлявшихся в центральной советской печати 50-х гг., где лидер западногерманских социал-демократов изображался агентом немецкой полиции.

послужит для Востока столь поучительным примером, что имеющийся там аппарат власти сам по себе будет бессилен противостоять его воздействию»[1]. Уже в этом высказывании лидера СДПГ можно найти элемент «теории магнита», впоследствии взятой на вооружение христианским демократом.

Однако после кончины Шумахера новый лидер социал-демократов Э. Олленхауэр в ходе обсуждения «ноты Сталина» обвинял Аденауэра в том, что он упускает национальную цель – объединение ФРГ с восточными территориями ради включения Федеративной Республики в создаваемые на Западе Европы структуры и делает ставку на американскую политику силы.

Тем не менее, Аденауэр и руководители трех западных держав отвергли все предложения СССР. Как считает В.М. Фалин, с отклонением предложений Москвы «надежда на поворот в развитии была убита» (хотя мы видим, что имеется достаточно доводов в пользу заведомой неосуществимости этих предложений). Однако, по мнению Фалина, именно в связи с дискуссией, открытой советскими предложениями, «началась собственная восточная политика социал-демократов»[2].

Идеологическое противостояние и взаимное недоверие сторон (в том числе и недоверие Запада к Германии) перечеркивало возможность объединения немцев в обозримом будущем. Уже в упомянутой беседе с лидерами ГДР 7 апреля 1952 г. Сталин указал своим собеседникам, что ГДР должна «без шума и стремительно» создать с помощью СССР армию, поскольку «пацифистский период закончен». По мнению А.М. Бетмакаева, тем самым он дал понять, что сохранение раскола Германии отныне соответствует советским интересам. После этого в ГДР началось преобразование созданной в 1948 г. «народной полиции на казарменном положении» в полноценные воо-

---

1 Цит. по Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии)/Пер. с нем. М.: АО «Буклет», 1995. С.37.
2 Фалин В.М. Указ. соч. С. 55.

руженные силы, располагающие танковыми, авиационными и морскими частями[1].

К. Аденауэр же при выработке основ своей политики и ее практическом проведении должен был считаться с «перемещенными лицами» - немецкими беженцами из областей, прошедших под контроль союзников. Эти люди, недавние жители районов к востоку от Одера (Силезии, Восточной Пруссии или Судетской области), были объединены, очень активны и настаивали на защите своих интересов, в том числе на возвращении утраченных земель.

Одновременно с нагнетанием таких настроений можно говорить и о созревании в ФРГ воззрений, оппозиционных линии Аденауэра. Уже с конца 1949 года звучали голоса известных и влиятельных деятелей, призывавших канцлера отказаться от намерений «ставить на голую силу». Наиболее известным оппонентом канцлера в эти годы стал министр внутренних дел в его правительстве Густав Хайнеман. Этот политик, будущий президент ФРГ, не только критиковал Аденауэра, но и вышел из его правительства в знак протеста против «марша на Запад» (прежде всего – против планов перевооружения Западной Германии)[2].

Уместно отметить, что в первое десятилетие после войны происходили серьезные позитивные изменения в национальном сознании немецкого народа. Нет сомнения, что главную роль сыграл шок в связи с разгромом гитлеровского государства. В мае 1945 г. погибла не только тоталитарная власть; в прах рассыпались лживая идеология и пропаганда, поддерживающие режим. На оздоровление сознания немцев оказали влияние внутренние реформы и экономический подъем ФРГ, распространение благосостояния на всё более широкие слои населения. Немцы начали понимать, что гитлеровские постулаты, о «народе без пространства», о невозможности прокормить народ в

1 Бетмакаев А.М. На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949-1964 гг. // Американские исследования в Сибири. Томск, 2003. Вып. 7. С. 55.

2 См. Кремер И.С. ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация. М.: Мысль, 1977. С. 154.

старых границах – чистая ложь. Потеряв в ходе войны четверть территории, за расширение которой Гитлер и начал войну, немецкий народ уже с середины 50-х стал жить лучше, чем когда бы то ни было, и эта тенденция нарастала. Рыночный уклад в Западной Германии оказался очень эффективным[1]. Это позволило правящей элите не просто воссоздать капиталистическое государство, но и придать ему социальный характер, создать прогрессивную систему социальной защиты (речь идет о пенсионной реформе, о законе “О положении рабочих на предприятии”, по которому большие права предоставлялись персоналу и профсоюзам, о субсидировании студентов в период обучения и т. п.).

В январе-феврале 1954 года на встрече министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве западные державы выступили со своим планом по германскому вопросу. План предусматривал: свободные выборы на всей территории Германии; созыв Национального собрания; выработку конституции и подготовку переговоров по мирному договору; утверждение конституции и образование правительства, которое проведет переговоры о мирном договоре; заключение мирного договора[2].

Из перечня видно, что вопрос о будущей политике Германии в Европе (т.е. о её нейтралитете или участии в военных союзах) тогда не ставился. В.М. Молотов, представлявший на конференции 1954 г. Советский Союз, на первое место ставил подписание мирного договора обоими государствами; речь шла также о создании Временного правительства парламентами обоих государств. Это правительство призвано было провести всеобщие выборы, по результатам которых будет создано общегерманское правительство. После подписания мирного договора по советскому плану все иностранные войска должны были покинуть Германию, а объединенное государство не имело

---

1 За семь лет, с 1952 по 1958 г. ВВП ФРГ увеличился в два раза, безработица к концу 50-х гг. была почти полностью ликвидирована. См. Белов В.Б. Общая характеристика немецкого хозяйства // Германия. Вызовы XXI. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. С. 76.

2 Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte, von 1848 bis Gegenwart. Bd.VI. Berlin, 1965, S. 33.

права вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против какого-либо государства, участвовавшего в войне против Германии.

Стороны не пришли к согласию, и Бундестаг единогласно возложил вину за это на Советский союз, который “не желает допустить воссоединения Германии в условиях свободы”. Как известно, в августе 1954 г. в Национальном собрании Франции потерпел поражение первый план участия ФРГ в военно-политическом союзе (“Европейское оборонительное сообщество”). Но уже в октябре 1954 г. в Париже были подписаны (но теперь уже с английским участием) соглашения по созданию Западноевропейского оборонительного союза (ЗЕС). Социал-демократы предложили правительству еще до ратификации этих соглашений провести переговоры с Москвой, прояснить планы Советского Союза по германскому вопросу и только после этого вернуться к процессу ратификации договора о ЗЕС (письмо правления СДПГ канцлеру 1 января 1955 г.) Аденауэр и руководители ХДС/ХСС не согласились с этим предложением. Свободные демократы также отвергли предложение социалистов – под предлогом, что в ходе таких переговоров возникнет вопрос о признании ГДР; а в случае такого признания и установления дипломатических отношений с СССР в Москве одновременно окажутся два немецких посла, что нельзя допустить. Серьезность и искренность как советских предложений, так и предложений западных союзников, сделанных в первой половине 50-х гг., никогда не были проверены.

В соответствии с договором о ЗЕС ФРГ автоматически становилась членом НАТО, что повлекло за собой заметное обострение обстановки на разделительной линии восточного и западного блоков в Европе. Американский историк Р. Ингрэм справедливо писал по этому поводу: «Ремилитаризированная Германия в военном союзе с Западом представляет собой самую большую угрозу, какую только можно себе представить»[1].

1955 год оказался поворотным в истории Европы и обоих германских государств. В самом начале года Советский Союз объявил о прекращении со-

1 Ingrim R. Bündnis oder Krieg. München, 1955. S. 322.

стояния войны с Германией. 5 мая Парижские договоры вступили в силу. Оккупационный статус Германии был отменен тремя западными державами, и было принято решение о суверенитете Федеративной Республики. Протестуя против создания военного блока с участием ФРГ, СССР заявил об отмене союзных договоров, подписанных с Великобританией и Францией в годы Второй мировой войны[1]. 14 мая была создана Организация Варшавского договора с участием Германской Демократической Республики. В эти же дни был подписан Государственный договор с Австрией, парламент которой принял закон о постоянном нейтралитете. В составе правительства ФРГ появилось министерство обороны, начиналась открытая ремилитаризация страны.

17-23 июля в Женеве состоялась конференция руководителей 4-х держав: СССР, США, Великобритании и Франции. В Женеве три европейских премьера и президент США собрались, чтобы обсудить проблемы разоружения, безопасности и воссоединение Германии. Несмотря на то, что лидеры собрались сразу после острых трений между Востоком и Западом (главным образом, в связи с вопросом о «немецком вкладе» в военные усилия Запада) конференция в Женеве впервые за годы «холодной войны» породила надежды мирного решения спорных вопросов. Средства информации во многих странах даже писали в это время о зарождении в международной политике «духа Женевы». На деле сколько-нибудь заметных практических успехов ни эта встреча, ни последовавшая за ней конференция министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу не принесли. Западные министры предложили начать подготовку к всеобщим выборам, советский министр – В.М. Молотов предложил создать для начала Общегерманский совет. Ни тот, ни другой план не были приняты[2]. Европейская печать, однако отметила,

---

1 Практического значения эти договоры уже не имели, это был чисто символический жест.

2 Die Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben vom Auswärtigen Amt unter Mitwirkung eines wissenschaftlichen Beirats. Köln, 1972. Интересно отметить, что почти в 1000-страничном документальном тексте не нашлось места для полного воспроизведения этих документов, есть только упоминания.

что в своей речи 26 июля 1955 г. в Берлине Н.С. Хрущёв впервые упомянул о существовании «двух немецких государств». До этого ФРГ фигурировала в советских средствах информации как «марионеточное государство».

Таким образом, после «догосударственного» периода в истории оккупированной Германии, в 1949-1955 гг. ФРГ и ГДР сложились как два идейно антагонистических государства, входящих в противоборствующие блоки, и в целом признаны как Востоком, так и Западом. Под гнетущим впечатлением войны и её последствий в виде сначала потери суверенитета, а затем лишь ограниченного его восстановления ценой национального раскола сложились первоначальные представления о формах и устремлениях новой германской внешней политики, избегающей трагических и преступных ошибок прошлого, но нацеленной на преодоление последствий национальной катастрофы.

1.2. Внешняя политика двух германских государств после восстановления суверенитета

К 1955 г. К. Аденауэр в целом решил обоюдно важную для ФРГ и Запада задачу включения Федеративной республики в западную военно-политическую систему и обратился к налаживанию дипломатических отношений с СССР, чему способствовал настрой нового советского руководства на поиск диалога с капиталистическим миром. В ходе поездки федерального канцлера в Москву и переговоров с советскими лидерами был дан старт советско-западногерманским отношениям[1].

Во внутриполитической дискуссии в ФРГ этот акт получил почти всеобщее одобрение. 23 сентября Бундестаг единогласно утвердил установление дипломатических отношений между ФРГ и СССР, а на следующий день состоялась ратификация соглашения и в Москве. Теперь ФРГ могла общаться с Советским Союзом напрямую, минуя западных посредников. Как сообщает

1 См.: Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М., 2005.

В.М. Фалин, канцлер не спрашивал у западных держав согласия на эту поездку, он просто проинформировал их[1].

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущёв пишет, что посол США в Москве Чарльз Болен «предпринимал со своей стороны все, что было в его силах, чтобы не допустить соглашения ФРГ и СССР. Он всячески ставил палки в колеса, но Аденауэр все-таки не послушался его и после того, как мы договорились по основным вопросам, предложил, поскорее оформив договор, скрепить его подписями так как боялся, что со стороны США усилится давление»[2].

Здесь необходимо отметить, что установление дипломатических отношений с СССР никак не отразилось на отношениях ФРГ с другими социалистическими странами. Ещё, до этого акта и после него, руководители Федеративной Республики подчеркивали, что делают различие в своем подходе к СССР и малым восточноевропейским странам. Прежде всего, постоянно утверждался тезис, что существует только одно немецкое государство, которое может и имеет право представлять весь немецкий народ и «никогда не исчезавшее германское государство» и «говорить от имени немцев»[3].

Но вопрос об установлении отношений между ФРГ и странами советского блока по существу уже ставился в выступлениях ответственных сотрудников правительства Аденауэра – министра иностранных дел ФРГ Ф. Брентано, статс-секретарей профессора В.Греве и В. Хальштейна (по последнего имени позже была названа «доктрина», в соответствии с которой Бонн порывал отношения с любым государством, которое устанавливало дипломатические отношения с ГДР»)[4].

---

1 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания, М.: Центрполиграф, 1999. С.72.

2 Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 2. М.: Издательство «Вече», 2016. С. 426.

3 См. документальное издание “Die Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland”, Köln, 1972, S.971. Dokument № 48, S.353, речь К. Аденауэра 7 апреля 1954.

4 В октябре 1962 г. правительство ФРГ порвало отношения с Югославией и Кубой.

Хотя формальная нормализация отношений двух стран состоялась, обмен послами между Москвой и Бонном не привел к какому-то качественному прорыву в отношениях двух стран. Как верно отмечал бывший президент ФРГ Р. фон Вайцзеккер, «расчет с прошлым начался лишь в конце 60-х годов. Но до этих перемен внешняя политика ФРГ, положение страны в Европе и в мире находились в опасном поле напряжения, характерного для периода “холодной войны»[1].

На рубеже 50-60-х гг. начался второй Берлинский кризис. Он оказался не только опасным, но и продолжительным, продлившись более 3-х лет. Во второй половине 50-х гг. позиции сторон никак не стыковались и все больше застывали в уже открытых формах. Аденауэр выступал даже против того, чтобы предоставить будущей объединенной Германии свободу выбора между нейтралистской и блоковой политикой. Его категорический выбор, состоявший в том, что объединенная Германия примкнёт к западному военно-политическому блоку, оставался незыблемым.

С правлением Аденауэра связан еще один аспект внешней политики правительства ФРГ. В марте 1958 года в Бундестаге впервые был внесен на обсуждение вопрос об атомном вооружении бундесвера. В зале заседаний звучали голоса, что «раньше, чем начать разоружение, следует вооружиться». Сторонники оснащения армии атомным оружием говорили, что если НАТО формирует вооруженные силы в Европе в составе 30 дивизий и 18 из них будут обладать атомным оружием, а 12 – нет, «то противник будет знать, где он может прорвать фронт» (заявление депутата от ХДС/ХСС Егера)[2]. И.С. Кремер цитирует в своей книге выступление депутата самостоятельной в тот момент «Немецкой партии» фон Меркатца: «Без атомного вооружения ФРГ, говорил депутат, – невозможно обеспечить безопасность для нашей свободы и охрану от большевизма»[3]. Эти планы вызвали серьезное беспокойство у на-

---

1 Weizsäcker, R. von. Erinnerungen. München, 2010. S. 7.
2 Цит. по Кремер И.С., ФРГ: внутриполитическая борьба… Автор на с. 190-191 дает ссылку на Bulletin Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 25.03.1958. S.11.
3 Кремер И.С. Указ. соч. С. 190.

селения ФРГ и в руководстве СДПГ и СвДП. Э. Олленхауэр от социал-демократов еще в октябре 1957 г. призвал отказаться от втягивания ФРГ в «соревнование страха». Лидеры СвДП, выступая в парламенте, предложили законодательно зафиксировать отказ ФРГ от обладания ядерным оружием. Голосование принесло успех сторонникам ядерного вооружения. Это решение, подтвердившее уверенность советской общественности в мрачных намерениях «немецких реваншистов», вызвало серьезное сопротивление и в западногерманском обществе, а также в правящих кругах других государств и постепенно ушло в песок, так и не был реализовано.

С точки зрения руководства СССР и ГДР, главную угрозу для интересов этих стран представлял неопределенный статус Западного Берлина и его положение транзитного пункта для тех жителей ГДР, что стремились перебраться в Федеративную Республику. Для осуществления этого намерения достаточно было сесть в вагон берлинского метро или наземной железной дороги и через несколько минут оказаться в западной части города, после чего дорога в ФРГ была открыта. По мнению отважившихся на такой шаг, разнообразные достоинства жизни в Федеративной Республике стоили брошенного имущества и разрыва с близкими – тем более что процветало бегство целыми семьями. Этим путем к 1961 году воспользовались более 2-х млн человек. Такой масштаб эмиграции создавал смертельную угрозу для экономики и самого существования Германской Демократической Республики.

В конце 1958 года по инициативе Н.С. Хрущева советское правительство выступило с требованием превратить Западный Берлин в «свободный демилитаризованный город», выведя оттуда войска трех западных держав. Советский Союз намеревался передать свои полномочия по обеспечению внешних связей этой части города властям Германской Демократической Республики. Это обосновывалось тем, что Западный Берлин «находится на территории ГДР». Советская нота требовала принятия этого плана в течение шести месяцев, что придавало документу характер ультиматума. В.М. Фалин рассказывал: когда Информационный отдел ЦК КПСС, возглавлявшийся

Г.М. Пушкиным, пытался предостеречь Хрущева, что в связи с ультиматумом может возникнуть острый международный кризис, советский лидер «даже не стал слушать»: «Руководители США не такие дураки, чтобы ставить себя под угрозу из-за Западного Берлина»[1]. По сути Кремль совершил попытку выдавить западные державы из Берлина и поставить западную часть города под контроль ГДР.

Подробности возникшего обострения отношений детально изучены и описаны в ряде исследований.[2] Здесь уместно обратиться к некоторым моментам событий. По мнению автора данной работы, резкий напор Москвы на время объединил различные политические силы Федеративной Республики. 30 июня 1960 г. на заседании Бундестага два ведущих деятеля СДПГ – Г. Венер и Ф. Эрлер сделали заявления о солидарности своей партии с политикой канцлера. Даже В. Брандт в это время выступает с предложением «внешнеполитического постоянства (непрерывности)», правда, «с новыми акцентами»[3].

Одновременно на дипломатическом фронте СССР и ГДР настойчиво проводили идею о том, что четырёхсторонний статус Берлина остался в прошлом, а, следовательно, для США, Великобритании и Франции нет правовых оснований держать свои войска в западных секторах города. Вновь ставился под вопрос и беспрепятственный доступ западных держав в Берлин.

В столицах западных стран эти идеи встретили резко негативную реакцию. Члены правительства Эйзенхауэра даже заявляли, что скорее пойдут на риск войны, чем позволят вытеснить себя из Берлина. Сам президент 16 марта 1959 г. выступал более умеренно и спокойно. Он не оставил сомнений, что США не откажутся от своих прав и обязанностей в Берлине, но проявил и го-

---

1 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания, М.: Центрполиграф, 1999. С. 79.

2 См. уже упомянутую работу А.М. Филитова, работы А.А. Фурсенко («Россия и международные политические кризисы. Середина XX века», М., 2006, гл.8, с.230-259), А.А. Новикова и Н.В. Павлова, Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М., 2005.

3 Schneider H., Uffelmann U. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Paderborn, 1977. S.320.

товность к переговорам. Хрущев, со своей стороны, три дня спустя на пресс-конференции в Москве заверил (в отличие от ноябрьской ноты), что законные права западных держав на пребывание в Берлине не будут затронуты. С 22 мая по 3 августа (с трехнедельным перерывом) в Женеве заседала конференция министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции. Впервые за стол переговоров по германскому вопросу были приглашены представители обоих немецких государств. Попытка усадить министров иностранных дел ФРГ и ГДР за общий стол и тем самым добиться международно-правового признания ГДР не удалась. Немцы рассматривались лишь как «советники» соответствующих делегаций. Советская сторона безуспешно настаивала на объявлении Западного Берлина «вольным, демилитаризованным городом» Конференция не принесла никаких результатов.

В мае 1961 года Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди встретились в Вене, чтобы обсудить две проблемы – прекращение испытаний ядерного оружия и германский вопрос. Если по первой проблеме были намечены пункты возможного соглашения, то по второй успех переговоров был равен нулю.

В ночь на 12 августа 1961 г. с согласия своих союзников по Организации Варшавского договора правительство ГДР соорудило из металла и бетона «антифашистский оборонительный вал» – стену, отделившую Западный Берлин. Это событие породило серьезные трения в отношениях Москвы и западных столиц, но имело и другие аспекты. Так, возведение стены и бездействие Запада породили в широких кругах ФРГ разочарование в политическом курсе канцлера, ориентированном на создание преобладающей мощи западного блока. Можно сказать, что вместе с возведением берлинской стены был сделан первый шаг к отставке Аденауэра, последовавшей осенью 1963 года.

Правившая в период второго Берлинского кризиса коалиция ХДС/ХСС и СвДП испытывала и другие трудности и разногласия, связанные с ростом популярности СДПГ (что во многом было результатом социал-демократической критики по германскому вопросу), а также авторитарным стилем руководства канцлера, который перешагнул за 85-летний рубеж. В

ноябре 1962 года правительство покинули «свободные демократы». Они согласились вернуться в кабинет при условии, что канцлер покинет свой пост не позднее, чем через 10 месяцев. Это и произошло 15 октября 1963 г.

В связи с Берлинским кризисом 1958-1961 гг. можно обратить внимание на некоторые особенности этого витка противостояния. Хотя Берлинская стена была воздвигнута «силовиками» ГДР, Н.С. Хрущев не отказывался от ответственности СССР за случившееся. Как пишет А.А. Фурсенко, Хрущев заявил послу ФРГ Г. Кроллю осенью 1961 года: «Конечно, ГДР без нас не закрыла бы границу. Зачем нам тут прятаться за товарища Ульбрихта?»[1]

В сових воспоминаниях Н.С. Хрущёв сообщает, что он затребовал у советских военных карту Берлина и лично «уточнил места, где можно будет установить контрольные ворота…»[2] В августе 1961 года было проведено совещание лидеров стран ОВД, где советские товарищи изложили свои планы в отношении Берлина. «Все, – свидетельствовал Н.С. Хрущёв, – согласились с нами и высказали восторженную уверенность в том, что мы успешно проведем мероприятие, а западные страны проглотят этого ежа, хотя мы явно шли на нарушение порядков, установленных Потсдамскими соглашениями»[3].

В историографии встречается и точка зрения, в соответствии с которой инициативная роль в вопросе о берлинской Стене принадлежала руководителям ГДР. Американская исследовательница Хоуп Харрисон писала, что лидеры ГДР оказывали постоянный нажим на Кремль и “хвост вертел собакой”[4].

Закрытие секторной границы 13 августа 1961 г. было важной вехой в развитии второго Берлинского кризиса, но не было его завершением. Сразу после этого дня и в последующие годы стена не раз создавала поводы для серьезных осложнений. Общественное мнение Западного Берлина и ФРГ и должностные лица по обе стороны стены столкнулись с отчаянными попыт-

1 Фурсенко А.А. Указ. соч. С. 233.
2 Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн.2. М.: Издательство «Вече», 2016. С. 155.
3 Там же, С. 156.
4 Там же.

ками отдельных восточных немцев перебраться через захлопнувшиеся ворота.

Западная сторона должна была как-то реагировать на события в Берлине. После первых дней растерянности Белый дом перешел к действиям. В Западный Берлин был послан вице-президент Л. Джонсон. Американская воинская часть без препятствий прошла по шоссе через зональную и берлинскую границу и вступила в город. Популярный среди западноберлинцев, хорошо известный в ФРГ герой первого Берлинского кризиса, организатор воздушного моста генерал Л. Клей был назначен личным представителем президента Кеннеди в Берлине.

Уже в октябре 1961 года десяток американских танков вышли к секторальному переходу Чекпойнт-Чарли. Немедленно к востоку от пропускного пункта появились советские танки. Американцы затеяли эту пробу сил с целью продемонстрировать право на свободный доступ в Восточный Берлин. Однако, на основе того, что стало известно в дальнейшем, можно сказать, что демонстрация США могла послужить запалом катастрофы.

В Берлин был срочно направлен Маршал Советского Союза И.С. Конев. Хрущев объяснял на совещании в Кремле 26 октября, что, если американцы «начнут крушить погранзаслоны», он (как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР) «прикажет стрелять на поражение»[1]. «Для меня, – пишет В.М. Фалин, – последняя декада декабря 1961 г. – самое близкое прикосновение к войне в Центральной Европе после 1945 г., которая почти автоматически могла бы перерасти в третью мировую войну”. Фалин утверждает, что “от великой беды всех тогда отделяли секунды и метры»[2].

Некоторые исследователи считают доказанным, что между Берлинским кризисом и кризисом в связи с Кубой в октябре-ноябре 1962 года имелась тесная связь. А.А. Фурсенко пишет, что «в сознании политических деятелей СССР и США германский вопрос занимал настолько важное место, что даже

---

1 Фурсенко А.А. Указ. соч. С.243.
2 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания, М.: Центрполиграф, 1999. С. 88.

в условиях конфронтации из-за Кубы многие прямо или косвенно увязывали урегулирование возникшего спора с германской проблемой...»[1]

Российский ученый как об известном факте пишет, что как создание стены, так и слабая реакция на это событие (фактически – бездействие Запада) были большим ударом по авторитету Аденауэра. Как писал впоследствии Р. Вайцзеккер, «занавес упал и все увидели – сцена пуста»[2]. Как пишет Вайцзеккер, спустя четыре месяцы после возведения Берлинской стены Аденауэр предложил Москве «10-летнее перемирие» (“Burgfrieden”). Вайцзеккер убежден, что в дальнейшем канцлер «до конца своей жизни видел свою задачу в том, чтобы прийти к приемлемым соглашениям с Советским Союзом»[3].

Но если такое намерение и было, то это не означало, что канцлер Аденауэр готов был отказаться от хотя бы части своих убеждений. Профессор Й. Иоффе пишет, что когда в 1967 году, за год до смерти бывшего канцлера, Голо Манн спросил его о допустимости воссоединенной, но нейтральной Германии, Аденауэр дал резко отрицательный ответ[4]. Иоффе приводит и другие слова канцлера Аденауэра в поддержку своей политики: «Один ложный шаг может нам стоить доверия западных держав, - говорил канцлер, - Один ложный шаг – и мы станем объектом переговоров между Востоком и Западом»[5] (т.е. между Советским Союзом и США – К.Б.). Другими словами, старый политик опасался, что враждующие стороны могут договориться за счет ФРГ.

К описываемому времени относятся и попытки нескольких западногерманских интеллектуалов повлиять на ход событий посредством т.н. Тюбингенского меморандума. Авторами стали Р. фон Вайцзеккер – председатель Синода Евангелической церкви, физик, Нобелевский лауреат В. Гейзенберг, философ и педагог Г. Пихт, президент Немецкого научного совета Л. Райзер, будущий член директората Института Макса Планка Г. Бекке, руко-

---

1 Фурсенко А.А. Указ. соч. С. 255.
2 Weizsekker R. Vier Zeiten. Erinnerungen. München, 2010. S.189.
3 Ibid. S.177.
4 См.: Ioffe J. Von Adenauer bis Schmidt. Grundlage der Außenpolitik. – в книге «Deutschland und Deutsche Demokratische Republik» (Hrsg. E. Esse). Berlin, 1983. S.151.
5 Ibid. S. 152.

водитель Западногерманского радио К. фон Бисмарк, физик К.-Ф. фон Вайцзеккер (брат Рихарда) и епископ Евангелической церкви Г. Кунст. Центральной идеей Меморандума было требование признания границы по Одеру - Нейсе и установление добрососедских отношений с Польшей[1].

В Советском Союзе ряд историков, занимавшихся послевоенной историей Германии, явно находился под влиянием радикальных пропагандистских клише начального периода «холодной войны», демонизировавших «западногерманский реваншизм». Названия некоторых трудов сегодня режут слух: монография Н.И. Салехова «Аденауэровский райх – продолжение гитлеризма» (М., 1963), работа В.И. Милюковой «Дипломатия реванша» (М., 1966).

Но постепенно среди советских историков-германистов верх взяла объективная оценка деятельности первого канцлера ФРГ, вклад которого в восстановление полуразрушенной страны не может быть оспорен. Что касается внешней политики ФРГ при К. Аденауэре, то она, конечно, не была ни реваншистской, ни антинациональной. Можно говорить о том, что в замораживание раскола страны внесла вклад личная зацикленность Аденауэра на некоторых векторах германской политики (решительный отказ от внеблоковой политики, стопроцентная опора на США, готовность содействовать достижению неоспоримого военного превосходства Запада над Советским Союзом как условия, необходимого для объединения Германии и т.д.). Но вместе с тем, в числе итогов пребывания Аденауэра у власти – интеграцией ФРГ в европейское сообщество, частичное восстановление германского суверенитета, а также большие успехи экономической политики, ставшие залогом будущих внешнеполитических успехов Федеративной Республики. Возведение «стены» в Берлине, без сомнения, ускорило уход Аденауэра с поста канцлера.

Преемником К. Аденауэра стал талантливый экономист, «отец немецкого экономического чуда», один из главных конструкторов социально-экономического хозяйства и многолетний вице-канцлер профессор Людвиг

1 Ioffe J. Ibid. S. 177-178.

Эрхард, член бундестага от ХДС. Министром иностранных дел стал его однопартиец Герхард Шрёдер. Как и в кабинете 1962 года, пост министра экономического сотрудничества получил будущий сотрудник В. Брандта и президент ФРГ Вальтер Шеель, свободный демократ.

Ничем особо примечательным в плане международной политики трехлетнее пребывание Л. Эрхарда у власти не отмечено. Новый канцлер предлагал проводить в «восточной политике» тактику «малых шагов». Г. Шрёдер подтвердил, что считает ФРГ единственным представителем Германии в мире, что установление кем-либо дипломатических отношений с ГДР исключает поддержание таких же отношений с ФРГ. Эта проблема стала в годы руководства МИД Г. Шрёдером одной из главных в деятельности западногерманской дипломатии. Стоило Генеральному секретарю ООН разослать документ правительства ГДР в качестве официальной бумаги Секретариата, как (конечно, не без инициативы Бонна) три западные державы в специальной ноте Генеральному секретарю подтвердили, что с точки зрения международного права только ФРГ представляет Германию.[1]

Вместе с тем это не помешало ФРГ открыть ряд торговых представительств в странах Восточной Европы. 12 декабря 1963 г., чуть более чем через два года после возведения стены, западные берлинцы получили возможность посетить родственников в Восточном Берлине. 2-я такая акция была проведена между 30 октября и 12 ноября 1964 г.[2] В этих двух акциях возможностью посетить Восточный Берлин воспользовались более двух миллионов западноберлинцев. Такая практика изредка использовалась и в последующие годы.

Летом 1964 года Москва сделала неожиданный примирительный ход: Н.С. Хрущёв пригласил канцлера Л. Эрхарда посетить Советский Союз. В беседе с зятем советского премьер-министра и главным редактором газеты «Известия» А. Аджубеем Эрхард подтвердил свою готовность к встрече с со-

---

1 Politische Zeittafel. 1949-1979. Bonn, 1980. S. 116.
2 Ibid. S. 117, 125.

ветским лидером. В начале сентября посол СССР в Бонне передал предложение Хрущёва встретиться в Москве в январе 1965 года. Этой возможно важной встрече помешало смещение Хрущёва с его постов 14 октября 1964 г.

В целом второй канцлер ФРГ сосредоточился на «англосаксонском направлении». Окружение К. Аденауэра, в т. ч. Ф.-Й. Штраус и К.И. Гуттенберг даже упрекали Эрхарда за ослабление сотрудничества с Францией[1]. В отношениях с Советским Союзом Эрхард сделал попытку продолжить линию, начатую в 1964 году, и в начале 1965 году направил приглашение посетить Бонн новому председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину. Советский премьер сообщил, что он в таком визите не заинтересован[2].

На совещании министра иностранных дел А.А. Громыко в апреле 1965 года с его американским, английским и французским коллегами участники встречи подтвердили, что никакой вид атомного оружия не будет передан ФРГ. Похоже, что вопрос о границах беспокоил канцлера, ибо в сентябре того же года правительство отвергло высказывание польского премьера Циранкевича о том, что граница по Одеру-Нейсе твердо определена Потсдамским соглашением[3]. В выступлениях канцлера подчеркивалось, что в будущем мирном договоре должны быть зафиксированы границы Германии 1937 года. Такие заявления ударяли по интересам Советского Союза и Польши, получившей на основании решений, принятых в Потсдаме и Ялте, приращение своих территорий за счет Восточной Пруссии и других областей Германии.

Правительство Эрхарда взаимодействовало с Вашингтоном, где президент Джонсон выступил с идеей «наведения мостов» в отношении стран Восточной Европы. В 1963-1964 гг. боннское правительство впервые заключило торговые договоры с малыми социалистическими странами и создало в Варшаве, Будапеште, Бухаресте и Софии торговые представительства (в Восточном Берлине и Праге таких представительств не появилось).

---

1 Politische Zeittafel. 1949-1979. Bonn, 1980, S. 123.
2 Ibid. S. 128.
3 Ibid.

Социал-демократы, Евангелическая церковь, Свободные демократы настойчиво требовали развития «Восточной политики». Близкий к председателю СДПГ В. Брандту депутат бундестага Эгон Бар выдвигает лозунг: «Перемены через сближение».

Из Москвы в 1964-1965 гг. дуют холодные ветры. На фоне ухудшения отношений с КНР (где в октябре 1964 г была испытана первая атомная бомба) руководители СССР, похоже, хотели бы иметь более прочный тыл в Центральной Европе. В этой связи усиливается давление Москвы в пользу отказа от участия ФРГ в коллективных атомных силах НАТО.

В конце октября 1965 года было сформировано второе правительство Эрхарда. Ему предстояло еще год руководить государством и его внешней политикой. В своих выступлениях этого времени канцлер продолжает настаивать на единоличном представительстве ФРГ на международной арене в качестве германского государства. Он подчеркивает право немецкого народа на самоопределение. В связи с уходом Франции из военной организации НАТО в феврале 1966 года. Эрхард заявил, что ФРГ останется верным, надежным членом Атлантического альянса.

Примерно в это же время руководство СДПГ дало негативный ответ на «Открытое письмо» В. Ульбрихта от 7 февраля 1966 г., в котором руководитель СЕПГ предложил установить контакты между двумя партиями. В ответном письме руководства СДПГ (от 18 марта) говорилось: «Для предлагаемого сотрудничества нет никаких предпосылок. С маневрами в духе Народного фронта социал-демократы не хотят иметь никакого дела. Вместе с тем, можно работать над тем, чтобы представители обеих сторон могли изложить свои представления по германскому вопросу». Так называемые «технические переговоры» начались в Западном Берлине 29 апреля 1966 г.

Ранее, 25 марта 1966 г., состоялось самое «громкое» выступление правительства Эрхарда по проблемам внешней политики – «Мирная нота Федерального правительства», адресованная всем правительствам, с которыми ФРГ имела дипломатические отношения, а также правительствам восточно-

европейских и арабских стран. В ноте содержались пожелания о сокращении вооружений, о готовности правительства ФРГ подписать с восточноевропейскими государствами декларацию об отказе от применения силы.

Социалистические страны готовили свой ответ четыре месяца, во второй половине июля был согласован их негативный ответ. Такой ответ был связан с тем, что Бонн настаивал на роли ФРГ как «единоличного представителя всех немцев», отказывал в признании ГДР, не желал признать «ничтожность» мюнхенского соглашения с самого начала.

В Белой книге МИД ФРГ[1] под названием «Усилия германского правительства и его союзников по вопросу о единстве Германии», где наряду с признанием, что «до сих пор эта политика не привела к успеху», выражалась также уверенность, что «избранный путь правилен»[2].

В это же время можно было наблюдать за смягчением позиции социал-демократов в отношении ГДР и СЕПГ. На съезде СДПГ в июле 1966 г. В. Брандт сообщил о готовности его партии к обмену мнениями в СЕПГ. Еще раньше, в марте, СвДП вступила в переговоры с Либерально-демократической партией ГДР. Переговоры двух социалистических партий не состоялись по вине восточной стороны. Отказ СЕПГ от переговоров был, без сомнения, отражением слабости, неуверенности СЕПГ в защищаемой ею позиции.

Из заметных выступлений по внешнеполитическим вопросам можно отметить требование свободных демократов (входящих в правящую коалицию) о сокращении оборонного бюджета. Другой причиной разногласий между членами коалиции были проблемы увеличения налогов и мер экономии.

---

1 В служебной записке атташе посольства СССР в ФРГ И. Братчикова, направленной советником-посланником посольства СССР в ФРГ В. Тереховым заместителю заведующего 3-м Европейским отделом МИД СССР Л. Г. Усаченко от 1 ноября 1983 г., поясняется: «Белая книга» по вопросам безопасности ФРГ является официальным документом федерального правительства, в котором в концентрированном виде излагаются его взгляды на военную политику, стратегию, соотношение сил и проблему разоружения». (АВП МИД РФ. Ф. 757. Оп. 28. Д. 17. П. 158. Л. 90).

2 Auswärtige Amt. Weissbuch. Die Bemühungen der deutschen Regierung und ihrer Verbündeten um die Einheit Deutschlands 1955-1966. Bonn. April 1966, S. 31.

В конце октября четыре министра-свободных демократа вышли из состава правительства. Распад кабинета Эрхарда начался. СвДП перешла в оппозицию.

27 ноября 1966 г. руководители ХДС/ХСС и СДПГ договорились о создании коалиционного правительства («большая коалиция»). 1 декабря к власти пришел новый кабинет во главе с христианским демократом Куртом Кизингером. 3-й канцлер ФРГ был в этот момент премьер-министром земли Баден – Вюртемберг. Впервые в правительство ФРГ вошли социал-демократы. Их лидер, обер-бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт занял посты вице-канцлера и министра иностранных дел.

Необходимо отметить, что новое правительство начинало свою деятельность отнюдь не в лучшее для ФРГ время. Впервые за более чем два десятка лет, прошедших после окончания войны страна в 1966 г. переживала экономический спад, который перерос в серьезный кризис. За вторую половину 1966 года число безработных в стране выросло в три раза, до 400 тыс. человек[1].

Новый канцлер обещал проводить последовательную и эффективную политику мира, продолжить усилия для достижения обоюдного доверия с СССР, особо подчеркнул желание добиться примирения с Польшей. Кизингер призвал не углублять, а преодолевать окопы, образовавшиеся между двумя частями Германии, но заявил, что только его правительство имеет право выступать от имени всего немецкого народа (т.е. тут же «углубил» упомянутые им «окопы»). Ответ другой стороны последовал тотчас – впервые с 1963 года жители Западного Берлина не получили пропусков в Восточный Берлин для рождественских встреч с родственниками.

В последующие три года правления «большой коалиции» можно было наблюдать ряд шагов, направленных на улучшение отношений со странами Восточной Европы. Так, министр по общегерманским вопросам социал-

1 Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. С. 586.

демократ Герберт Венер в выступлении по радио обратился к Вальтеру Ульбрихту с предложением, чтобы уполномоченные обоих государств вместе рассмотрели вопрос о исполнении Потсдамских соглашений[1]. Свободные демократы на своем съезде в апреле 1967 года приступили к выработке «обновленной позиции» по всем вопросам общественной жизни, включая и внешнюю политику ФРГ.

В 60-е гг. одним из важных направлений внешней политики ФРГ оставались ее отношения с Францией. Во время встречи канцлера с президентом де Голлем в Бонне в июле 1967 года в центре переговоров были «восточная» политика и вопрос о вступлении Великобритании в ЕЭС, против чего резко выступал французский президент. Похоже, что позиция де Голля по «британскому» вопросу объяснялась постоянным следованием Лондона в фарватере американской политики (де Голль даже говорил, что раньше, чем вступать в ЕЭС, «Великобритания должна стать европейской страной»)[2]. ФРГ выступала за прием британцев в ЕЭС.

В 1967 году между Бонном и Москвой шел обмен мнениями по вопросу о взаимном отказе от применения силы. В начале февраля МИД ФРГ передал советскому послу С. Царапкину проект соответствующего совместного заявления. Реакция МИД СССР последовала только через 8 месяцев. В ноябре советский посол во время беседы с вице-канцлером и министром иностранных дел В. Брандтом передал письменное изложение советской позиции по данному вопросу. Не дожидаясь ответа, 8 декабря посол передал новое заявление советского правительства, серьезно противоречащее тому, что говорилось в ходе доверительных контактов. Утверждения советской стороны о росте влияния в ФРГ неонацизма, милитаризма и реваншизма, искаженная трактовка внешней политики Федеративной республики, были расценены

---

1 Интересный материал о роли заместителя председателя СДПГ Г.Венера в связях с руководством ГДР содержится в книге Маркуса Вольфа «Игра на чужом поле. 30 лет во главе разведки» М.: Международные отношения, 1999. 392 с.
2 Politische Zeittafel. 1949-1979. Bonn, 1981. S.148.

в Бонне как несправедливые, а также как вмешательство во внутренние дела ФРГ.

Весной 1968 года К.-Г. Кизингер выступил в бундестаге с докладом «О положении нации в разделенной Германии». Он подчеркнул, что тот, кто хотел бы изменить положение (раскол Германии – К. Б.), должен использовать для этого только мирные средства. В связи с этим, как сообщил канцлер, «правительство начинает свою политику разрядки в отношении Восточной Европы»[1]. Чуть позднее правительство поставило вопрос об обмене заявлениями между ФРГ и странами Варшавского договора о неприменении силы в сфере международных отношений.

Одной из центральных проблем правительства «большой коалиции», было тогда обсуждение в парламенте и в обществе закона о чрезвычайном положении. Закон затрагивал, наряду с природными катастрофами, и проблемы обороны, а потому имел и внешнеполитический аспект. На случай чрезвычайных ситуаций закон наделял правительство и силовые структуры рядом новых, нередко диктаторских полномочий и вызвал острую дискуссию во всех партиях, входящих в коалицию, и в обществе в целом. Общественность разделилась, страну сотрясали бурные манифестации. В мае 1968 года закон был утвержден в бундестаге (384 голоса против 100) и единогласно – в бундесрате. 27 июня он вступил в силу. В эти же дни министр иностранных дел В. Брандт выступил на сессии Совета НАТО в Рейкьявике с предложением об обмене заявлениями ФРГ и ГДР об отказе от применения силы.

В июле правительство ФРГ совершило недружественную по отношению к СССР акцию, опубликовав документы двухлетних переговоров между Бонном и Москвой по вопросу об отказе от применения силы (переговоры были «доверительными», но Бонн оправдывал публикацию тем, что СССР уже якобы нарушил секретный характер переговоров). Представляет интерес

1 Politische Zeittafel. 1949-1979. Bonn, 1981. S. 153.

тот факт, что еще в марте 1966 года К Аденауэр признал на 14-м съезде ХДС: «Советы стали в ряды народов, которые хотят мира»[1].

Как уже отмечено выше, канцлерство К.-Г. Кизингера совпало с первым политико-экономическим кризисом ФРГ после периода почти 20-летнего непрерывного роста экономики. Слабели и позиции ХДС/ХСС и их младших партнеров, постоянных участников парламентской и правительственной коалиции - Свободных демократов. Свободные демократы, как было сказано выше, покинули правящую коалицию, а правительство было, к немалому потрясению христианско-демократической общественности, сформировано почти на равных из членов ХДС/ХСС и СДПГ. Кизингер, и без того не являвшийся столь популярной и исторически значимой фигурой, как Аденауэр или Эрхард, стал по сути компромиссным лидером коллегиального руководства. При нем роль канцлера заметно умалилась в пользу глав парламентских партий и ключевых фигур правительства. Продолжал стоять на повестке дня обнаружившийся еще в канцлерство Эрхарда спор между «голлистами» (сторонниками приоритета «европейской» политики ФРГ) и «атлантистами», в большей мере ориентировавшимися на США.

По определению Павлова и Новикова, «во внешней политике [ФРГ] наступил период стагнации», что было связано и со значительной неопределенностью на мировой арене в целом. Так, советское руководство (Брежнев – Косыгин), видя бесперспективность и опасность ядерной конфронтации, искало пути к разрядке международной напряженности, но столкнулось с новым витком американской агрессии во Вьетнаме и активизацией созданного по инициативе Пекина второго фронта «холодной войны»[2].

Для совместного правления СДПГ и ХДС/ХСС во время канцлерства Г. Кизингера характерно определенное смягчения противостояния по линии ФРГ – ГДР и по линии ФРГ – другие социалистические страны Европы. Прежде всего канцлер предложил Москве обменяться заявлениями о непри-

1 Хакке К. Указ. соч. С. 7-8.
2 См.: Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М.: Московские учебники, 2005. С. 221.

менении силы, социалистическое немецкое государство постепенно потеряло в западногерманских официальных документах название “советская зона”; в своих речах Кизингер призывал добиться положения Германии в роли моста между Западной и Восточной Европой. В практическом плане при правительстве «большой коалиции» начала размываться «доктрина Хальштейна» – наблюдался отход от требования Бонна к другим странам не признавать ГДР. Первыми «прощенными» социалистическими странами, с которыми ФРГ восстановила дипломатические отношения, несмотря на их официальные отношения с ГДР, были Румыния и Болгария.

Сам канцлер, в начале 40-х годов бывший членом НСДАП и чиновником в ведомстве Риббентропа, как видно из его речей и поведения в 60-е годы, ни в коем случае не был увлечен ни нацистской, ни великодержавной идеологией, умело лавировал между министрами-христианскими демократами и социал-демократами и по своим внешнеполитическим воззрениям отнюдь не был антиподом своих социал-демократических коллег по кабинету.

Официально Кизингер 13 декабря 1966 г. высказывался взвешенно: не намереваясь признавать ГДР и намекая, что надеется на будущее самоопределение восточных немцев как части единой Германии, он декларировал стремление ФРГ к миру: «Политические реальности пока мешают воссоединению нашего народа. И ещё нельзя сказать, когда оно станет возможным. В этом, столь важном для нашего народа вопросе идёт речь о мире и взаимопонимании. Мы – не легкомысленные нагреватели напряжённости, потому что мы хотим как раз устранить очаг напряжённости, проистекающей из раскола Германии и раскола Европы в целом, заменив его на мирное взаимопонимание и снова дав мир нашему народу и всему миру. Это федеральное правительство также считает себя единственным немецким правительством, которое избрано на принципах свободы, закона и демократии и поэтому правомочно говорить от имени всего немецкого народа. Это не означает, что мы

желаем выступать в роли опекунов наших соотечественников в других частях Германии, не имеющих возможности самим решать свою судьбу…»[1]

Если В. Брандт утверждал, что европейские проблемы, как и проблемы Германии, «нельзя решить в климате холодной войны»[2], то канцлер Кизингер проявил завидные осторожность и выдержку даже в условиях такого форс-мажора, как вступление войск пяти социалистических государств в Чехословакию в августе 1968 года. Буквально через несколько дней после этого события, объявленной целью которого была названа «защита братской страны от посягательств западногерманских реваншистов». Кизингер даже счел нужным в выступлении по телевидению 21 августа 1968 г. высказаться за продолжение разрядки, несмотря на «все трудности», а днем позже в специальном постановлении правительства ФРГ было обещано «продолжить реалистическую и лишенную иллюзий работу по созданию европейского мирного порядка». Именно в годы «большой коалиции» Федеративная Республика отказалась от каких-либо планов владения атомным оружием.

Ознакомление с источниками и исторической литературой показывает, что в трудных внутренних и международных условиях конца 60-х годов К.Г. Кизингер искусно вёл правительственный корабль. Здесь уместно привести следующую оценку политики канцлера в годы правления «большой коалиции»: «На долю Кизингера выпала сложная задача держать в одной упряжке и управлять одновременно резвыми рысаками из СДПГ и неповоротливыми лошадьми из фракции ХДС/ХСС»[3]. В действиях и заявлениях канцлера, без сомнения, проявилось определенное влияние его заместителя и министра иностранных дел В. Брандта, однако вице-канцлер - особенно в ходе избирательной кампании летом и осенью 1969 года – выступал всё более самостоятельно. Уже в его выступлениях этого периода присутствуют важнейшие аспекты будущего Московского договора.

---

1 АВП МИД РФ. Ф. 757. Оп. 27. Д. 37. П. 155. Л. 25.

2 40 Jahre Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: eine Dokumentation. Berlin, 1989. S. 182.

3 Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М.: Московские учебники, 2005. С.151.

Выборы в сентябре 1969 г. принесли победу социал-демократам. СвДП оказалась тем «довеском на весах», который решил судьбу Федеративной республики на последующие 13 лет. «Новая восточная политика», проводившаяся федеральным канцлером В. Брандтом, лидером СвДП, министром иностранных дел В. Шеелем, преемником В. Брандта - Г. Шмидтом и министром иностранных дел Г.-Д. Геншером описана в трудах участников событий и в исследованиях российских и немецких историков[1]. Тем не менее, автор диссертации не мог обойти этот важный этап в истории внешней политики ФРГ.

Необходимо подчеркнуть выдающуюся роль инициатора исторического поворота во внешней политике Федеративной республики Вилли Брандта. Избранный в 1957 году на пост бургомистра Западного Берлина, Вилли Брандт уже тогда проявил себя как человек, для которого на первых местах в шкале приоритетов стоят сохранение мира и желание облегчить и улучшить жизнь людей. В полуизолированном городе он старался проводить «политику возможного». Убежденный антинацист, участник норвежского Сопротивления, реалист, строивший свою политику не на мечтах, а на трезвой оценке ситуации, он был первым крупным западногерманским политиком, убежденным, что будущее немецкого народа, его воссоединение возможны только на путях соглашения и компромисса, а отнюдь не на путях силовой политики. В этой связи автор данной работы считает уместным подчеркнуть свою точку зрения, суть которой состоит в том, что именно Брандт проложил тот путь к

---

1 См. сборник документов на немецком языке – Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994. Hrsg. Auswärtiges Amt. Köln, 1995, 1165 S; W. Brandt. Erinnerungen mit einem aktuellen Vorwort. Frankfurt, 1993, 527 S; а также работы: Ежова В.Д. От «холодной войны» к разрядке: очерки о Федеративной республике Германии. М.: Политиздат, 1978. 321 с; Кремер И.С. ФРГ: этапы “восточной политики”. М.: Международные отношения, 1986, 224 с; проблемы новой восточной политики рассматриваются также в работах И.Ф. Максимычева – Россия-Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014. 512 с; Н.В. Павлова - История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения. 2012. 421 с; детальный анализ переговоров летом 1970 г. в Москве, замыслов сторон, значения достигнутых результатов содержатся в работах В.М. Фалина – Без скидок на обстоятельства. М.: Издательство Центрполиграф, 1999. 463 с. и А.М. Филитова – Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941-1990. М.: Наука, 2009. 421 с.

нормализации и улучшению отношений ФРГ и СССР, без которых германский вопрос еще долго оставался бы «замороженным».

Когда 13 августа 1961 г. вокруг Западного Берлина возводилась Стена из бетона и колючей проволоки, а союзники ФРГ и пальцем не пошевелили, чтобы прекратить это строительство, это было поражением аденауэровской политики «с позиции силы». Что касается тогдашнего обер-бургомистра Западного Берлина В. Брандта (который, правда, успел обратиться за помощью к президенту Кеннеди, но тот, по словам немецкого историка Гвидо Кноппа, «разумеется, остался холоден»)[1].

Прежде всего следует отметить, что у «новой восточной политики» Бонна была определенная предыстория. У социал-демократов почти всегда была несколько иная, чем у лидеров ХДС/ ХСС, точка зрения на отношения со странами Восточной Европы, прежде всего – с Советским Союзом. Уже первый преемник К. Шумахера (с 1952 года) – Э. Олленхауэр не раз высказывался в том смысле, что в обход СССР решить главную историческую проблему немецкого народа невозможно. Друг и соратник Брандта, глава Ведомства печати и информации в сенате Западного Берлина Эгон Бар выступал с докладом в Евангелической академии Тутцинга, он доказывал, что без нормализации отношений с СССР решения германского вопроса добиться нельзя и что вообще добиться успеха на пути объединения невозможно на основе проводившейся ХДС политики, паролем которой было «всё или ничего». Он выдвинул новую формулу, которая позднее фактически вошла в историю международных отношений – «изменения через сближение»[2]. Как позднее писала «Die Zeit», в 60-е г «сложился ансамбль личностей – трио Брандт, Шмидт и Венер», а такие игроки как Эпплер, Хайнеманн и Бар побуждались к действию[3].

---

1 Кнопп Г. История триумфов и ошибок первых лиц ФРГ. От первого послевоенного канцлера Конрада Аденауэра до Гельмута Коля. Пер. с нем., М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 241.

2 Die Bundesrepublik Deutschland. 1955-1966. Information zur politischen Bildung. Bonn, 1992. S. 19.

3 «Die Zeit»,18 März 1994. S.19.

В 1963 году руководимый Брандтом Берлинский Сенат подписал с правительством ГДР так называемое Соглашение о пропусках (Passierscheinabkommen), по которому было разрешено временное посещение восточных берлинцев западными. По этому соглашению жителям Западного Берлина разрешалось навещать своих родственников в период с 31 января 1963 г. по 1 января 1964 г. Ответные визиты – со стороны ГДР – не предусматривались. Более 700 тыс. западных берлинцев навестили своих родственников в Восточной части города за этот год. Всего в 1963-1964 годы были подписаны четыре соглашения по этой проблеме.

Такие акции возродили надежды на дальнейшее улучшение ситуации, но этого не случилось. Уж очень разными были исходные позиции сторон. Руководителей Западного Берлина интересовал в первую очередь «человеческий фактор», а лидеры ГДР рассчитывали в обмен на послабления в вопросе о пропусках добиться международно-правового признания ГДР.

Именно в эти годы В. Брандт приобрел общефедеральную известность и популярность. На съезде СДПГ в 1964 года он был избран председателем партии. Уже в эти годы проявилась его убежденность в необходимости новой внешней политики. Между В. Брандтом и советским послом в ГДР П.А. Абрасимовым установился регулярный контакт. Об отношении немецкого политика к советскому послу и его стремлении работать на благо обоих народов говорит прощальное письмо В.Брандта в связи с его отъездом из Берлина в Бонн, где он занял посты вице-канцлера и министра иностранных дел в правительстве К. Кизингера.

Приведём перевод этого послания от 1 декабря 1966 г:

«Многоуважаемый господин Посол!

С сегодняшнего дня характер моей деятельности изменится, и нам, очевидно, будет тяжело продолжать начавшийся между нами обмен мнениями.

Поэтому я считаю тем более необходимым сказать Вам, как высоко я ценю те откровенные беседы, которые мы имели в последние месяцы. Я на-

деюсь, что эти встречи, столь приятные и с чисто человеческой точки зрения, будут на благо наших народов и государств.

С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей семье и с дружеским приветом.

Глубоко преданный Вам Вилли Брандт»[1]

В речи в бундестаге в июне 1967 года вице-канцлер сообщил депутатам, что намерен на первое место во внешней политике поставить нормализацию отношений с Советским Союзом. Серьезное значение имело и его заявление, что в цели правительства не входит изоляция Восточной Германии.

В это время канцлер К.-Г. Кизингер тоже начал говорить о «новой восточной политике», устремлённой к добрососедству, но в узком кругу предлагал в отношении ГДР «путем терпеливой терапии локализовать очаг болезни с целью его ликвидации в конечном счёте». «Такова наша воля», – говорил он.

Возглавив после выборов 1969 г. правительство, В. Брандт получил гораздо большую свободу рук для проведения своей линии во внешней политике ФРГ. Прежде всего, новый канцлер заявил о том, что его правительство будет стремиться к укреплению мира в Европе, но не отказывается от «права на самоопределение немецкого народа» – в таком виде, как его понимали в ФРГ. В правительственном заявлении Вилли Брандта от 28 октября 1969 г. отмечалось: «Наши национальные интересы не позволяют нам находиться между Западом и Востоком. Нашей стране нужны сотрудничество и согласие с Западом и взаимопонимание с Востоком. Но одно должны знать наши партнёры: право на самоопределение, как оно зафиксировано в Уставе ООН, действительно и для немецкого народа. Это право и решимость отстоять его не могут быть объектом переговоров. В продолжение политики своего предшественника федеральное правительство стремится заключить равнозначно

1 Подлинник письма был подарен П.А. Абрасимовым в 2008 года проф. И.С. Кремеру.

обязательные соглашения о взаимном отказе от применения или угрозы силой. Эта готовность относится, я повторяю, и к ГДР»[1].

На съезде СДПГ в Саарбрюкене в мае 1970 года В. Брандт получил полную поддержку. Одним из важнейших тезисов его речи на съезде был тот, в котором он предостерегал сторонников «политики силы» в своей стране: «Кто хочет сдвинуть пограничные столбы в Европе, будет их укреплять. Кто хочет ликвидировать пограничные столбы в Европе, должен прекратить с намерением их передвинуть. Федеративная Республика Германии не имеет никаких территориальных требований ни в 70-е годы, ни в дальнейшем»[2].

Брандт понимал, что путь к воссоединению Германии проходит через Москву. Известный немецкий историк А. Баринг писал: «Для правительства ФРГ было ясно, что согласие с Советским Союзом, как гегемоном Варшавского пакта (имеется в виду Организация Варшавского договора – К. Б.) должно предшествовать всем другим договорам»[3].

Девиз эры Аденауэра был «Никаких экспериментов!». «Не бояться экспериментов!» стал девизом нового канцлера. Во внешней политике новации следовали одна за другой. При умелом и действенном участии статс-секретаря Эгона Бара и союзника по коалиции Вальтера Шееля канцлер подготовил и подписал исторический Московский договор с Советским Союзом о взаимном отказе от применения силы и признании существующих границ в Европе. К этой группе документов относится и договор 1971 года СССР, США, Великобритания и Франции о Западном Берлине, без подписания которого была невозможна ратификация других документов «новой восточной политики»[4].

Московский договор, без сомнения, заслуживает названия исторического. Он подводил черту под десятилетиями жесткой конфронтации СССР и

---

1 АВП МИД РФ. Ф. 757. Оп. 27. Д. 37. П. 155. Л. 26.
2 Цит. по БПИ ТАСС, 1970, 21 мая; № 101. С.16.
3 Baring A.Machtwechsel. Die Ära Brandt-Scheel, 1982, S. 225.
4 См. об этом, например: Белозёров В.К. Искусство переговоров и решение Берлинского вопроса // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 247-250.

его союзников с западногерманским государством. Более того – это был первый дипломатический документ в истории послевоенной Европы, который убрал один из шлагбаумов на пути к объединению Германии.

На фоне Московского договора были урегулированы отношения и с Польшей: был заключен договор о признании западной границы Польши по Одеру – Нейсе окончательной. С Чехословакией был подписан договор, признававший Мюнхенское соглашение (а значит и германский суверенитет над Судетской областью) «ничтожным». Это были шаги, болезненные для значительной части западногерманского общества, но необходимые.

В связи с переговорами 4-х держав по берлинскому вопросу можно указать на одну любопытную деталь: как правило, представлявшие СССР и США П.А. Абрасимов и К. Раш без огласки встречались примерно за час до начала очередного заседания четверки, обсуждали и согласовывали свою общую позицию по всем вопросам будущего договора[1].

Хотя ФРГ выразила готовность заключения договора с ГДР на основе «полного равноправия», в текст всё-таки были внесены слова об особом характере отношений двух немецких государств. При всех оговорках, однако, нельзя не отметить, что правительство ФРГ впервые признало существование двух немецких государств. Уже в самой преамбуле договора было записано, что оба германских государства (ранее на официальном уровне ГДР именовалась «восточная зона оккупации») должны «воздерживаться в своих отношениях от угрозы силой или ее применения»[2].

Темп действий правительства Брандта – Шееля вызвал определенную эйфорию в западногерманском обществе – многие считали, что наступает время, когда все спорные вопросы между Западом и Востоком будут разрешены. Некоторые основания для таких надежд имелись. Именно серия «восточных договоров» проложила путь к Хельсинскому совещанию 1975 года,

---

1 Запись разговора И.С. Кремера с П.А. Абрасимовым в Москве 18 июня 2007 г. Необходимо отметить, что одновременно с переговорами в Берлине происходили переговоры и в Бонне, в которых важную роль играл посол В.М. Фалин.

2 Договор «Об основах Отношений между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германии». Дрезден, 1972, С. 3.

где 35 государств, в том числе – ФРГ и ГДР – приняли важнейшие решения по укреплению безопасности в Европе.

Еще до заключения Московского договора стороны приступили к конкретным шагам в области экономического сотрудничества. Советская сторона подписала 1 февраля 1970 г. с акционерным обществом «Рургаз» соглашение о поставках Советским Союзом в ФРГ в течение 20 лет 52 млрд кубометров природного газа. Предусматривалось начало поставок с октября 1973 года. Соглашение на поставку СССР 1,2 млн тонн труб большого диаметра было заключено с концерном «Маннесман» – поставки предполагалось выполнить с июля 1970 года по декабрь 1972 года. «Дойче Банк» предоставил Внешторгбанку СССР кредит в размере 1,2 млрд марок[1].

Лидеры ФРГ трезво оценивали ситуацию и понимали, что страна нуждается в согласии с Западом и взаимопонимании с Востоком. В этой связи ФРГ и СССР регулярно проводили консультации по ряду нерешенных вопросов. Переговоры Л.И. Брежнева и В. Брандта по важным проблемам двусторонних отношений являлись эффективным средством урегулирования споров и способствовали, в конечном счёте, международной разрядке. В. Брандт говорил, что разрядка основана на общем интересе – выжить в ядерный век.

7 декабря 1970 г. в Варшаве В. Брандт преклонил колени у Бронзового мемориала, посвященного жертвам Варшавского гетто. Сюда гитлеровцы согнали 400 тысяч евреев и после восстания всех оставшихся в живых узников уничтожили на месте. Этим коленопреклонением он попросил прощения за немцев, тем самым сделав важный шаг к примирению двух народов.

«Новая восточная политика» была очень важным шагом на пути решения главного германского вопроса – объединения двух немецких государств. Это особенно важно подчеркнуть, ибо история развивалась так, что в момент объединения Германии во главе страны стоял лидер Христианско-

1 Алексеев Р.Ф. СССР – ФРГ: Прошлое и настоящее. Советско-западногерманские отношения, 1955-1980 гг. М.: Политиздат, 1980. С. 129.

демократического союза Гельмут Коль. Его заслуги, его успешная (с позиций его страны) тактика почти два десятка лет после подписания Московского договора, неоспоримы. В немецкой публицистике и историографии он по праву получил титул «канцлера объединения». И вместе со своим председателем его партия обрела лавры «партии объединения». Но нередко именно христианско-демократические политики тормозили процесс разрядки и углубления той политики, у истоков которой стояли В. Брандт, его ближайший сотрудник и друг Эгон Бар[1], лидер Свободной демократической партии министр иностранных дел В. Шеель.

Принципиально важный импульс дальнейшему сближению сторон был получен от визита В. Брандта в СССР и встречи двух лидеров в Крыму (сентябрь 1971 года). Здесь была дана очень высокая оценка договоров ФРГ 1970 года с Советским Союзом и Польшей, которые означали «решительный поворот в отношениях между этими странами и сделали возможными всеобъемлющее и долговременное сотрудничество на пользу нынешнему и будущим поколениям этих стран и их соседей»[2]. Интересно отметить, что в начале в коммюнике сделана такая оговорка: «собеседники обсуждали многие международные проблемы, соблюдая полную лояльность к своим союзникам».

Автор данной работы считает, что заслуги В. Брандта и его соратников в связи с поворотом внешней политики ФРГ в начале 70-х гг., особенно значительны в связи с тем, что правительство социал-демократов и свободных демократов начало свою деятельность отнюдь не в благоприятной междуна-

---

1 В своей книге воспоминаний (Das musst du erzählen. Erinnerungen an Willy Brandt, Berlin, 2015) Бар пишет, что неделю спустя после смерти политика он получил письмо от его сына Ларса Брандта. Тот рассказал, что, навестив отца, он спросил его: «А кто были твои друзья?» – «Эгон», – отвечал Брандт. В начале 1971 года журнал «Stern» опубликовал статью о тогдашнем статс-секретаре Ведомства федерального канцлера Эгоне Баре под заголовком: «В Бонне в ходу поговорка: Эгон Бар соображает, Вилли Брандт управляет». По мнению автора статьи, талант и опыт Бара «делают его идеальным партнером на переговорах. Своей абсолютной искренностью он завоевал доверие на переговорах в Праге, Москве и в Восточном Берлине», – автор дисертации использовал в данном случае сокращенный перевод статьи, опубликованный в БПИ ТАСС, 26 января 1971, №17. С.7-9.

2 Kommunique über dasTreffen zwischen Leonid Breschnew und Willy Brandt. Bonn, 1971.

родной обстановке. В памяти европейцев и всего мирового сообщества еще сохранялись такие события мировой политики, как вступление войск пяти социалистических государств в Чехословакию в августе 1968 г. и появление «доктрины Брежнева», введение правительством ГДР новых жестких правил, касавшихся паспортов и виз жителей Западной Германии, желавших посетить ГДР; в марте 1969 г. власти ФРГ решились на явно провокационный в отношении Москвы шаг – выборы президента ФРГ были проведены объединенным собранием членов бундестага и представителей земель на территории Западного Берлина. В том же месяце правительство ФРГ разорвало дипломатические отношения с несколькими государствами, признавшими Германскую Демократическую Республику. Эти негативные обстоятельства можно дополнить упоминанием о том, что в это время заметная часть избирателей поддержала партии ХДС/ ХСС (15,2 млн человек, 46,1%), и радикальные правые организации – Германскую имперскую партию и Национал-демократическую партию (они собрали больше 1,4 млн голосов)[1].

Решившись на крутой поворот политики ФРГ в отношении социалистических стран, В. Брандт по праву заслужил Нобелевскую премию мира в 1971 году. В своём выступлении 11 декабря по случаю присуждении ему этой премии он говорил:

- Когда сосуществование будет организовано на условии всеобщего отказа от применения силы – тогда надо приступить к организации совместного существования.

- Особое значение договоров с Западом требует их дополнения хорошими, нормальными, по возможности дружественными отношениями с Советским Союзом и его партнерами по Варшавскому пакту.

- Отношения с ГДР, несмотря на все трудности, будут упорядочены на основе равноправия, причём в общепринятой в межгосударственных отношениях форме:

---

1 Statistisches Jahrbuch der BRD. Bonn, 1968.

«Я выступаю, – говорил новый лауреат самой престижной премии, – за активную политику сосуществования, основанную ни на страхе, ни на чрезмерном доверии. Мир – это больше чем отсутствие войны»[1].

В связи с обвинениями со стороны ХДС/ХСС в том, что представители Бонна в ходе переговоров «распродают немецкие интересы», Шеель ответил, что требовать ответных уступок от Советского Союза могут только люди, лишенные исторической памяти, не усвоившие уроков последнего столетия. «Речь идет только о том, чтобы итоги Второй мировой войны оформить в приемлемой для нас форме как modus vivendi и стабилизировать безопасность»[2].

Трудности создавала консервативная оппозиция – фракция ХДС/ ХСС в бундестаге, которая готова была не препятствовать ратификации только в том случае, если одновременно будет утвержден еще один документ – резолюция, в которой подчеркивается, что договор 1970 года не создает правовой основы для существующих границ Германии. В Кремле возникло обоснованное впечатление, что речь идет о попытке правых в последний момент провести ревизию Московского договора. Руководство СССР протестовало против появления второго документа. Ратификация договора в Бонне была в опасности. Немецкий историк В. Борн писал в связи с острой борьбой в столице: «В Бонне начинается последний этап в борьбе вокруг «восточных договоров». Вопрос стоит так: можно ли достигнуть мира с помощью успешной восточной политики, или холодная война вновь возродится. Речь идёт о ясном «да» или «нет», ибо оппозиция не может предложить никакой альтернативы»[3].

И здесь необходимо упомянуть выдающуюся роль посла СССР в ФРГ В.М. Фалина. Он вел интенсивные переговоры как с руководством ФРГ, так

---

1 https://www.willy-brandt-biografie.de/wp content/uploads/2017/08/Rede_Willy_Brandt_Nobelpreis_1971.pdf .

2 Dokumentation zur Entspannungspolitik der Bundesregierung/Hrsg: Presse-und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn, 1976. S. 21

3 См. Geiss J. Die Rechtsopposition und ihr Kampf gegen die Ostverträge. Vorwort: William Born, Műnchen, 1972, S.3

и с лидерами оппозиции, был в постоянной связи с Москвой, действовал нестандартно. Он понимал, что Московский договор – это компромисс. Обе стороны руководствовались реальностями. Достигнутый уровень взаимопонимания отражен в тексте договора, и обязательства Советского Союза и Федеративной Республики могут выводиться только из договора. В нескольких телефонных разговорах с советскими лидерами посол убедил их, что договор имеет приоритет перед любыми односторонними дополнениями.

О напряженности, которая возникла в Москве в связи с задержкой ратификации договора, свидетельствует разговор А.А. Громыко с В.М. Фалиным в начале июня 1971 года «Ради ратификации Московского договора, – заявил министр, – не была бы чрезмерной платой даже передача Федеративной Республике Западного Берлина»[1].

Договор с СССР был ратифицирован 17 мая 1972 г. одновременно с договором ФРГ с Польшей. «За» было подано 248 голосов, «против» – 10, воздержались 238 депутатов. Одновременно была принята и спорная резолюция. 23 мая подписанный президентом Хайнеманом договор вступил в силу. Похоже, что именно в связи с новой восточной политикой стала складываться и новая методика решения важных (том числе – спорных) проблем – на основе установления особых личных отношений между лидерами двух государств, которая позднее нашла свое воплощение в определенной доверительности и интенсивных контактах в парах Л.И. Брежнев – В. Брандт, М.С. Горбачёв – Г. Коль, Б.Н. Ельцин – Г. Коль, В.В. Путин – Г. Шрёдер.

Здесь уместно привести интересный документ, личное письмо Л.И. Брежнева В. Брандту в июле 1972 года. Представляя это письмо читателям в 2014 году, Э. Бар пишет, что Брежнев указал в нем на попытки лидеров ГДР осложнить отношения ФРГ с Москвой. Советский лидер также информировал В. Брандта, что ведущие политики ХДС/ ХСС – Р. Барцель и Ф.-Й. Штраус просят советских лидеров провести с ними переговоры. «Штраус, – пишет

1 См. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания, М.: Центрполиграф, 1999. С. 275.

Брежнев, – был просто отвергнут, пока он лично не откажется от своего поведения. Барцель подчеркивает, что он честно старался довести договор до его принятия, но всё оказалось выше его сил». «Барцель, – продолжает Брежнев, – хотел добиться контакта [с советским руководством – К.Б.] до своего отпуска, но это не было поддержано». Бар замечает от себя, что «усилия двух ведущих голов оппозиции означают примирительную перемену в их позиции» всего лишь через три месяца после попытки правых свергнуть правительство, т.е. после провалившегося вотума недоверия» (это произошло 28 апреля 1972 г. – К. Б.)[1]. Не будет преувеличением сказать, что этот документ отражает высокое доверие генерального секретаря компартии СССР к лидеру социал-демократов, с которым он даже делится своим критическим отношением к «братской» ГДР.

Профессор В.И. Дашичев считает, что именно в связи с политикой В. Брандта ФРГ «стала мотором разрядки в Европе»[2]. Но Брандту не суждено было долго руководить инициированной им новой восточной политикой. 4 мая 1974 г. в связи с обнаруженной BND связью его помощника с разведкой ГДР, Брандт подал президенту прошение об отставке[3]. Это «шпионское дело» было официальным поводом к отставке Брандта. Но ознакомление с литературой и источниками создает впечатление, что уходу главы правительства предшествовали и некоторые другие события в окружении канцлера. Представляется, что, несмотря на обнаружение агента ГДР и несмотря на обнародование информации о многочисленных внебрачных связях Брандта, политик мог бы остаться на своем посту. Однако к весне 1974 года от Брандта

---

1 Bahr E. «Das musst du erzählen». Erinnerungen an Willy Brandt, Berlin, 2014, S. 127. Бар замечает в этом же месте своих «Воспоминаний», что и А.А. Громыко чинил препятствия сближению ФРГ и ГДР, в частности, на целый год притормозил назначение Гюнтера Гауса постоянным представителем Бонна в ГДР.

2 Дашичев В.И. От тоталитаризма к демократической политике в германском вопросе. – См. «Россия и Германия в годы войны и мира. 1945-1955». М., 1995. С. 494.

3 Судя по дневниковых записям Брандта, он был потрясён случившимся и, прежде всего, действиями властей ГДР, погубившими его карьеру. “Что же это за люди, – писал он о руководителях ГДР, – которые за все усилия, направленные на то, чтобы снять напряжение в отношениях между двумя германскими государствами, платят такой неблагодарностью?” – Brandt W. Berliner Ausgabe, Bd.5. S. 221.

начали отворачиваться некоторые его политические друзья. Это относится, в частности, к руководителю фракции СДПГ в бундестаге Г. Венеру, бывшему коминтерновцу, в послевоенные годы – одному из самых влиятельных людей в с.-д. партии. В конце октября 1973 года, во время поездки делегации СДПГ в Москву, Венер позволил себе резко критиковать председателя СДПГ и главу правительства. Бар пишет: «Агентура доносила о высказываниях Г. Венера: “Брандт не руководит. Правительству не хватает головы»[1].

О «подсиживании В.Брандта со стороны Г.Венера, сообщает и бывший посол ФРГ в Москве А. Майер-Ландрут. По мнению посла, в ходе этой поездки Г. Венер в присутствии западных журналистов заявил о В.Брандте: «Этот человек – господин несерьёзный»[2]. Участник делегации, будущий президент ФРГ Р. Вайцзеккер рассказывает, что во время приема в западногерманском посольстве к нему подощёл советник фракции СДПГ в бундестаге Ойген Зелбман, с просьбой присоединиться к группе гостей, собравшихся вокруг Г.Венера. Зелбман считал, – пишет Вайцзеккер, – что в моём присутствии Венер прекратит все нападки»[3].

Уход Брандта с поста канцлера вызвал определённые настороженность и беспокойство как в Федеративной Республике, так и за её пределами. Г. Шмидт был умелым менеджером, управленцем высокого класса. Он имел, по сравнению с активным антинацистом Брандтом, другую биографию (в годы войны был старшим лейтенантом вермахта). Он умел энергично справляться с кризисными ситуациями, в том числе жестко, последовательно и не без успеха боролся с левацким терроризмом «красных бригад». Именно на время канцлерства Шмидта пришлось проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г. в Хельсинки. Руководители обоих немецких государств Э. Хонеккер и Г. Шмидт сидели на этом совещании рядом и оба подписали Заключительный акт Хельсинки. Во время своего

---

1 Bahr E. “Das musst du erzählen”. Erinnerungen an Willy Brandt. Berlin, 2015. S. 150.
2 Майер-Ландрут А. С Богом и оденься потеплее. Моя дипломатическая миссия в России. Международные отношения. М., 2005. С. 235.
3 Weizsäcker R. von. Vier Zeiten. Erinnerungen. Phanteon. München, 2010. S. 225.

руководства правительством ФРГ Шмидт неоднократно посещал Советский Союз и вел переговоры с руководителями страны. Одновременно он развивал сотрудничество и с Германской Демократической Республикой.

В отношениях с Советским Союзом Шмидт до известного момента продолжал линию В. Брандта, выдвигая на первый план укрепление экономических связей. Во время первого визита Г. Шмидта в качестве канцлера в Москву (октябрь 1974 года) между двумя государствами были заключены важные экономические соглашения, в том числе – третье соглашение «газ-трубы» о поставках в ФРГ 60 млрд кубометров газа в обмен на трубы большого диаметра и оборудование для советской газовой промышленности. Тенденция к постоянному наращиванию экономических связей была подкреплена новым договором о долгосрочном экономическом сотрудничестве, рассчитанном на 25 лет, подписанным в ходе визита Л.И. Брежнева в ФРГ в мае 1978 года[1]. Во время правления социал-демократов и свободных демократов объем торговли между двумя странами постоянно увеличивался: с 2,9 млрд марок в 1969 года до 20,7 млрд марок в 1982 году.

Но именно Г. Шмидт, социал-демократический политик, добился от Вашингтона и НАТО решения о «довооружении» НАТО с помощью размещения на территории Европы 572 американских атомных ракет. Он объяснил свою позицию тем, что на Европейской части Советского Союза появились модернизированные ракеты средней дальности, радиус которых позволял в случае войны направить их на любую точку Западной Европы. Шмидт рассуждал так: если вдруг Советский Союз нанесет удар такими ракетами по одной из стран НАТО, вряд ли Соединенные Штаты выступят на защиту своих союзников, запустив атомные ракеты по территории СССР и поставив при этом под угрозу уничтожения США. Поэтому было бы правильно разместить американские ракеты на территории западноевропейских членов НАТО. Несмотря на видимость логики и справедливого подхода к проблеме

1Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 337.

безопасности союзников США, на взгляд автора данной работы такая позиция была уязвимой. В центре политико-идеологического конфликта – «борьбы мировоззрений» и еще продолжавшейся «холодной войны» стояло, прежде всего, соперничество двух сверхдержав того времени – СССР и США. Обе страны владели межконтинентальными баллистическими ядерными ракетами, и этот факт создавал ядерное равновесие. Такие ракеты, выпущенные по главному противнику, должны были лететь до цели примерно за 40 минут. Усовершенствованные американские ракеты средней дальности конца 70-х – начала 80-х гг., установленные в Западной Европе, могли поразить крупнейшие центры Советского Союза через 6-7 минут полёта, то есть руководители противоракетной обороны СССР не имели времени даже на принятие необходимых решений. Такую ситуацию могла бы уравновесить установка советских ракет вблизи территории США, скажем, в Мексике или в Канаде. Но это было нереально. Таким образом, западная сторона получала в итоге «довооружения» явное стратегическое превосходство.

Соглашения в Хельсинки оказались вершиной разрядки, за которой вновь последовали события, характеризуемые как «холодная война». Международная обстановка резко обострилась в результате ввода советских войск в Афганистан в конце 1979 года, политического кризиса и введения военного положения в Польше (декабрь 1980 года), в связи с подготовкой к размещению американских атомных ракет нового поколения в Европе, а также планов по развертыванию против СССР нового для того времени нейтронного оружия.

Интерес сегодня может представлять различие позиций США и ФРГ в связи с афганскими событиями. Вашингтон занял резко негативную позицию. Президент Картер ввел санкции против СССР, объявил об отказе США ратифицировать важный договор по ограничению вооружений (ОСВ-2) и призвал страны Запада бойкотировать Олимпийские игры 1980 года в Москве. Правительство Шмидта, похоже, не было готово полностью следовать конфронтационной линии Вашингтона. Неправительственная организация –

Национальный Олимпийский Комитет ФРГ – в мае 1980 года присоединился к бойкоту Игр. Но уже 30 июня канцлер Шмидт, первый из руководителей западных стран после начала афганских событий, и его министр иностранных дел Г.-Д. Геншер прилетели в Москву и подписали там Долгосрочную программу основных направлений сотрудничества СССР и ФРГ в области экономики и промышленности. Этот документ в дальнейшем получил реальное воплощение, прежде всего, в «газовых» проектах двух стран. В ноябре 1981 года Л.И. Брежнев очередной раз посетил Федеративную Республику, где в ходе переговоров с руководителями стран было подтверждено стремление обоих правительств несмотря ни на что поддерживать друг с другом стабильные отношения.

Однако различие между линией убежденного пацифиста Брандта и жесткого прагматика Шмидта было заметно. «Die Welt» сообщила о соглашении ФРГ – США по вопросам расширения американского военного присутствия в Западной Германии. Газета писала, что уже в 1977-80-х годах численность войск США в ФРГ увеличилась почти на 38 тыс. человек. По новому соглашению, подписанному 15 апреля 1982 г. «в случае кризисной ситуации» США должны были направить в ФРГ 6 новых дивизий, плюс 30 эскадрилий ВВС (1 тысяча боевых самолетов) – всего 25 тыс. военнослужащих: Соглашение предусматривало строительство новых аэродромов и складов[1].

Политически активная часть населения ФРГ раскололась по вопросу о «двойном решении» НАТО. Изменение политической обстановки в ФРГ и корректировка ее внешнеполитического курса не в последнюю очередь были связаны с дискуссией по поводу размещения ракет. Позиция ХДС/ ХСС была ясной и однозначной: консерваторы полностью поддерживали размещение на территории ФРГ атомных ракет, нацеленных на Советский Союз. Совсем другой политический ландшафт образовался в СДПГ. Шмидт, инициатор приглашения американских ракет в Западную Европу, в своей партии встретил серьезное сопротивление. У него возникли разногласия по этому поводу

1 “Die Welt”, 16 April, 1982.

с председателем СДПГ Г. Фогелем. Против «двойного решения» выступил экс-канцлер и президент Социалистического интернационала Брандт[1].

Чуткий к переменам настроения партийного базиса, а также под влиянием быстро нарастающего антивоенного движения, Брандт последовательно выступал против размещения атомных ракет в ФРГ и по этому вопросу встал на сторону оппозиции в СДПГ. Имея в виду свои разногласия со Шмидтом и его сторонниками в Правлении партии, он писал и говорил, что «стоит идти против течения, если это течение пытается занять неверное русло»[2]. Брандт считал, что в международных отношениях наступает новый «ледниковый период», но, в отличие от Шмидта, говорил, что за такое развитие событий несут ответственность не только советские руководители, но «некоторые влиятельные круги в США». Гонку вооружений, начатую президентом США Рональдом Рейганом, Шмидт оценивал как «опасный и неверный путь». По его мнению, американские противники политики разрядки надеются заставить Советский Союз «вооружаться до самой гибели» или другими способами поставить СССР и его союзников на колени[3].

На рубеже 70-80-х годов важные признания о линии своей партии оставил фактический глава свободных демократов, министр иностранных дел в правительстве Шмидта Г.-Д. Геншер. В своих выступлениях, опубликованных в сборнике «Германская внешняя политика. Избранные принципиальные речи» Геншер высказался о своем личном мнении и подходе своей партии к внешнеполитической деятельности Федеративной Республики. Внимательное чтение его выступление позволяет говорить о том, что для главного либерала и министра иностранных дел ФРГ проблема объединения Германии долго оставалась, как правило, за бортом его рассуждений. Ключевое место среди речей и интервью Геншера, опубликованных в этом сборнике, занимают выступления министра на годичных собраниях Германского общества

1 Brandt W. Berliner Ausgabe, Bd.10. Gemeinsame Sicherheit. Berlin, 2009. S. 16. По словам авторов предисловия, издание представляет собой собрание избранных статей и выступлений В. Брандта.
2 Ibid. S.17.
3 Brandt W. Op. cit. S.131.

внешней политики в июле 1976 года и в мае 1980 года[1]. Здесь можно найти интересные рассуждения об укреплении европейской интеграции, о необходимости для участников интеграции говорить одним голосом в ООН, о главной цели европейской политики – «создать мир, в котором бы европейские формы демократии и рыночного хозяйства выжили и процветали», о включении государств «третьего мира» в мировую политику, о конфликте СССР с КНР, об особых отношениях между ФРГ и Францией, о необходимости разрядки между Западом и Востоком, а также необходимости улучшить соглашение с ГДР о транспортных связях, о задаче достигнуть равновесие вооружений «на возможно более низком уровне» и т. д. Но в этих программных выступлениях нет ни слова о главной национальной задаче - восстановлении единства Германии.

Между тем внутренняя ситуация в Федеративной республике менялась, и эти изменения не шли на пользу правящей коалиции. Г. Шмидт занял свой пост в момент начинавшегося мирового экономического кризиса. Способный и компетентный, канцлер много сделал для выхода страны из полосы упадка экономики, справившись с этой задачей успешнее и быстрее своих коллег в других странах Запада. Э. Бар, подводя итоги развития своей страны за тридцать с лишним лет, писал: «Аденауэр не смог достигнуть своих целей - объединения и интеграции в Европу, но достиг тесных связей с Западом и перевооружения; Брандт открыл движение на Восток; Шмидт учитывал экономические компоненты политики. Все трое усилили вес нашей республики»[2].

Но положение правительства усложнял бурный рост молодежных протестных движений, студенческих волнений, появление оппозиционных течений в самой правящей партии. Из-под контроля руководства СДПГ уходило молодежное крыло партии («Молодые социалисты»), набирали силу и быстро развивающиеся социальные движения («Зелёные», «Альтернативное движение»). Серьезное сопротивление линии Шмидта на левом и центристском

1 Genscher H.D. Deutsche Politik. Ausgewählte Grundsatzreden. 1975-1980. S.143-150, 306-332.
2 Bahr E. Was wird aus der Deutschen. Fragen und Antworten. Hamburg, 1983. S.31.

флангах побудило Свободных демократов выйти из правительства; Г. Шмидт поставил в бундестаге вопрос о «конструктивном недоверии» и проиграл. 13-летнее пребывание социал-демократов у власти завершилось.

В ноябре 1982 года к власти пришла коалиция ХДС/ ХСС и СвДП. Христианские демократы выдвинули на пост бундесканцлера председателя партии Гельмута Коля, премьера правительства земли Рейнланд-Пфальц. Состоявшиеся в марте 1983 года досрочные парламентские выборы подтвердили новое правительственное большинство. В своих выступлениях новый канцлер и вернувшийся на пост министра иностранных дел Г.-Д. Геншер несколько туманно говорили о «новом повороте». Вскоре стало ясно, что крупных перемен во внешней политике ждать не приходится. Уже из правительственного заявления канцлера Коля 13 октября было ясно, что автор «поворота» должен был взять на вооружение главные черты внешней политики своих предшественников. Это относилось как к «восточным договорам», так и к Заключительному Акту Хельсинки; канцлер обещал «подлинную разрядку», по всей видимости, имея в виду, что нарушителем политики разрядки является СССР, в отличие от ФРГ и других стран Запада не соблюдающий договорённостей 70-х гг., и теперь дело западной дипломатии – принудить советскую сторону к ослаблению международной напряжённости.

Немецкий историк Д. Крамер сообщает, что канцлер во время визита в Москву в мае 1983 года «не упустил ни одной темы – ни берлинской Стены, ни проблемы германского объединения». Он, якобы, спросил у Андропова, как бы тот себя чувствовал, если бы подобный монстр (Стена) пересекал через Москву. Речь шла также о ходе Женевских переговоров по ракетам[1]. Как бы не уверяли канцлер и его коллеги в преемственности политики и верности «восточным договорам», различие между временем Брандта – Шмидта и новыми тенденциями время от времени проявлялось. В той же статье Д. Крамера речь идет также об активизации в ФРГ попыток представить актуальным и вопрос о Германии в границах 1937 года.

---

1 Cramer D. Ostpolitik an der Waage // “Deutschland-Archiv”, 1985. H. 7-8, S. 821.

Переходя к ситуации в Федеративной Республике, Крамер обращает внимание на деятельность организаций перемещенных лиц, прежде всего - силезцев. Их очередная встреча должна была проходить под лозунгами – «40 лет изгнания – Силезия остается нашим будущим – в Европе свободных народов». Было известно, что Коль собирается посетить их встречу в июне 1985 года, так как, объясняли поддерживавшие правительство СМИ, «изгнанные» являются такой же важной общественной группой, как, к примеру, профсоюзы.

Еще раньше министр внутренних дел Циммерман, выступая перед изгнанными, сообщил, что новое правительство не намерено ограничивать «германский вопрос» только Федеративной республикой и ГДР и не затрагивать восточногерманские области по другую сторону Одера и Нейсе[1].

Коль был известен своими проамериканскими убеждениями и не собирался менять курс ФРГ, следующей в кильватере американского курса, направленного на то, чтобы подвергать советскому «империю зла» всё большему давлению. Ситуация продолжала накаляться. Атташе посольства СССР в ФРГ И. Братчиков в записке, 1 ноября 1983 г., направленной советником-посланником посольства СССР в ФРГ В. Тереховым заместителю заведующего 3-м Европейским отделом МИД СССР Л. Г. Усаченко, сообщал о заметной перемене в тональности важного информационно-аналитического издания МИД ФРГ:

«Опубликованная 20.10.83 «Белая книга» за 1983 г. заметно отличается от предшествовавших изданий подобного рода как по содержанию, так и по структуре. Она впервые посвящена исключительно анализу военно-политических аспектов безопасности и вовсе не касается состояния и перспектив развития западноевропейских вооружённых сил.

В новой редакции книги акценты были расставлены по-иному, в результате чего её антисоветская направленность резко возросла.

---

1 Cramer D. Op. cit. S. 16.

Разрядка упоминается теперь лишь вскользь, между делом, да и то с определением «подлинная».

Во главу угла поставлена задача доказать, что Советскому Союзу присуще стремление к экспансии и военному превосходству и что долг Запада – всеми силами противодействовать «советской политике сверхвооружений».

Советский Союз, утверждает «Белая книга», использовал 70-е годы для «беспрецедентного в условиях мира» наращивания всех видов вооружений, которое выходит далеко за рамки его обороны.

Всего с конца 60-х было выпущено семь «Белых книг», предыдущая в 1979 г.

Резкую критику «Белая книга» вызвала со стороны социал-демократов.

Опубликовав «Белую книгу», писал еженедельник «Шпигель», 43/83, блок ХДС/ХСС окончательно похоронил политику разрядки социал-либеральной коалиции 70-х годов»[1].

Г. Коль, в частности, активно поддержал своего предшественника Г. Шмидта в вопросе о стационировании американских ракет в ФРГ и других странах Западной Европы. В конце 1983 года «Першинг-2» и крылатые ракеты прибыли в Западную Германию и начался их монтаж.

Появление на территории Западной Германии атомного оружия, которое в перспективе горячего конфликта Востока и Запада ставило под вопрос само существование населения ФРГ, дало толчок подъёму широкого общественного сопротивления. В авангарде этого сопротивления шло «брандтовское» крыло социал-демократической партии. В предисловии к 10-му тому «Берлинского издания» сочинений В. Брандта (авторы предисловия - Б. Ротер и В. Шмидт) говорится, что Фогель и Брандт проявили большую энергию в отстаивании своих позиций. В сентябре 1983 года В. Брандт вылетел в США, встречался с ведущими политиками, выступал в Конгрессе. Он выдвинул четыре условия «замораживания» гонки вооружений:

---

1 АВП МИД РФ. Ф. 757. Оп. 28. Д. 17. П. 158. Л. 90.

- Советско-американское соглашение о прекращении испытаний атомного оружия и полное прекращение размещения нового атомного оружия.

- Отказ США от размещения ракет средней дальности в Западной Европе и одновременно - начало сокращения и уничтожения нацеленных на Западную Европу советских ракет среднего радиуса действия.

- Начало переговоров о соглашении Советского Союза и Соединенных Штатов по обоюдному контролируемому “замораживанию” производства ядерного оружия.

- Совмещение переговоров о ракетах средней дальности и переговоров о стратегическом ядерном оружии с целью планомерного сокращения ядерного оружия[1].

В связи с надеждами некоторых политиков развалить Советский Союз, Брандт в сентябре 1983 года заявил, что Западу не удастся свергнуть советскую систему извне: «это случится в ходе исторического процесса по другим основаниям, но не в результате военного нажима»[2]. Поскольку американский президент Рейган регулярно подбрасывал горючий материал в костер конфликта «Запад-Восток», от немецких политиков постоянно требовалось определять свою позицию. В 1982 году Рейган призвал начать «новый крестовый поход за свободу», «выбросить марксизм-ленинизм на свалку истории», в 1983 году провозгласил Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) и назвал СССР «империей зла», а 11 августа 1984 г. опасно шутил у включенного случайно микрофона, что через пять минут начнет бомбардировку России.

В. Брандт же писал, что «нельзя страх перед СССР преобразовывать в гонку вооружений». Он опасался, что холодная война сознательно или по воле случая перейдет в мировую войну с применением ядерного оружия[3]. В личном письме Ю. В. Андропову от 22 сентября 1983 г. В. Брандт как лидер

---

1 Brandt W. Band 10. Gemeinsame Sicherheit. Internationale Beziehungen und deutsche Frage. 1982-1992. Berliner Ausgabe. 2009. S. 20, 25.
2 Ibid. Bd. 10. S. 171.
3 Bahr E. «Was wird aus der Deutschen. Fragen und Antworten» Hamburg, 1983. S. 31.

социал-демократической оппозиции ФРГ заявил, что его партия понимает уязвимое положение СССР, надеется на предложенный советской стороной компромисс, нацеленный на отказ от гонки вооружений, и поддерживает советское предложение учитывать в советско-американских переговорах наличие у Запада также английского и французского атомного оружия. Вместе с тем, он убеждал советского лидера не настаивать на этом в интересах успеха переговоров: «Я признаю Ваши усилия в этом направлении и могу себе представить, что гибкость не всегда легко даётся именно великой державе; я понимаю, что её границы упираются в интересы безопасности Вашей страны. То, чем я хотел бы поделиться с Вами, вполне учитывает эти границы… В Женеве результатов нет, нет пока и американских ракет на территории западноевропейских государств, зато есть около 250 систем «СС-20», способных достичь Западной Европы. Как Вы знаете, мы преследуем цель достичь такого сокращения «СС-20», которое сделало бы излишним размещение американских ракет.

Вы сами заявили о готовности существенно сократить Ваши системы СС-20 до уровня, достаточного для установления равновесия по отношению к системам английского и французского ядерного оружия. Моё предложение: нагните это! [Так в тексте перевода – К. Б.] Нагните это таким образом, который ясно показал бы общественности в Америке и Западной Европе, пока ещё здесь не размещены новые ракеты, насколько серьёзны намерения Советского Союза предотвратить новый виток гонки вооружений и достичь результата в Женеве»[1].

В. Брандт обещал использовать «огромные возможности» влияния социал-демократов на американскую администрацию и подчёркивал, что подобное отношение СДПГ к советским интересам «это нечто такое, что не могло бы быть без тех отношений, которые развились на основе Московского договора». Письмо В. Брандта Ю. В. Андропову осталось без ответа[2].

---

1 АВП МИД РФ. Ф. 757. Оп. 28. Д. 17. П. 158. Л. 82.
2 Bahr E. Ibid.

В свою очередь, Э. Бар в одном из своих интервью говорил, что «не существует такой национальные цели, которая стоит того, чтобы подвергать опасности мир». В этом убеждении он был полностью солидарен с В. Брандтом, который писал, что «без мира всё остальное ничтожно»[1]. 19 ноября 1983 г. чрезвычайный съезд СДПГ принял большинством голосов («против» – 14 делегатов во главе с Г. Шмидтом) резолюцию против установки ракет и за продолжение переговоров. Однако через три дня бундестаг утвердил решение об установке 108 «Першинг-2» и 96 крылатых ракет на территории ФРГ («за» резолюцию подано 286 голосов, «против» – 225).

Интересна реакция французских коллег В. Брандта. Один из лидеров французской Социалистической партии Жак Хунтцигер заявил в эти дни: «Возможно, что “Першинги” и крылатые ракеты не имеют другого смысла, кроме одного: они углубляют разделение Германии, так что проблема минимум на двадцать лет слезет с нашей шеи». Активность руководства социал-демократов была связана, помимо принципиально негативного отношения к гонке вооружений, также и с опасениями, что в результате конфронтации будет нанесен тяжелый удар по «восточной» политике ФРГ.

Не только социал-демократы, но и значительная часть либералов и «зеленых» негативно отнеслись к провозглашенной Рейганом марте 1983 года «Стратегической оборонной инициативе» (СОИ), т.е. к планам милитаризации космоса. Противники американского проекта высказывали опасения, что он даст старт резкому усилению гонки вооружений, а также перечеркнет важные советско-американские соглашения по ПРО.

Однако коалиция консерваторов и свободных демократов, а также часть западногерманского научного сообщества (например, связанный с Министерством обороны ФРГ и одновременно с американской «Рэнд Корпорейшн» Исследовательский институт в Эббенхаузене возле Мюнхена) настаивали на участие ФРГ в СОИ.

---

1 Точная цитата звучит так: «Мир – это не всё, но без мира всё становится ничем». Кнопп Г. Указ. соч. С. 231.

Среди доводов в пользу участия ФРГ в проекте был и такой: его реализация потребует нового скачка в развитии современных технологий, и если ФРГ останется в стороне от проекта, немецкие наука и технологии отстанут в развитии от США и американских союзников по СОИ[1].

Интересно отметить, что в рядах нараставшего антивоенного движения в это время вновь возрождается идея нейтрализации будущей объединенной ФРГ, ее неучастия в одном из двух враждебных блоков. Однако председатель СДПГ В. Брандт, выступавший за симметричное ядерное разоружение в Европе, идеи нейтрализации не поддержал[2]. Съезд СДПГ в ноябре 1983 года осудил размещение американских ракет в ФРГ и одновременно выступил за начало дискуссии о новом европейском мирном порядке. Чуть раньше, осенью 1983 года Брандт принял в Бонне делегацию КПСС и в ходе беседы подчеркнул, что речь должна идти «не только о новых ракетах» двух сторон, но об атомном вооружении в целом[3].

Приход к власти в Бонне правительства Коля почти совпал с определённым осложнением общей обстановки в Европе и в мире. Именно в месяцы правления Ю.В. Андропова 1 сентября 1983 года по указанию из Центра на Дальнем Востоке был сбит южнокорейский самолет с 350 гражданскими пассажирами на борту, что немедленно ухудшило атмосферу мировой политики. Г. Коль в выступлениях начала 80-х годов говорил о необходимости «нового поворота», но одновременно заверял своей решимости сохранить верность в «восточным договорам».

Вместе с тем на политической сцене ФРГ всё чаще стали появляться призывы к следованию тем идеям, которые усиленно проталкивались христианскими демократами в годы борьбы против «восточных договоров». В.М. Фалин, в частности, отмечает, что смена Свободными демократами коалиционного партнера и создание кабинета во главе с христианским демо-

---

1 Запись беседы И.С. Кремера с ведущим сотрудником Института в Эббенхаузене и в американском «Рэнд Корпорэйшн», профессором Адомайтом 11 февраля 1985 г. (личный архив И.С. Кремера).
2 Brandt W. Berliner Ausgabe. Bd. VI. S. 173.
3 Ibid. S. 105.

кратом «вызволили совместную резолюцию (от 17 мая 1972 г.) из летаргического сна». И дальше: «Отблески резолюции чувствовались после объединения Германии, когда изыскивались способы, можно ли и как уклониться от перенятия обязательств двух германских государств, в частности, по границам в Европе»[1]. Что касается советских участников договора и их преемников, то для них резолюция бундестага от 17 мая 1970 г. просто как бы не существовала.

Во время встречи Г. Коля с Ю.В. Андроповым в июле 1983 года могло возникнуть обоснованное впечатление, что от «новой восточной политики» В. Брандта – Г. Шмидта ничего не осталось. Советский лидер держался крайне жестко, угрожал «адекватными мерами» в случае размещения американских ракет в ФРГ, утверждал, что немцы в двух германских государствах будут «смотреть друг на друга через густой частокол ракет» и т. п. Н. В. Павлов приводит интересную оценку поведения немецкого канцлера во время этих важных переговоров, данную журналом «Der Spiegel». Журнал писал: «Глава западногерманского правительства показал себя в Москве исключительно как сторонник политики «с позиции силы», то есть курса, который проводит президент США в отношении страны, объявленной им «средоточием зла». Канцлер выступал как образцовый ученик американского президента, защищал американскую позицию и не искал компромиссов с СССР»[2]. Никаких позитивных результатов эта встреча не принесла. В ноябре 1983 г. началось размещение американских ракет на территории ФРГ. Андропов распорядился о размещении ядерных ракет на территории ГДР и Чехословакии. Картина усложнения мировой ситуации была бы неполной, если не иметь в виду, что в это же время, в 1983 году, президент США Рейган выступил со своей «Стратегической оборонной инициативой» – программой милитаризации

---

1 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. С. 273.

2 “Der Spiegel”, 1983, №28. S.15 – цит. по: Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 342.

космоса, способной, по расчетам американских ученых, лишить Советский Союз возможности нанести ответный ядерный удар.

Интересные подвижки можно было отметить в развитии отношений ФРГ и ГДР. Французский политолог П. Асснер фиксировал наметившееся сближение двух государств. Он писал: «После долгих лет практически полного игнорирования политиков из ГДР, которые, как считали на Рейне, были абсолютно не представительны и полностью зависимы от Москвы, – писал он, – ФРГ ударилась теперь в другую крайность, для которой характерна полная недооценка или, по крайней мере, затушевывание различий между государством и обществом в ГДР и степени ее зависимости от Советского Союза»[1]. Тенденция к сближению была заметна и на уровне партийно-политическом. Впервые сели за один стол представители двух десятки лет враждовавших политических партий – СДПГ и СЕПГ. Весной 1984 г. делегаты социал-демократов и группа профессоров из Академии общественных наук из Восточного Берлина начали переговоры по проблемам безопасности, которые чуть более года спустя привели к созданию совместного документа “Рамки соглашения о создании в Европе зоны, свободной от химического оружия”[2].

Что касается самого правительства Г. Коля – руководство ФРГ проводило линию на сближение с ГДР. Канцлер в 1984-86 гг. ежегодно встречался с Хонеккером. В течение 1983 г. и 1984 г. ГДР получила кредитов на 2 млрд западных марок. Объем межгерманской торговли в 1985 г. достиг рекордной суммы в 15,5 млрд западногерманских марок, с 1983 г. западногерманские банки начали регулярное кредитование Восточной Германии[3]. Профессор К. Хакке считает именно эти кредиты, ставшие для руководства ГДР полной

1 Цит. по “Der Spiegel”,1983, №41, S. 164.
2 SPD-SED-Papier. Bonn, 1985.
3 Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М.: Московские учебники, 2005. С. 238.

неожиданностью, началом новой германской политики ФРГ: на смену «мелочным бухгалтерским расчетам» пришли «широкие жесты великодушия»[1].

Интересно, что влиятельным инициатором этих кредитов был лидер консервативного баварского Христианско-социального союза Ф.-Й. Штраус. Однако, парадоксальным образом резкая, враждебная риторика восточного клиента западногерманских банков и бизнеса в это время не менялась. Примером этого может служить заявление в статье председателя межпарламентской группы Народной палаты ГДР Х. Фехнера, опубликованной летом 1984 года: «Ввиду чуждого реальности и реваншистского поведения влиятельных кругов в руководстве ХДС/ ХСС, отношения между двумя парламентами ещё не налажены»[2]. И это писалось примерно в то же самое время, когда по требованию своих московских шефов Э. Хонеккер вынужден был отказаться от уже согласованной с принимающей стороной поездки в Федеративную Республику.

Что касается проблемы объединения Германии, то она, по мнению некоторых политиков ФРГ (например, бывшего министра обороны Г. Апеля, члена руководства СДПГ) «была закрыта». Здесь уместно упомянуть и о настроении В. Брандта по главному германскому вопросу. Оно отнюдь не было оптимистичным. В 1983 году он заявил, что вопрос о том, «будет ли немецкий народ жить в дружеском соседстве или под одной государственной крышей, следует оставить следующему поколению»[3].

Для выступлений западногерманских политиков в первой половине 80-х годов характерно подчеркивание общих интересов немецкого народа и интересов Европы. Вот одно из выступлений Г. Коля в начале 1985 года: «Всякое преодоление стен и раздела между Востоком и Западом в Европе означает прекращение разделения немцев... Раскол Германии является расколом Европы. Этот раскол мы и хотим преодолеть»[4]. В том же ключе выступали и

---

1 Хакке К. Указ. соч. С. 121.
2 “Deutschland-Archiv”, 1984, H.10, S. 1031.
3 Brandt W. Berliner Ausgabe. Bd.10 S. 221.
4 Aus Politik und Zeitgeschehen. Bonn.1985.H2, S. 4.

другие члены правительства. Министр по внутригерманским отношениям Г. Винделен в одной из своих речей в 1984 году говорил: «Наша германская политика служит единой цели: мирным путем преодолеть раскол Германии и Европы»[1]. Чуть раньше другой министр, Г.-Д. Геншер высказывался все в том же духе: «Германская политика - европейская мирная политика. Но верно и обратное - европейская мирная политика является также германской политикой»[2].

В данной работе нет возможности подробно остановиться на подходе СЕПГ и правительства ГДР к вопросам объединения двух государств[3]. В общем плане можно сказать, что руководители ГДР — от В. Пика, В. Ульбрихта и до Э. Хонеккера прекрасно понимали, что решение «германской проблемы» означает одновременно и крушение марксистского режима в Восточной Германии. Поэтому документы и политическая литература первых десятилетий существования ГДР постоянно отражают дистанцию, которая отделяла поток пропагандистских, в том числе и официальных заявлений и публикаций, от реальных шагов правящей партии на европейской и мировой арене. Лозунги и пароли, звучавшие в Восточном Берлине, должны были убедить население обоих немецких государств в «национальном» мышлении, благих и мирных намерениях лидеров ГДР. Так, на XIII съезде СЕПГ (1950 год), тогдашний премьер-министр О. Гротеволь выступил с рядом объединительных инициатив. Позднее, в том же году, О. Гротеволь детализировал свои идеи в специальном письме К. Аденауэру. Премьер-министр предлагал образовать на паритетных началах Учредительный совет для подготовки общегерманских выборов. В это же время лозунгом дня, выдвинутым СЕПГ, было «Немцы, за один стол!» Одновременно был (правда, без заметного ус-

---

1 Bilanz einer Wende. Dokumentation der Deutschland und Ostpolitik. Bonn, 1984. S. 40.

2 “Deutsche Außenpolitik als aktive Friedenspolitik”, Rede des Bundesministers des Auswärtigen. Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung. 1983. 11 Februar. S. 169.

3 Подробно об этих маневрах можно прочитать в работе Бетманкаева А.М. На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949–1964 гг. // Американские исследования в Сибири. Томск, 1990. Вып. 7.

пеха на Западе) организован «общенациональный референдум» по вопросу о воссоединении[1].

Лидерам ГДР необходимо было повседневно доказывать, что «настоящие», укорененные в немецкой истории немцы – это именно жители восточной части страны – они обеспечивают мир в Центральной Европе, они – законные обладатели «прусского культурного наследия» и всей (конечно, догитлеровской) истории Германии. Символом истинно немецкого первородства, воплощённого теперь в населении восточной части страны, сделался не только пугавший остальную Европу «прусский гусиный шаг» парадов Немецкой народной армии, но и возвращение из Потсдама в центр столицы ГДР конной статуи воинственного Фридриха Второго.

Позитивные перемены в Западной Германии (появление нового поколения руководителей, рост пацифистских и антинацистских настроений в обществе) в 60-е гг. не стали подарком для марксистской элиты в ГДР. Появление во главе правительства ФРГ убежденного антинациста, участника европейского Сопротивления Вилли Брандта, в определенной мере подрывало основную линию многолетней пропаганды, рисовавшей образ западных политиков как воинственных реваншистов. В борьбе за свою легитимность и прогрессивную «особость» ученые ГДР в сотрудничестве с некоторыми московскими коллегами и дипломатами создали теорию двух немецких наций (имелись в виду капиталистическая и бесперспективная исторически отсталая немецкая нация между Эльбой и Рейном и передовая, социалистическая немецкая нация между Одером и Эльбой). Сегодня можно удивляться тому, что люди с авторитетом и, нередко с талантом, тотчас подхватили такую «теорию» и создавали труды, посвященные замечательному научному открытию.

И все-таки было бы неверно сегодня оценивать путь, пройденный Германской Демократической Республикой (с точки зрения внутреннего разви-

---

1 Канцлер ФРГ не пожелал вступать в переговоры с восточными соседями.
Совершенно очевидно, что лидеры ГДР отнюдь без энтузиазма наблюдали за развитием событий вокруг ноты Сталина в марте 1952 г.

тия и в качестве субъекта международных отношений) как сплошную цепь ошибок и неудач. Она добилась к началу 80-х годов определенной стабильности, приняла равноправное участие в историческом совещании в Хельсинки, добилась заметных успехов во внедрении в свою экономику передовой электроники. Особенно значительными были успехи в социальной сфере (имеются в виду такие ее направления, как поддержка многодетных семей, качественная и почти бесплатная медицина, возможность для женщин трудиться только часть обычного рабочего дня и т. п.

Вместе с тем определенные трудности и проблемы создавали такие черты режима, действующего в центре Европы, как отсутствие подлинной демократии, подлинной многопартийной системы, сложные отношения власти и общества, запаздывания власти в проведении назревших реформ.

Возведенная 12 августа 1961 г. окружавшая западную часть Берлина «Стена» в какой-то степени стабилизировала ГДР (во всяком случае, с точки зрения демографической ситуации). Но и в дальнейшем, в 70-80-е гг., попытки граждан ГДР пересечь границу, аресты и применение оружия против перебежчиков стали постоянным источником напряженности и предметом резкой критики в европейских СМИ.

Руководство ГДР во главе с В. Ульбрихтом без энтузиазма относилось к улучшению отношений между Москвой и Бонном в 1970 гг. Учитывая не всегда удачную экономическую политику властей ГДР, натянутые отношения с восточногерманской интеллигенцией в связи с изоляцией страны и жесткой цензурой, отставание от Запада в уровне жизни населения от ситуации в ФРГ, руководители Германской Демократической Республики предпочитали иметь рядом страну с консервативным руководством, с влиятельными реваншистскими «землячествами», с постоянно подогреваемой враждебностью к социалистическим странам, С приходом на пост канцлера ФРГ В. Брандта во главе ФРГ оказался убежденный антинацист, участник норвежского Сопротивления, левый социалист, сторонник урегулирования всех спорных вопросов миром, на пути переговоров. Похоже, что урегулирование отношений

Бонна с Москвой, Варшавой и Прагой противоречило жесткому «классовому» подходу к международным делам старого коминтерновца В. Ульбрихта.

П.А. Абрасимов пишет по этому поводу: «...в руководстве ГДР чувствовалась определенная напряженность. Часть руководящих товарищей была обеспокоена начавшимся сближением позиций Москвы и Бонна и явно хотела бы помешать такому развитию событий. Среди них был и В. Ульбрихт»[1]. Понимая, что его бескомпромиссная линия может вызвать сопротивление в руководстве ГДР, В. Ульбрихт решил произвести чистку в своем окружении. То, что произошло летом 1970 года в Берлине, коротко описала вдова Э. Хонеккера Маргот Хонеккер: «Летом 1970 года В. Ульбрихт удалил Эриха со всех постов, но Брежнев и Абрасимов помогли ему остаться на работе»[2]. Рассказ посла Советского Союза об этом эпизоде интересен не только деталями событий, но и ярким свидетельством характера отношения между Москвой и ее «младшими братьями».

Убыв летом 1970 года в Москву на пленум ЦК КПСС, Петр Андреевич в разгар заседания был вызван из зала к телефону. Звонили из Советского посольства в Берлине. Его коллега сообщил, что в посольство прямо с утреннего заседания политбюро СЕПГ приехал расстроенный Э. Хонеккер. Только что его по предложению Ульбрихта сняли со всех постов и решили отправить на учебу в партийную школу. Абрасимов предложил своему сотруднику посадить Хонеккера в кабинет посла, попытаться его успокоить.

Далее следует текст П.А. Абрасимова: «Я прошёл в президиум заседания, подсел к Л.И. Брежневу и коротко рассказал ему о случившемся. Леонид Ильич был взволнован неожиданным известием.

– Это нужно как-то немедленно исправить. Вы могли бы прямо отсюда, не заезжая домой, отправиться в Берлин?

Я ответил, что конечно, могу. Брежнев подозвал Ю.В. Андропова (в те годы - председателя Комитета государственной безопасности СССР).

---

1 Абрасимов П.А. Указ. соч. С. 261.
2 Stuhler E. Honecker Margot. Eine Biographie. Berlin, 2003. S. 121.

– Юра, ты можешь немедленно направить самолет с Абрасимовым в Берлин?

Андропов ответил утвердительно. Уже через час я сидел в самолете на пути в Берлин и связывался по радиотелефону с Ульбрихтом. Я сообщил, что лечу для срочной встречи с ним. Наша беседа была нелегкой. Я спросил, почему, встречаясь со мной накануне моего отлета в Москву, Ульбрихт ничего не сказал мне о важных кадровых изменениях в руководстве ГДР? Мой собеседник был явно смущен, но начал объяснять, что у Хонеккера не хватает образования, что он нигде не учился и т.п.

– Но, товарищ Ульбрихт, – старался я «позолотить пилюлю», – какой университет может заменить 12 лет тесной работы с Вами в составе Политбюро? Я добавил, что Л.И. Брежнев встретил известие о снятии Хонеккера с недоумением и беспокойством.

Ульбрихт: Ну что же можно теперь сделать, ведь мы утром почти единогласно приняли свое решение. Я спросил, было ли уже передано сообщение о снятии Хонеккера в средства информации. Оказалось, к счастью, это ещё не было сделано, сообщение готовится в Центральном Комитете. Я посоветовал Ульбрихту обзвонить членов Политбюро и убедить их изменить решение. На этом и порешили»[1].

В мае 1971 года Ульбрихт в связи с болезнью попросил освободить его от поста первого секретаря. Хонеккер занял этот пост, а после смерти Ульбрихта в 1976 году стал и председателем Государственного совета ГДР.

Советский Союз оказывал постоянную экономическую поддержку ГДР. Но, хотя среди социалистических стран Германская Демократическая Республика считалась наиболее экономически развитой страной, она все годы своею существования зависела от западной части страны, закупая там значительную долю всей потребной ей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Советская помощь ГДР была значительной, но недостаточ-

1 Абрасимов П.А. Четверть века послом Советского Союза. М.: Национальное обозрение, 2007. С. 261–262.

ной для устранения всех дефицитов в ее экономике. В течение десятилетий СССР ежегодно поставлял ГДР 17-19 млн. тонн нефти. В связи с быстрым ростом цен на нефть (между 1973 г. и 1980 г. цена выросла с 2,5$ до 41$ за баррель) для восточноевропейских стран была принята льготная система оплаты, с них взималась не текущая цена, а средняя за последние четыре года. Такой порядок в условиях ежегодного роста цен приносил серьёзный выигрыш ГДР и другим социалистическим странам.

Советские поставки в ГДР составляли: по природному газу — 100% потребности, нефти – примерно 90%, по железной руде – 65%, на древесине – 100%, хлопку – почти 90%[1]. Следует признать, что на объеме и качестве поставок сырья и промышленной продукции из СССР отражались такие недостатки сверхцентрализованной советской экономической системы как бюрократизм, негибкость. Э. Хонеккер ещё в конце 80-х годов жаловался М.С. Горбачёву, что советские партнеры не всегда выполняют свои обязательства перед ГДР. Речь шла, в частности, о том, что ленинградские предприятия неожиданно отказались от уже согласованных поставок оборудования для строящихся в ГДР атомных электростанций[2].

На экономических связях сказывалось и отставание СССР от достижений мировой технической мысли. В результате, например, руководство ГДР приняло решение отказаться от закупок советской электроники и перенесло заказы на ЭВМ в США. Объявленные планы ежегодного прироста национального дохода ГДР на 4% и соответствующего подъема стандарта жизни населения не были достигнуты ни в 1970-е, ни в 1980-е гг. Буксовала и широко разрекламированная программа строительства 3-х млн. квартир до 1990 года. Председатель Совета Министров ГДР на рубеже 1989-1990 гг. Х. Мод-

1 Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. М., 1984. С. 66.
2 Сб. документов (1986–1991). Михаил Горбачёв и германский вопрос. М., 2006. С. 121 (далее – Михаил Горбачёв и германский вопрос).

ров отмечал, что, провозгласив решение жилищной проблемы, «мы сами себя загнали в угол»[1].

Немецкие товарищи, слепо копировавшие политические и экономические особенности экономики и политики «старшего брата», создали общество, лишенное соревновательности, конкурентности и привели его к стагнации. К Восточной Германии вполне были применимы предостережения немецкой мыслительницы и революционерки Розы Люксембург, которая встретила установление фактически однопартийной системы в Советской России своими «Письмами из тюрьмы». Люксембург писала: «Без всеобщих выборов, неограниченной свободы прессы и собраний, свободной борьбы мнений, жизнь во всех общественных институтах замирает, превращается в видимость жизни, в которой только бюрократия остается действующим элементом... несколько десятков партийных вождей с неистощимой энергией и безграничным идеализмом будут дирижировать и править, среди них десяток выдающихся голов будут на деле руководить, а элита трудящихся будет время от времени приглашаться на собрания, чтобы аплодировать речам вождей и единогласно принимать предложенные резолюции. В своей основе это – хозяйство клики – в любом случае, диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горсти политиков»[2].

Различие в уровне жизни в двух немецких государствах, наличие сотен тысяч разделенных семей приводили к тому, что, несмотря на принятые Восточной Германией меры, поток эмигрантов из ГДР в ФРГ никогда полностью не иссякал. Уже в 1970-е годы правительство ГДР, заинтересованное в западногерманских кредитах, вынуждено было несколько смягчить условия выезда из страны, которыми могла воспользоваться часть квалифицированных специалистов и интеллектуалов. Одновременно властями обоих германских

---

1 Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М.: Международные отношения, 2000. С. 168.

2 Engelmann B. Trotz alledem – Deutsche Radikale 1777-1977. Frankfurt – Wien – Zurich. 1978. S. 324.

государств была использована сомнительная практика выкупа за валюту арестованных в ГДР противников режима[1].

Поправки к конституции Германской Демократической Республики, принятые в 1974 году, провозгласили ГДР унитарным социалистическим государством рабочих и крестьян, сняв тем самым вопрос о германском единстве. «Немецкое государство рабочих и крестьян», согласно исправленной конституции, и было вместилищем целой нации – немецкой социалистической, в то время как немцы Федеративной Республики, согласно марксистско-ленинской мысли времен Л.И. Брежнева и Эриха Хонеккера, принадлежали к другой нации – немецкой капиталистической[2].

Властями ГДР был сделан ряд шагов по дальнейшему размежеванию с Западной Германией на организационном и символическом уровне. В 1965 году со стороны ГДР было объявлено о создании отдельной олимпийской сборной. До тех пор спортсмены ФРГ и ГДР на Олимпийских играх выступали под единым флагом. Учитывая высокий уровень развития спорта в Восточной Германии, данное решение влияло на укрепление международного престижа ГДР, выведя ее хотя бы в этом вопросе на равные позиции с ФРГ. В 1969 году был положен конец единству германской Евангелистской церкви: из нее были выведены шесть восточногерманских областных объединений, составивших Союз Евангелистских церквей ГДР (а главой Народной палаты ГДР, чтобы подчеркнуть свободу совести в «народной» Германии, был сделан глава восточногерманского ХДС Герман Гёттинг).

18 января 1956 г. Народная палата приняла закон о создании (на добровольной основе) Национальной народной армии ГДР (ННА), образованной из ранее существовавшей «казарменной народной полиции». Этой структуре, помимо фактических функций полицейского резерва СЕПГ, было естественным образом уготована роль одного из субъектов организации Варшавского договора. На идее нейтральный Германии был поставлен крест.

---

1 Кузьмин И.Н. Поражение: крушение ГДР и объединение Германии. М., 2003. С. 20.

2 Инициаторами и пропагандистами этой идеи были: в Москве – заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов, а в ГДР – академик Юрген Кучинский.

В течение первых двух десятилетий существования ФРГ боннские правящие круги обосновывали «правомерность своего особого, специфического курса в отношении ГДР» ссылками на юридические источники, в том числе на Основной закон, а также на подписанный в 1952 г. (и вступивший в силу в 1954 г.) «Германский договор», именовавшийся также «Общим» или «Договором об отношениях между ФРГ и тремя [западными] державами», в котором вопрос об окончательном установлении границ Германии откладывался до заключения мирного договора[1].

До 1972 года германские государства не признавали друг друга. Однако такая постановка вопроса имела различные наполнения. ГДР, как и весь социалистический лагерь, не имела четких планов будущего разрешения противоречий с «капиталистическим миром». Идеологически сознательные восточные немцы могли питать лишь смутные надежды на перемены политической системы в ФРГ. Само высказывание суждений о сроках и путях мирового торжества социализма не считалось корректным в постоянно испытывавших «временные трудности» странах советского блока.

Западногерманские идеологи сформулировали так называемую «теорию магнита». Смысл её заключался в том, что повышение благосостояния в ФРГ, демократические свободы, социальная сфера и т.д. – всё это должно притягивать ГДР и её граждан как магнитом и привести в итоге к слиянию или поглощению сильным более слабого. «Министерство по внутригерманским отношениям, – пишет Н.В. Павлов, – вело массированную пропагандистскую работу против ГДР»[2].

Руководители ГДР испытывали постоянный страх перед идеологическим и психологическим наступлением Запада, перед его воздействием на население. Большие технические и финансовые ресурсы были затрачены на то, чтобы отгородиться от ФРГ, не дать прессе и телевизионным и радиоматериалам проникнуть на территорию ГДР. Каждый государственный служа-

1 Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. М.: Высшая школа, 2001. С. 93.
2 Там же. С. 92-93.

щий подписывал обязательства не слушать западные передачи и не смотреть западные телевизионные программы (в отелях по всей стране телевизионные приемники были переделаны, были удалены кнопки, позволяющие получать любые программы, кроме двух гедеэровских); ввоз и распространение западногерманских газет и журналов (включая и либеральные «Spiegel», «Frankfuter Rundschau» и «Süddeutsche Zeitung») были запрещены. Всё это показывало, что, несмотря на бодрые речи о верности марксизма и о совершенстве советского опыта, на деле лидеры республики к концу ее существования сами были в душе пораженцами, не верившими в превосходство и состоятельность своей идеологии и её пропагандистского обеспечения.

Выводы по 1 главе

Для периода догосударственного развития оккупированной Германии характерно дистанцирование держав-победительниц друг от друга, и начало политической борьбы за привлечение обеих частей Германии на свою сторону. К лету 1948 года Германия стала центральным полем «холодной войны». Опасные для мира в Европе осложнения в Германии послужили толчком к созданию НАТО. Образование двух немецких государств в сентябре-октябре 1949 года закрепляло на неопределённый срок раскол страны.

На протяжении первого десятилетия после окончания войны оба германских государства не имели собственной, самостоятельной внешней политики, но в конце этого периода оба государства приобрели суверенитет и были включены в военно-политические блоки.

Переломом во внешнеполитической ситуации явилась начатая по инициативе руководителя СДПГ В. Брандта и лидера Свободной демократической партии В. Шееля «новая восточная политика». Фактически она стала началом пути к объединению Германии.

Международные отношения в Европе были осложнялись действиями Советского Союза. Однако именно ФРГ не приняла участия в жестких нападках политиков и прессы Запада на Советский Союз. Некоторые же дейст-

вия ФРГ и, в частности, инициатива в деле размещения американских атомных ракет в Западной Европе также осложнили отношения Советского Союза как с ФРГ, так и с США. Тем не менее условия для переговоров СССР и ФРГ сохранялись.

Глава 2.
Международные условия и факторы объединения Германии

«Перестройка» в СССР стала важнейшим событием, открывшим путь к решению «германского вопроса». Переговоры по объединению Германии стали одним из центральных моментов провозглашённого в СССР «нового политического мышления». В ходе переговоров Москвы и Бонна интересы ГДР оказались незащищенными, за рамками переговоров остались страны-члены Варшавского договора. Проявилось и различное отношение европейских держав и США к решению немецкой проблемы. Союзники ФРГ по НАТО и ключевые державы Западной Европы – Великобритания, Франция и Италия, выступая официально в пользу объединения Германии, в действительности часто тормозили его.

Появление в Центральной Европе 80-миллионного государства с мощным промышленным потенциалом пугало многих, прежде всего, соседей Германии. США, в сознании своей превосходящей силы и отделённые от Европы океаном, поддержали ФРГ в её переговорах с Советским Союзом и выдавали советским руководителям привлекательные векселя, по которым они не собирались (как выяснилось позднее) платить.

На процесс объединения влияла и ситуация в ГДР, где назревало и вырвалось наружу массовое недовольство кризисом снабжения, дефицитом гражданских свобод, закрытостью границ, нетерпимостью политического руководства ГДР к процессу «перестройки» в СССР. Процесс объединения Германии строился под воздействием указанных детерминантов.

2.1. Влияние перестройки в СССР на решение германского вопроса

Вскоре после вступления в должность Генерального секретаря КПСС 54-летнего М.С. Горбачёва стало очевидным, что в центре внимания нового лидера находятся внешнеполитические вопросы. Это не было случайным и имело, по мнению автора данной работы, ряд причин.

Во-первых, он получил во внешнеполитической сфере от своих предшественников непростое наследство. Страна вот уже больше 5 лет вела вязкую, явно не имевшую быстрых победных решений войну в Афганистане.

Во-вторых, не оценив вовремя решимость западной стороны найти адекватный ответ на размещение Советским Союзом модернизированных атомных ракет на своей европейской территории, Кремль с 1983 года получил «под боком» (в Германии и других государствах НАТО) 561 ракету с критически коротким временем подлёта к цели (примерно 7 минут) и с радиусом действия, позволяющим поразить цели почти на всей территории СССР до Урала.

В-третьих, воинственный американский президент Р. Рейган вскоре после смерти Л.И. Брежнева сообщил о намерении перенести гонку вооружений в космос. При этом необходимо учесть, что для ответа на эту новую угрозу требовались не только огромные финансовые затраты. Опасность нового витка в гонке вооружений для Советского Союза состояла ещё и в явно обозначившемся техническом отставании советской стороны. Так, для эффективного использования проектируемой космической системы требовались компьютеры нового поколения, которых СССР не имел. В более общем плане можно сказать, что в случае реализации планируемая в США космическая военная система подрывала принципиальные основы стратегического равновесия, основанного на гарантированной возможности ответного удара.

Всё это происходило на фоне явного истощения финансов и экономики в целом и казалось, что угроза Р. Рейгана «довооружать Россию до самой смерти» (т.е. полностью истощить СССР в гонке вооружений) не является пустым звуком. Это было ясно как экспертам в советских научных кругах, так и части руководящей элиты, получавшей, по заведенному обычаю, более детальную и правдивую информацию, чем широкая публика.

Серьёзные перемены в развитии страны и ее политики были неизбежны Приход на первый пост в государстве человека, не связанного, в отличие от предыдущего эшелона вождей, с ошибками экономического и политического

характера прошлого, открывало перед М. С. Горбачёвым новые возможности, которыми он и воспользовался.

И в выступлениях нового руководителя в 1985–86 гг. постепенно вырисовывается новый проект взаимоотношений Востока и Запада, объединенный и с планами серьёзных перемен внутри страны. «Перестройка», «гласность», «новое политическое мышление», «разумная достаточность вооружений» – все эти понятия быстро завоевывали внимание во всем мире; было также ясно, что речь идет не только о словах и намерениях, но и в практической сфере многое начало меняться[1].

Приход к власти М.С. Горбачёва в первый год его правления никак не отразился ни на эволюции «германского вопроса», ни на отношениях с ФРГ. Более того, можно считать, что в 1985–1986 гг. эти отношения оставались весьма прохладными. Этому способствовала и определенная зацикленность «внука Аденауэра» канцлера Г. Коля, который не сумел понять нового человека в Кремле и в своем интервью журналу «Ньюсуик» в октябре 1986 года даже сообщил, что выступления М.С. Горбачёва напоминают ему речи Геббельса[2]. Этот выпад трудно адекватно оценить и понять, ибо к этому моменту уже состоялись важные двусторонние контакты.

На взгляд автора данной работы, А.А. Галкин и А.С. Черняев в своем предисловии к сборнику документов «Михаил Горбачёв и германский вопрос» правы, когда обращают внимание на психологическую сторону проблемы, на существование в стране определенного «антигерманского синдрома». Этот фактор заставлял политиков действовать постепенно. На осторожный, неспешный подход Горбачёва к германским делам в первый период оказало влияние ещё одно соображение, о котором сам Генеральный секре-

---

1 Основные идеи М. С. Горбачёва изложены в его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (М., 1987), а также в работе бывшего помощника генсека А.С. Черняева «Был ли у России шанс? Он – последний» (М., 2003).

2 См.: Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сб. документов. 1986–1991 гг. М., 2006. С. 652. Не только в правом, но и в левом секторе общественно-политической жизни ФРГ перемены в СССР не были по достоинству оценены, что побудило В. Брандта высказаться по поводу людей, «лишенных политического инстинкта».

тарь упомянул на заседании Политбюро ЦК КПСС 27 марта 1986 г. Рассуждая о «линии на ограничение политического диалога с Колем», Горбачёв объясняет ее целесообразность стремлением сдерживать и ГДР, которая под давлением экономических трудностей может «броситься в объятия Западной Германии»[1]. В этом же выступлении можно отметить и опасения Генерального секретаря, что если «круто» повернуть в сторону ХДС, то можно повредить отношениям Москвы с социал-демократами[2].

В 1985-1986 гг., да и в 1987 году ещё никто из видных политиков не ставит вопрос об объединении Германии. Выступая в церкви святого Николая в Потсдаме в конце октября 1986 года, Г. Шмидт призвал «учиться жить в условиях разделения. Никто не знает, как долго оно продлится[3].

В Москве этот вопрос на официальном уровне в это время тоже ещё не ставится. Что касается научного сообщества, то здесь пальму первенства заслуживает проф. В.И. Дашичев. Приглашенный выступить в ноябре 1987 года в МИДе СССР, он утверждал, что ГДР уже проиграла по всем статьям в соревновании с ФРГ, что можно ожидать только дальнейшей дискредитации режима, существующего в Восточной Германии. И дальше: «Разделение Германии, дальнейшее существование двух немецких государств, я оцениваю как опасное и вредное для интересов Советского Союза... Раскол является барьером на пути устранения конфронтации Востока и Запада». В.И. Дашичев высказал также мысль, что при определенных обстоятельствах раскол Германии может создать опасность и для перестройки[4].

Если говорить о властном или официальном уровне, то необходимо вспомнить, что в названные годы Горбачёв и его сотрудники были заняты очень важными и интенсивными переговорами по кардинальным вопросам безопасности и сохранения мира с президентом Р. Рейганом, а позднее с его

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. XV.
2 Там же. С. 7.
3 Schmidt H. Religion in der Verantwortung. Gefährdungen des Friedens im Zeitalter der Globalisierung. Berlin, 2015. S.112.
4 https://inecon.org/docs/Dashichev_book_NH_2015.pdf

преемником Дж. Бушем. В документах международных переговоров 1985–1986 гг. обсуждение «германского вопроса» всё ещё отсутствует.

Известный западногерманский советолог Борис Мейсснер писал: «Гласность и перестройка и новое мышление первоначально применялись лишь к внутренним проблемам. Во внешнеполитическом плане все оставалось по-старому»[1]. Это не совсем так. В подходе Горбачёва к международным делам в первые годы его пребывания у власти преобладают глобальные, обширные проекты и, если не считать переговоров с США об ограничении атомных вооружений, речь пока не идет о попытках решения какой-то конкретной проблемы. Он выступает с предложениями о создании «общеевропейского дома», сокращении вооружений всех стран до уровня «разумной достаточности», говорит о своей приверженности миру и разрядке, о том, что мирное сосуществование – закон развития, а не тактика. Но ни в одном из публичных выступлений первых лет своего руководства Советским Союзом Горбачёв ещё не затрагивает «германский вопрос» как важный вопрос мировой политики. Нельзя вместе с тем исключить, что в его размышлениях о ситуации в мире германский вопрос присутствовал, но возможно, в качестве составной части мирового порядка, к созданию которого генсек стремился. Как пишут авторы предисловия к упомянутому сборнику документов («Михаил Горбачёв и германский вопрос»), вопрос воссоединения Германии «практически не ставился»[2].

Послевоенная история развивалась так, что разделенная Германия была в большей степени не субъектом, а объектом мировой политики. Поэтому необходим был и какой-то значительный внешний толчок, чтобы создание единого германскою государства стало действительностью. Таким толчком стала перестройка» в Советском Союзе и провозглашенное М. С. Горбачёвым «новое политическое мышление».

---

1 Meissner B. Das neue Denken Gorbatschows und die Wende in der sowjetischen Deutschlandpolitik.— Jn: Die Deutschen und die Architektur des Europαischen Hauses. Köln, 1990. S. 53.
2 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. XIV.

Перед новым руководителем СССР в германской проблеме таились огромные трудности. Он наверняка понимал, что если дело дойдет до объединения двух стран, так называемый «социалистический лагерь» потеряет свое центральное звено. Кроме того, «холодная война» не кончилась в день прихода к власти нового Генерального секретаря. Между тем, слияние двух германских государств означало для Советского Союза и возглавляемого им военно-политического объединения потерю важнейших стратегических позиций, уход Советской армии и вывод советского вооружения на Родину. Совершенно очевидно, что эвакуация более двух десятков советских дивизий с тысячами танков и другим оружием нарушит сложившееся соотношение сил между двумя блоками. Естественно, что сопротивление военных (и не только военных) кругов внутри СССР и руководящих элит ГДР и других стран социалистического «лагеря» каким-либо шагам, направленным па объединение Германии, было достаточно сильным. Да и у самого лидера Советского Союза решение начать действия в германском вопросе также созрело не сразу.

По всей видимости в то время существование двух немецких государств, по представлению советского лидера, не должно было влиять на архитектуру «европейского дома». «То, что было сформировано историей, лучше всего оставить течению истории. Это относится и к вопросу о немецкой нации и к формам немецкого единства»,— говорил М.С. Горбачёв[1].

Вместе с тем документы, опубликованные в этом сборнике документов, показывают, что с 1986 г. происходили и нарастали контакты с политиками обоих немецких государств, позволявшие советскому лидеру накапливать информацию и вырабатывать линию и в немецком вопросе, и в характере возможных отношений с ГДР и с социалистическими странами в целом.

Летом 1985 года Горбачёв принял в Москве двух видных политиков Федеративной республики. 25 июня на приеме у советского лидера был премьер-министр самой экономически сильной земли ФРГ Северный Рейн —

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. XV.

Вестфалия Йозеф Рау (в 1999–2004 гг. – президент ФРГ)[1]. Это была, по существу, межпартийная встреча лидера КПСС и одного из лидеров СДПГ. Можно отметить доверительный, дружеский тон беседы. Обсуждались важные вопросы мировой политики, отношения Восток-Запад, межпартийных связей КПСС и СДПГ, мирного использования атомной энергии. Как представляется, именно в ходе этой встречи произошел эпизод, который свидетельствовал о нараставшем доверии между политиками двух стран: участник беседы Эгон Бар, один из ведущих немецких социал-демократов, посоветовал своим московским собеседникам иногда и покритиковать СДПГ, дабы не вызывать подозрений в излишней близости двух партий[2]. Что касается первой встречи М.С. Горбачёва с Г.-Д. Геншером, состоявшейся месяц спустя, то подробной записи беседы не было опубликовано. Но в коротком коммюнике, опубликованном в «Правде», сказано, что визит заместителя канцлера и министра иностранных дел ФРГ «выходит за обычные рамки»[3]. Через день после визита, на заседании Политбюро ЦК КПСС советский посол в Бонне Ю.А. Квицинский отметил, что контакты с Геншером позволяют поддержать левое крыло в правительстве. Из высказывания Горбачёва о встрече с Рау можно сделать вывод, что немцы готовы отказаться от соблюдения КОКОМ, соглашения западных держав, ограничивающего поставки с СССР современной техники.

В ФРГ далеко не вся политическая элита сумела оценить значение перемен в Советском Союзе и понять открывающиеся новые возможности для решения германской проблемы. Одно из исключений составлял Вилли Брандт, высказывавшийся уже в 1985 году в том смысле, что только люди, лишенные политического инстинкта, не могут оценить перемены в Москве.

К концу 1985 г. и канцлер Коль высказывался в том смысле, что новая дипломатия Москвы полезна и для нормализации германо-германских отно-

---

1 В начале беседы М.С. Горбачёв напоминает о встрече с Й. Рау в сентябре 1985 г. и о «недавней встрече» с Э. Баром («Михаил Горбачёв и германский вопрос». С. 7), но автор данной работы не нашел документальных следов этих встреч.

2 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 19.

3 Там же. С. 16.

шений. Согласно донесению советского посольства в Бонне в 3-й Европейский отдел МИД СССР, «правительство ФРГ исходит из того, что женевские встречи, начало нового диалога между СССР и США открывают возможность для "бесперебойного и более интенсивного развития отношений между ФРГ и ГДР (Коль выступил в бундестаге 26.11.). Канцлер неоднократно заявлял, что "германо-германские отношения" должны получить положительный импульс, поскольку "большая вода увлекает за собой малые потоки". В Бонне оживились разговоры о возможном визите в ФРГ Э. Хонеккера, высказывалось мнение, что Женева устранила все препятствия с пути визита и теперь он может, мол, состояться в ближайшем будущем».[1]

Однако можно утверждать, что никто не ожидал столь быстрого развития событий. Бывший министр иностранных дел и экс-президент Федеративной Республики Вальтер Шеель писал в 1986 году: «Немцы не рассчитывают в ближайшее время на воссоединение Германии, они надеются на то, что это произойдет в рамках нового, мирного европейского порядка с открытыми границами и уважением прав человека... Нельзя рассчитывать, что ГДР и восточноевропейцы переймут нашу систему ценностей и откажутся от своей»[2]. Другими словами, один из главных архитекторов «новой восточной политики» видит объединение Германии ещё далеко за горизонтом.

Представляют интерес и контакты и переговоры Кремля с руководителями ГДР примерно в тот же период. В Москве отмечали не просто сдержанное, но и негативное отношение руководства ГДР как к внутренним, так и к внешним аспектам перестройки. На заседании Политбюро в январе 1987 г. отмечалось, что немецкие товарищи отказались от лозунга «учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать»; что в Восточном Берлине советскую внутреннюю политику и, в частности, развитие самоуправления ставят на одну доску с политикой «югославских ревизионистов», там недовольны и решением о возвращении А.Д. Сахарова из ссылки. Как отмечал М.С. Горба-

1 АВП РФ. Ф. 757. Оп. 30. Д. 19. П. 170. Л. 8.
2 Цит. по: Stern T. Указ. соч. S. 559.

чёв, «отход от нас есть и у Хонеккера, и у Кадара, и у Живкова». Горбачёв объяснял это тем, что «у нас в экономике не получилось. Технику и технологию на современном уровне мы им не могли давать, и они залезли в долги к Западу». Генсек призывал, однако, не драматизировать проблему, не упрощать ее, не обострять, работать в дружеском ключе.

Однако противоречия накапливались и во внешнеполитической сфере, прежде всего, в немецко-немецких отношениях. И новое руководство СССР хотело держать своих союзников под неусыпным контролем. Ещё в 1984 году была жестко пресечена намечавшаяся поездка Хонеккера в ФРГ. В поисках достоверного предлога для отказа лидера ГДР от уже согласованной с Бонном поездки, Хонеккер был поставлен в трудное положение. В записях Черняева об указаниях М.С. Горбачёва советскому МИДу есть характерные для настроений советского руководителя слова: «Не отдавать ФРГ Хонеккеру!». Шеварднадзе поручалось съездить в Федеративную Республику[1].

1987 и 1988 годы стали временем интенсивных контактов между политиками ФРГ и Советского Союза. В июле 1987 года в Москве состоялась большая беседа М.С. Горбачёва с президентом ФРГ Р. фон Вайцзеккером (с участием министра иностранных дел Г.-Д. Геншера). Производит впечатление атмосфера этой встречи. Накануне немецкие гости почтили могилу Неизвестного солдата. Вайцзеккер вспомнил об этом в начале беседы; он напомнил и о том, что во время войны состоял в частях вермахта под Ленинградом. Он говорил о кровопролитной войне на территории Советского Союза, о страданиях, которые немцы принесли русским. «Мысль о долге и ответственности, – сказал Вайцзеккер, – в этой связи меня никогда не оставляет». Он упомянул о необходимости преодолевать отчуждение с помощью нового мышления. Он особо поблагодарил Горбачёва за введение в политический лексикон свежего понятия «общий европейский дом» и сообщил, что русское слово «перестройка» вошло в обиход в Федеративной Республике. Можно отметить, что собеседники даже соревновались в выражении согласия друг с

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 31.

другом (включая оценку трех «корзин» Хельсинки и т.п.). Это было началом создания новой атмосферы в отношениях двух стран. Вместе с тем, необходимо здесь отметить, что советский лидер подчеркнул реальность и незыблемость существования двух немецких государств. Немецкий вопрос как вопрос о восстановлении единой Германии в ходе встречи с Вайцзеккером не возникал. Горбачёв объяснил своему гостю, что «решение немецких проблем принадлежит истории[1]. И даже более чем год спустя, во время первой встречи с канцлером Г. Колем, он высказал не слишком оптимистичное предположение, что, возможно, следующее столетие принесет объединение Германии. В эти месяцы сам Г. Коль, по мнению светских лидеров, ещё должен был «дозревать», и контакты пока происходили с его коллегами и оппонентами.

За два дня до нового 1988 года М.С. Горбачёв принял в Москве видного западногерманского политика, лидера Баварии и баварского филиала христианских демократов – Христианско-социального союза, Ф.-Й. Штрауса. Без сомнения, эта встреча была знаковым событием для развития советско-западногерманских отношений, ибо многие десятилетия этот без сомнения способный, хорошо проинформированный и образованный политик олицетворял в парламенте и средствах массовой информации наиболее жесткую, бескомпромиссно негативную линию в отношении СССР[2]. Встреча с Горбачёвым была отмечена констатацией совпадения взглядов на важные европейские проблемы, вопросы недопущения новой войны и сокращения вооружений.

Оба собеседника согласились с необходимостью исключить из отношений двух стран враждебность, ибо в случае военного конфликта с появлением ядерного оружия как инструмента ведения войны, никаких надежд на выживание не останется (Штраус), только будущее покажет, какая социально-экономическая система лучше, кто прав, а кто заблуждается (Горбачёв). Штраус примирительно заявил, что история все расставит по своим местам.

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 31.

2 Такое представление было лишь однажды поколеблено в начале 80-х годов, во время встречи Ф.Й. Штрауса с Л.И. Брежневым в ФРГ.

Указав на преимущество ОВД перед НАТО по танкам, а НАТО перед ОВД – по фронтовой авиации, по боевым вертолетам и по артиллерии, Горбачёв предложил подумать о создании широкого [демилитаризованного (К.Б.)] коридора на линии соприкосновения двух блоков. Несмотря на дружеский характер беседы, Горбачёв не упустил случая предостеречь от рассуждений в ФРГ «в том числе и господина Штрауса» о «границах 1937 года», о «восточных землях» и о «нерешенности германского вопроса». По «германскому вопросу», Ф.Й. Штраус сделал интересное заявление: «Мы не форсируем вопрос о воссоединении Германии, могут пройти и десять, и пятьдесят, и сто лет».

Уместно здесь напомнить, что политико-психологическая обстановка в Западной Германии в середине 80-х годов была осложнена выступлением группы известных в стране интеллектуалов, историков и политологов. В этой группе можно было обнаружить имена Эрнста Нольте, Андреаса Хильгрубера, Клауса Хильдебранда и близкого к Г. Колю проф. Михаэля Штюрмера.

Конкретно речь шла:

–о месте национал-социализма в немецкой и европейской истории, об оценке его массовых преступлений и о его истребительной войне;

– о якобы утере немцами стабильного исторического сознания» и о попытке консервативных историков и публицистов пробудить у населения ФРГ чувство национальной идентичности;

– по мнению проф. Х.У. Велера, речь шла также «об авантюрной попытке обелить безграничные преступления нацизма с помощью вводящих в заблуждение сравнений»[1].

По сути группа влиятельных ученых стремилась подвергнуть ревизии всю послевоенную западногерманскую историографию. Многие серьёзные, основанные на солидных источниках труды историков, писавших после 1945 года и осуждавших нацизм, предлагалось пересмотреть. Названные историки выдвигали идею, что в Европе с 1917 года идет гражданская война; где

1 См.: Wehler H. U. Entsorgung der Vergangenheit. München, 1988. S. 7.

большевики с одной стороны и нацисты – с другой, являются главными ее участниками. Эрнст Нольте пошёл ещё дальше и утверждал, что гитлеризм в Германии был ни чем иным, как ответом на Октябрьскую революцию в России[1]. Проф. М. Штюрмер, советник канцлера Коля по внешнеполитическим вопросам, призывал покончить с покаяниями и «выйти из-под сени Освенцима». Нольте писал также, что коммунисты в России убивали на почве классовой ненависти, а гитлеровцы – на почве расовой ненависти, и в этом вся разница. Стремление доказать, что нацизм был не преступным, из ряда вон выходящим периодом в развитии одной страны, а лишь повторял то, что делали и другие было одним из основных утверждений группы «ревизионистов» истории.

Такие выступления вызвали волну протестов и поток работ, аргументированно отвергающих их доводы. С книгами и статьями выступили профессора Г.Х. Моммзен, Х.У. Велер, У. Краузе-Шмитт, Р. Кюнль и другие ученые из Федеративной Германии, К. Петцольд и К. Госвайлер из ГДР. Международная Федерация борцов Сопротивления (FJR). организовала международный научный симпозиум в Вене, пригласив ученых из 12 стран Европы, в том числе из СССР, ФРГ, ГДР, Франции, Италии, Польши, Австрии, Португалии, для обсуждения вопросов, связанных со «спором историков». Материалы симпозиума были опубликованы[2].

Из записей бесед М.С. Горбачёва с западногерманскими политиками видно, что и через почти три года после его прихода к власти «германский вопрос» все ещё находится «за скобками» советско-западногерманских отношений. В первой половине 1988 года Горбачёв имел встречи с вице-председателем ХДС, премьер-министром земли Баден-Вюртемберг Лотаром Шнэтом, председателем Свободной Демократической партии, министром экономики Мартином Бангеманом, председателем Социал-демократической

---

1 «Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus». Berlin, 1987. 616 S.

2 См.: «Faschismus – Krieg – Widerstand». Wien, FJR, 1988. S. 280.

партии Германии и лидером фракции СДПГ в бундестаге Хансом-Йоханом Фогелем.

Особое значение имела беседа М.С. Горбачёва с вице-канцлером и министром иностранных дел Г.-Д. Геншером 30 июля 1988 г. Беседа, запись которой хранится в Архиве Горбачёв-Фонда, свидетельствует о полном единодушии собеседников по всем обсуждаемым вопросам.

В этот период (1987–1988 гг.) можно отметить определенное сотрудничество между двумя ведущими партиями ФРГ в борьбе за преимущественные отношения с руководством Советского Союза. Представляют интерес беседы Э. Бара с В.М. Фалиным в феврале 1987 года. Немецкий собеседник спрашивает о приоритетах советской стороны в ее германской политике. Он выдвигает возможный вариант советской линии в отношении ФРГ. Если, – говорит Бар, – советское руководство полагает, что задачу стабилизации и оздоровления оно лучше решит «без ФРГ или в сотрудничестве с правительством Г. Коля, социал-демократы примут это к сведению как факт». Посланец СДПГ добавляет, что В. Брандт и его коллеги «не склонны высоко оценивать ни потенциал доброй воли ХДС/ХСС, ни возможности Г.-Д. Геншера». К этому пассажу Э. Бар добавил, что в ближайшие два года Бонн будет послушно следовать за Вашингтоном. Прозвучала и ещё более прозрачная идея руководства СДПГ: если в Советском Союзе больше доверяют СДПГ, то Бар хотел бы определить, как могли бы выглядеть стратегия и тактика сторон (то есть СДПГ и КПСС), «рассчитанные на возвращение социал-демократов к власти к началу 90-х годов»[1].

Э. Бар предлагал принять направлявшегося в Москву президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера только после получения официального письма Г. Коля с его извинениями в связи с инцидентом (речь идет о сравнении М.С. Горбачёва с Геббельсом). Но от Коля неожиданно был получен ещё более важный сигнал — он просил передать Хонеккеру (конечно, для передачи М.С. Горба-

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 34.

чёву), что выступает за «двойное нулевое» решение по ракетам средней и малой дальности, т.е. и за отвод американских ракет с территории ФРГ.

Как мы уже видели, недостатка в визитах политиков первого ранга в Москву не было. Одним из важнейших событий на пути к решению «германского вопроса» был первый официальный визит в Москву канцлера Г. Коля и его беседа 24 октября 1988 г. с М.С. Горбачёвым. В сборнике документов есть два текста, относящихся к этому событию[1]. Первый из документов несколько разочаровывает, ибо дискуссия между двумя лидерами уступает по глубине высказанных идей и даже по форме почти всем упомянутым здесь встречам М.С. Горбачёва с западногерманскими деятелями. Вначале речь идет о психологических моментах отношений двух стран, при этом немецкий гость упомянул в одном ряду ущерб, нанесенный друг другу обоими народами. Это звучит так: «Ужасно то, что немцы причинили народам Советского Союза. Ужасно и то, что немцам пришлось испытать в конце войны». Трудно безоговорочно принять это сравнение. Когда Коль говорит о единстве нации, он «имеет в виду, – по его словам, – шанс, который может открыться через несколько поколений», т.е. основной вопрос, затрагивающий интересы обеих стран, пока ещё выносится за скобки.

Из практических сфер, по которым уже возможно сближение, Г. Коль называет три: сотрудничество в сфере охраны окружающей среды (включая проблему безопасности АЭС), возможность пересмотра ограничительных списков КОКОМ, и обсуждение более совершенных форм «вовлечения Западного Берлина в сферы двустороннего сотрудничества». Советский руководитель явно хочет идти дальше, говорит, что «самый трудный период остался позади», что создаются предпосылки для выхода на новый уровень отношений. Его собеседник более осторожен и сдержан. Создается впечатление, что публикация содержания беседы серьёзно урезана. Ведь авторы предисловия к сборнику документов пишут, что 28 октября 1988 г. «состоялся

---

1 См.: Беседа М.С. Горбачёва с Г. Колем 24 октября 1988 года. (Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 131–134); Докладная записка А.С. Черняева о реакции Западной Европы на визит Г. Коля в Москву. 28 октября 1988 года // Там же. С. 135–137.

переломный доверительный разговор, свободный от враждебности, идеологической перестрелки, двоемыслия и лукавства. Оба участника беседы позднее констатировали, что это был честный и откровенный разговор, отличавшийся реалистическими походами, ответственностью и оптимизмом, чувством перспективы»[1].

Возможно, так и было, но опубликованный в сборнике документ не дает полного представления о всех позитивных аспектах переговоров. Поскольку А.С. Черняев и Х. Тельчик (заместитель руководителя ведомства Федерального канцлера, советник Г. Коля по внешней политике) присутствовали на беседе, автор обратился к дневниковой записи Черняева за 28 октября 1988 г. «Был Коль... – пишет Черняев А.С. – И вот, когда наблюдаешь это стремление «на высшем уровне» говорить как человек с человеком (с обеих сторон), то физически ощущаешь, что мы уже вступаем в новый мир, в котором не классовая борьба и не идеология и вообще не противоположности и враждебность определяют, а действительно что-то общечеловеческое»[2]. Любопытно замечание помощника генерального секретаря, что и у Горбачёва ещё срабатывают старые клише. Когда после беседы с М.С. Горбачёвым, во время обеда, Г. Коль произнес речь, в которой говорил о единой Германии и о Берлине, Михаил Сергеевич «советовался, как врезать канцлеру при начале переговоров в делегациях». «Шеф даже заставил меня и Фалина написать «страничку», чтобы не забыть всей остроты того, что хотел сказать». Смысл сказанного здесь состоит в том, что и в конце 1988 г. решительного перелома в отношениях двух государств, в том числе и по важнейшему «немецкому вопросу» ещё не произошло.

В начале ноября в дневнике А.С. Черняева появляется любопытная запись: «В ГДР мы имеем мощную ударную группировку, танковую. Плюс

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. XVI.
2 Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008. С. 769.

понтонные средства. Когда это над ними нависает, как они могут поверить в оборонительность нашей доктрины?!»[1]

Другой интересный документ – докладная записка А.С. Черняева о реакции Западной Европы на визит Г. Коля в Москву 28 октября 1988 г. Речь идет о тревоге «в некоторых кругах на Западе, особенно во Франции, что Коль может изменить политику ФРГ и начать «крен» с французского Запада на советский Восток». Из текста записки также ясно, что окружение Горбачёва озабочено реакцией Э. Хонеккера на встречу двух лидеров.

Советник Горбачёва Г.Х. Шахназаров выступил с инициативой передать Э. Хонеккеру запись беседы с Колем. И в этой связи представляет интерес позиция помощника президента А.С. Черняева: «не надо этого делать. Хонеккеру не все следует знать, и не только о содержании бесед, но особенно об атмосфере переговоров. Помимо этого, из подобной информации лидер ГДР может сделать вывод – «и я теперь могу идти куда смелее» (в отношениях с ФРГ. – К.Б.)[2]. Такой же была и позиция советского посла в ФРГ Ю.А. Квицинского.

Подлинные перемены в советско-западногерманских отношениях связаны с визитом М.С. Горбачева в ФРГ в начале июня 1989 года[3] (в сопровождении Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева, вице-премьера И.С. Силаева, А.С. Черняева; во встречах с деятелями ФРГ участвовал Ю.А. Квицинский). Похоже, что и сам Горбачёв придавал решающее значение состоявшимся в Бонне переговорам и согласованным документам. Важную роль сыграли и встречи с другими ведущими политиками страны – с президентом Р. фон Вайцзеккером, министром иностранных дел Г.Д. Геншером, премьер-министром земли Баден-Вюртемберг, Л. Шпэтом, с представителями делового мира. В ходе визита состоялись также встречи с учеными; журналистами и другими представителями российской и западногерманской общественности.

---

1 Черняев А.С. Указ. соч. С. 771.
2 Там же. С. 772.
3 Представленные далее выдержки из документов, относящиеся к переговорам М. С. Горбачёва в ФРГ — см.: «Михаил Горбачёв и германский вопрос». С. 152–203.

Здесь действительно участники переговоров, уже знавшие друг друга по встречам в Москве, разговаривали с максимальной открытостью. Коль говорил, что продолжающийся раскол страны «мы воспринимаем как открытую рану». Насущным желанием народов канцлер назвал стремление путем взаимопонимания и примирения залечить раны прошлого и построить лучшее будущее. Горбачёв трижды встречался с Колем «один на один». Коль призвал укреплять доверие, так как оно является залогом того, что «если не сегодня, то завтра удастся решить вопросы, которые до сих пор считались неразрешимыми». Советский лидер заявил, что «мы подводим черту под послевоенным периодом» и что «появилась возможность сделать ещё один важнейший шаг навстречу друг другу». Канцлер отметил, что мир пришел в движение и «не в последнюю очередь благодаря перестройке в Советском Союзе». Советский президент подчеркнул, что решающее воздействие на обстановку в мире оказывают советско-американские отношения, но на европейском континенте «ключевую роль играют отношения СССР и ФРГ». В этом разговоре Коль пожаловался на позицию Э. Хонеккера, который «не проявляет склонности к каким-либо изменениям или реформам и тем самым сам дестабилизирует обстановку». Осторожный канцлер подчеркнул, что он не собирается что-либо делать, чтобы дестабилизировать обстановку в ГДР. Он, Коль, как и генеральный секретарь «имеют одну и ту же цель — не допустить третью мировую войну».

Для немцев очень важным был вопрос о включении Западного Берлина во все советско-западногерманские соглашения. Этот вопрос был решен в ходе визита Горбачёва. Были поставлены и другие проблемы, в частности, о «выделении автономной административной единицы» для немцев, живущих в СССР и в начале войны выселенных на Восток.

Р. фон Вайцзеккер в беседе с советским президентом подчеркнул, что сотрудничество двух стран имеет решающее значение для судеб Европы, что это сотрудничество осуществляется «с учетом союзов, в которые мы и вы соответственно входим». В его выступлении был один немаловажный нюанс —

президент ФРГ как бы брал обязательство в рамках НАТО воздействовать на других членов организации в духе примирения с СССР. В заключительной беседе М.С. Горбачёва с Р. фон Вайцзеккером прозвучал ещё один немаловажный аспект в отношениях двух стран. Президент ФРГ сообщил собеседнику о серьёзных переменах в сознании западных немцев, освободившихся в последнее время «от страха перед русскими, от страха перед войной», о том, что перечеркнут создававшийся десятилетиями «образ врага».

Иногда собеседники критически оценивали политические шаги другой стороны. Горбачёв упрекнул Коля в довольно резкой форме за его подпись под натовским документом, где подтверждается политика устрашения с опорой на ядерное оружие, допускается применение ядерного оружия. «Если говорить откровенно, – сказал советский лидер, – то это пещерная политика, «от нее веет сыростью, затхлостью и холодом». Коль не остался в долгу и пожаловался гостю на неурегулированность некоторых аспектов положения Западного Берлина, «мешающих подключить его к сотрудничеству двух стран». Представляет интерес высказанный советским руководителем подход к судьбе берлинской стены. На завершающей пресс-конференции 15 июня 1989 г. один из журналистов спросил: «Считаете ли Вы, что общеевропейский дом, к которому Вы стремитесь, возможен, пока берлинская стена существует?» Горбачёв дал следующий ответ: «...Ничего нет вечного под Луной. Будем надеяться, что мы на правильном пути. Стена появилась в конкретной ситуации, и продиктовано это было не каким-то злым умыслом. ГДР законно решила тогда использовать свои суверенные права. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили. Не вижу тут большой проблемы»[1]. Можно обратить внимание на то, что такой подход полностью противоречил подходу руководства Германской Демократической Республики. Э. Хонеккер незадолго до визита М.С. Горбачёва в Бонн сообщил, что стена может ещё простоять и 100 лет.

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 203.

13 июня 1989 г. состоялось подписание важных советско-западногерманских документов, Совместного заявления и Совместного сообщения. В них речь идёт о дальнейшем развитии плодотворного сотрудничества двух государств, и подчеркивается, что фундаментом взаимоотношений СССР и ФРГ остается Московский договор от 12 августа 1970 г.[1] Представляет интерес тот факт, что проблемы объединения двух немецких государств никак не обозначена в этом документе.

В совместном сообщении были перечислены девять конкретных договоров и соглашений двух государств — о содействии осуществлению и совместной защите капиталовложений, о создании линии прямой связи между Кремлем и ведомством Федерального канцлера, о сотрудничестве в подготовке и повышении квалификации специалистов и руководящих кадров в области экономики, о расширении сотрудничества в области науки и образования и т.д. В документе говорилось, что правительство и деловые круги ФРГ готовы «и в дальнейшем содействовать в рамках своих возможностей развитию тесных связей двух стран».

Несмотря на заметные внутренние трудности Советского Союза и ставшие с весны 1989 года очевидными радикальные перемены (включая фактически создание парламентской многопартийной системы, беспрецедентную с лета 1917 года свободу слова, совести, собраний и союзов и экономическую либерализацию), вера в сохранение status guo была на начало 1989 года общим местом в оценках судьбы социалистического мира, во всяком случае политика горбачёвского руководства (в отношении свободы внутрипартийных дискуссий, критики недавнего прошлого, как и либеральная политика в сфере культуры) ещё с 1986–1987 гг. отталкивала консервативные части восточноевропейских номенклатур, вставшие, подобно Хонеккеру и его ближнему кругу, в твёрдую антиперестроечную оппозицию. Хонеккер и верхушка СЕПГ предпочли занять догматическую позицию. Иной

---

1 См. визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачёва в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.— Документы и материалы. М., 1989. С. 37 (далее — визит М. С. Горбачёва в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.).

была позиция руководства Венгерской Народной Республики, готовившего фактически революцию сверху и либерально настроенных кругов в руководстве Польши и Чехословакии.

В поведении руководителей ГДР читалась даже определённая антисоветская фронда. Восточногерманские СМИ стали уделять внимание сообщениям о катастрофах и конфликтах в СССР, что подавалось не столько как свидетельство перестроечной гласности, сколько как признаки кризиса «старшего брата» вследствие допущенного уклона. Бывший посол СССР в ГДР П.А. Абрасимов отмечает: «Горбачёвская перестройка и отрицательное отношение к ней руководства ГДР сопровождалось известным дистанцированием от СССР. Была введена цензура на информацию о жизни в СССР, советская печать на территории ГДР фактически была запрещена. Были введены ограничения контактов с советскими людьми и т. п.»[1]. Между Хонеккером и противником Горбачёва в руководстве СССР Е. К. Лигачёвым было установлено тайное сотрудничество с целью согласования антиперестроечных действий. В мае 1989 г. член Политбюро СЕПГ Г. Миттаг через посольство ГДР в Москве послал сообщение для Лигачёва о мероприятиях СМИ ГДР против перестройки[2].

Однако эти противоречия внутри советского блока ещё не говорили о скорой развязке ни советской стороне, ни общественности обеих Германий, ни западным державам. Как считает профессор Хакке, ещё в первые месяцы «года объединения» подавляющее большинство немцев, представители крупных партий, ведущие публицисты и учёные были убеждены в бесперспективности объединения. Герхард Шрёдер пишет в своих мемуарах, что в 1989 г. он и его политические друзья скептически наблюдали за неумеренными восторгами по поводу возможности воссоединения страны»[3]. Подавляющее большинство СДПГ исходило ещё из существования двух суверенных немецких государств.

---

1 Абрасимов П.А. Указ. соч. С. 273.
2 Россия и Германия в годы войны и мира... С. 499.
3 Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. – М.: Европа, 2007. С. 56.

Видимо, западногерманскую политическую общественность, при всём негативном отношении к ГДР и веры в антикоммунистический настрой большинства восточных немцев, смущала не только уверенность в прочности СССР и советского блока, но и свойственный части населения ГДР восточногерманский искренний патриотизм, поддерживавшийся некоторыми привлекательными чертами режима — впечатляющими военными ритуалами, мощным национальным спортом, особой эстетикой и эмоциональным духом самой развитой социалистической страны. В ГДР существовал также местный патриотизм, особенно свойственный таким округам, как Лейпцигский и Дрезденский. Многих восточных немцев, особенно старшее поколение, от скоропалительных суждений о ценности национального единства могла удержать небезосновательная тревога за свои довольно существенные социальные гарантии.

Но именно в связи с перестройкой и «новым политическим мышлением» в «застывшем политическом пейзаже» Германской демократической республики «всё сдвинулось с места».

Если говорить о руководстве ГДР, то оно было явно обеспокоено новыми процессами в Советском Союзе. Члены научного сообщества в беседах с советскими коллегами подчеркивали тревогу руководителей страны и даже осуждение (не для широкой публики) первых шагов перестройки — отказ от жесткой централизации и детального планирования, закон о кооперативах, выборность руководителей в экономике, в научных и культурных учреждениях СССР. Лозунг «учиться у Советского Союза» ещё раньше исчез со стен домов и со страниц прессы. Более того, из свободной продажи исчезли многие советские газеты и журналы. В партийных кругах приобрело популярность высказывание члена Политбюро СЕПГ К. Хагера: «Если сосед переклеивает обои — это не означает, что вам надлежит делать то же самое»[1].

---

1 Позднее, в беседе с М.С. Горбачёвым 1 ноября 1989 г. Э. Кренц намекнул, что Хагер только «дисциплинированно» повторил фразу Э. Хонеккера.

Авторы, описывающие ситуацию в ГДР в конце 80-х гг., единодушны в характеристике нарастающего экономического и политического кризиса в стране. Они пишут о росте валютной задолженности Западу, об усилении зависимости от ФРГ, об упадке промышленного производства и растущем недовольстве населения ситуацией в стране. В среде интеллигенции, включая и часть партийной, наблюдалось разочарование некоторыми постулатами официальной идеологии, которые нередко не выдерживали сравнения с реалиями.

Заметная часть молодого поколения мечтала о поисках счастья во втором германском государстве. Запрет на выезды за границу, драконовские меры по охране сухопутных и морских границ республики, а также в районе берлинской Стены, толкали людей на поиск обходных путей.

Вместе с тем следует признать, что сколько-нибудь серьёзного национально-освободительного движения ни в одной, ни в другой части Германии не было. И причины этого, на наш взгляд, лежали не только в таком важнейшем факте, как оккупация страны войсками четырех держав-победительниц.

В западной части страны относительно спокойное отношение к расколу Германии поддерживалось прежде всего благоприятным экономическим развитием прогрессивным социальным законодательством, наличием демократических свобод, в том числе возможностью свободно посещать другие страны.

В течение многих лет какие-либо практические действия «низов» в пользу воссоединения сдерживались также укоренившимся в населении ФРГ (особенно с 60-х годов) чувством вины за совершенное Германией в отношении соседних народов и распространенные убеждения, что все вопросы международной жизни должны решаться только мирно, на путях переговоров. По-видимому, именно здесь лежали истоки той поддержки и даже энтузиазма, которые были проявлены значительной частью народа в связи с «новой восточной политикой» Брандта.

Сложнее дело обстояло в Германской Демократической Республике, где изоляция от внешнего мира была важной частью бытия, режим опирался не только на весьма развитые и вездесущие силовые ведомства (и в конечном счете — на присутствие вооруженных сил великого союзника), но и на тотальную идеологическую обработку населения, которое с утра до вечера старались убедить, что именно оно, население ГДР, является носителем мира и прогресса, гарантом мира в Центральной Европе. Можно предположить, что активность сторонников перемен в ГДР, а также сторонников объединения сдерживали и некоторые примеры новейшей европейской истории, в частности, судьба «пражской весны».

Для второй половины 80-х годов в ГДР характерно стремление людей проявить инициативу, перестать пассивно ждать, начать действовать. К таким активным действиям относится нарастающий процесс организации партнерских связей. Ещё в 1981 году такие связи завязали Йена в ГДР и Эрланген в ФРГ, соответственно Котбус и Саарбрюкен, Росток и Бремен, Галле и Карлсруэ и «процесс пошел». И.Н. Кузьмин справедливо замечает, что «тем самым создавались новые германско-германские структуры и открывались широкие возможности для последующего сближения сторон»[1].

О поведении широких слоев населения можно сказать, что народ вышел на улицу. «Молчаливое большинство» перестало быть пассивным и начало устремляться на манифестации по любому поводу. Четверть миллиона берлинцев вышли 15 января 1989 г. на демонстрацию по случаю 70-й годовщины убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. На первомайскую демонстрацию в столице ГДР вышли 750 тысяч человек. Две недели спустя на слет молодежи в Берлине вышли 750 тысяч юношей и девушек.

С 4 сентября 1989 г. в Лейпциге начались организуемые неформальными демократическими структурами и поддерживаемые религиозным сообществом (включая структуры Союза Евангелистских церквей ГДР и восточно-

1 Кузьмин И.Н. Поражение. Крушение ГДР и объединение Германии. М.: Научная книга, 2003. С. 40.

германского ХДС) еженедельные многолюдные акции протеста под лозунгом «Мы — народ!». Лозунг этот представлял собой не только заявление о солидарности и праве выдвигать требования к правительству, но и антитезу всей сорокалетней демагогии о «народности» всего существующего и происходящего в Восточной Германии. Протестующие выступали за смену политического руководства и принципов управления государством, за свёртывание цензуры, репрессивной и надзорной политики органов госбезопасности, свободу выезда на Запад. Как правило, акции имели форму молчаливой демонстрации общественной солидарности.

Назревавший обвал социалистического лагеря был запущен действиями в мае-августе 1989 года наиболее либерального его режима, венгерского, с середины 1988 года фактически приступившего к собственной перестройке с отставки многолетнего (1956–1988 гг.) лидера страны Яноша Кадара. В мае венгерское правительство объявило о демонтаже военных укреплений на венгерско-австрийской границе. 16 августа, при символическом открытии границ и с Австрией на три часа (для граждан Венгрии и Австрии), сотни туристов из ГДР ушли в Австрию, откуда был открытый проезд в ФРГ. 10 сентября Венгрия официально открыла свою границу с Австрией

Большие группы немецких «туристов» отправлялись в Венгрию, Чехословакию, Польшу (что позволялось властями), а оттуда они стремились попасть в Австрию и транзитом — в ФРГ. Представительства ФРГ в социалистических странах стали местом сбора новых мигрантов.

7 октября, на XIV съезде Венгерской социалистической рабочей партии было объявлено о начале в Венгрии демократических реформ; партия, порвав с «народно-демократическим» прошлым, приняла наименование Венгерской социалистической и отказалась от монополии на власть. Просоветский режим Венгерской Народной Республики фактически самодемонтировался. Распад советского лагеря перешёл в открытую фазу.

Это был фон, на котором состоялись празднества в связи с 40-летием Германской демократической республики. 6 октября для участия в празднике

приехал М.С. Горбачёв. За день до отъезда помощник президента записывает в своем дневнике: «М.С. завтра летит в ГДР, на 40-летие. Очень ему не хочется...». И дальше: «Сегодня в Дрездене – 20-тысячная демонстрация. Вчера – в Лейпциге ещё больше. Идет информация, что в присутствии Горбачёва начнут штурмовать «стену»[1]. К счастью, законопослушные немцы ждали решения сверху. Визит Горбачёва, его приветственное выступление 6 октября, беседа советского лидера 7 октября с Э. Хонеккером и в тот же день — с членами Политбюро ЦК СЕПГ, ясно показали, что времена «доктрины Брежнева» остались далеко позади.

М.С. Горбачёв поехал в ГДР, хорошо зная критическую обстановку в республике. В.М. Фалин пишет, что уже в 1987–88 гг. он доводил до сведения М.С. Горбачёва и А.Н. Яковлева, что явления распада в ГДР зашли значительно дальше, чем принято считать[2]. По его мнению, момент для перелома был уже упущен и развитие могло выйти из-под контроля.

В беседах с Э. Хонеккером и другими руководителями республики М.С. Горбачёв, как пишет В.М. Фалин, подобрал добрые слова, оттеняющие значение ГДР в социалистическом содружестве, Европе и мире. Вместе с тем он советовал СЕПГ не запаздывать с назревшими переменами и встать во главе преобразований. Но подчеркнул, что ГДР – суверенное государство, а СЕПГ — независимая партия и «вы сами определитесь, как дальше»[3]. Никакой реакции на эти слова Горбачёва не было. И.Н. Кузьмин сообщает, что, выйдя из комнаты, где происходила встреча советского гостя с руководством ГДР, М.С. Горбачёв сказал советскому послу В.И. Кочемасову: «Что здесь ещё можно сделать? Как об стенку горох. Они ничего не хотят принимать»[4]. Оценивая поездку М. С. Горбачёва, И.Н. Кузьмин пишет, что ни сам визит, ни обращение советского лидера к руководству СЕПГ «не имели предписы-

---

1 Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох 1972–1991 годы. М.: Росспэн, 2008. С. 805–806.
2 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства, Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. С 435.
3 Фалин В.М. Указ.соч. С 441.
4 Кузьмин И.Н. Указ. соч. С. 90-91.

ваемого им исторического значения», что Михаил Сергеевич «в очередной раз опоздал»[1].

Конечно, в плане воздействия на высшее руководство ГДР во главе с Э. Хонеккером этот визит не принес каких-либо перемен (хотя, может быть, воодушевил менее догматическую его часть, вроде Х. Модрова). Выступления Горбачёва на встрече с членами партийного государственного руководства ГДР, когда советский лидер призвал «всесторонне оценить обстановку и наметить новый курс», было встречено неприятием и даже определенным отпором со стороны первого лица ГДР.

Можно предположить, что отмечаемое И.Н. Кузьминым огромное внимание населения обоих немецких государств к Горбачёву и к каждому слову в его выступлениях, было связано не только с надеждой, что советский реформатор «вразумит» местных лидеров, что начнётся время перемен. Вполне возможно, что сидевших в эти дни у телевизоров восточных и западных немцев волновал весьма важный вопрос: не использует ли Москва силу, чтобы спасти от крушения правящий в Восточной Германии режим?

По мнению автора диссертации, визит М.С. Горбачёва ускорил процесс высвобождения населения ГДР из-под жесткой власти СЕПГ. Советский руководитель освободил людей от страха перед вмешательством внешней силы, прежде всего со стороны расквартированной в ГДР мощной советской группировки войск. Есть все основания считать, что визит М.С. Горбачёва, его выступления, смысл которых сводился к тому, что силового вмешательства со стороны Советского Союза не будет, дали сильный толчок дальнейшему развитию событий. Впервые за 40 лет почувствовали себя более самостоятельными до сих пор сервильные блоковые партии ГДР – Христианско-демократическая, Либерально-демократическая, Демократическая крестьянская и Национал-демократическая. Быстро приобрела влияние только что появившаяся в ГДР Социал-демократическая партия. Очевидец событий, И.Н. Кузьмин, рассказывал, что демонстранты старались пробиться к Горба-

1 Кузьмин И.Н. Указ. соч. С. 91.

чёву, прорваться ко Дворцу Республики, в котором шёл торжественный приём. Во время массированного применения полиции и сил безопасности было много раненых, более 1000 человек без разбора были подвергнуты задержанию. По мнению Н. В. Павлова, день 7-го октября стал началом конца ГДР[1].

Уже утром 8 октября Э. Кренц начал переговоры с другим членом Политбюро, министром госбезопасности Э. Мильке о необходимости сместить Э. Хонеккера с его постов. Они получили поддержку ещё нескольких членов Политбюро. 17 октября на заседании высшего органа партии Э. Хонеккер был единогласно уволен в отставку.

В интервью газете «Московские новости» в ноябре 2004 года бывший член Политбюро СЕПГ Гюнтер Шабовски рассказал о том, как был смещён со своего поста Э. Хонеккер[2]. Он сообщил, что будущий председатель КГБ СССР Крючков уже в 1987 году использовал свой отпуск для поездки в ГДР, где должен был разведать возможность замены Э. Хонеккера другой политической фигурой. По мнению Шабовски, московский деятель пришел к выводу, что внутри Политбюро СЕПГ «антихонеккеровского потенциала нет». Осенью 1989 года, когда политическая обстановка в ГДР обострилась, три члена Политбюро, Э. Кренц, Г. Шабовски и З. Лоренц, приняли решение добиваться замены Хонеккера. Во время визита М. С. Горбачёва в Берлин 6–7 октября заговорщики проинформировали советского лидера (через сопровождавших его В. М. Фалина и пресс-секретаря генсека Г. И. Герасимова) о своих планах.

На заседании Политбюро СЕПГ 18 октября глава правительства В. Штоф по просьбе мятежной тройки первым взял слово и предложил рассмотреть вопрос о смещении Э. Хонеккера, а также И. Германа и Г. Миттага. «На секунду – мёртвая тишина, – рассказывал Г. Шабовски. – Мы замерли». Хонеккер, как ни в чем не бывало, предложил перейти к заранее намеченной повестке дня. И тут трое оппозиционеров стали громко требовать обсудить

1 Павлов В. Н. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс. М., 2017. С. 404.
2 «Московские новости». 2004. Ноябрь. №№ 4–10. С. 19.

предложение В. Штофа. Хонеккер: «Хорошо, товарищи, давайте обсуждать». По-видимому, он рассчитывал на то, что большинство не пойдет за смутьянами. Но в итоге обсуждения все 15 членов Политбюро (значит, и Э. Хонеккер, И. Герман, и Г. Миттаг) проголосовали за отставку своих трех членов. Лидером СЕПГ был избран Э. Кренц.

С уходом Э. Хонеккера завершился важный этап существования Германской Демократической Республики. Страна явно приближалась к глубокому обострению экономического и общественно-политического кризиса. Недовольство в ГДР продолжало расти, как и массовое «голосование ногами» и вообще потеря правительством управляемости не только над массами и низовым аппаратом; начинал бунтовать и восточногерманский «блоковый» ХДС, до тех пор послушно игравший свою партию в политическом концерте. Но все-таки все эти сдвиги ещё не понимались большинством наблюдателей как начало конца восточногерманского социализма и государственности.

Показательно, что в ФРГ и Западном Берлине видные представители социал-демократов выказали в это время больше скептицизма в отношении немецкого будущего, чем представители ХДС/ХСС. Правящий бургомистр Западного Берлина социал-демократ Вальтер Момпер в своём заявлении от 14 сентября 1989 г. отстаивал необходимость дать ГДР возможность разрешить свой кризис. Другой политический деятель от СДПГ, Эгон Бар, по его словам, не видел в это время никаких шансов на объединение двух германских государств и никакой пользы от этого»[1]. Председатель партии О. Лафонтен вообще занимал негативную позицию в отношении объединения, он был уверен, что объединение поведет к резкому снижению уровня жизни в западных землях. Свободные демократы вообще игнорировали этот вопрос.

«Если правда, – пишет Олмонд, – что уже в 1987 году Михаил Горбачёв и Эдуард Шеварднадзе рассматривали возможность объединения Германии, поскольку «нормальные отношения в Европе невозможны без решения германского вопроса», то Горбачёв и в самом деле открывал ту дверь, кото-

1 Хакке К. Указ. соч. С. 215.

рую подавляющее большинство правящей элиты Западной Германии хотело бы оставить плотно закрытой. В сентябре 1989-го Брандт отмахивался от объединения как от Lebenslüge [привычная ложь] Федеративной Республики. И даже Коль давно примирился с недостижимостью объединения»[1].

Советское руководство, столкнувшееся с внутренним кризисом, а также исходя из «нового мышления», вынуждено было отказаться от экономического и силового поддержания status quo в странах советского блока. Между тем, начало либерализации советской системы спровоцировало революционную ситуацию в большинстве восточноевропейских стран.

Фактор ресурсного банкротства Советского Союза представляется решающим немецкому профессору Ференбаху: «Вступив в 1985 г. в должность генерального секретаря он [М.С. Горбачёв] встал перед неразрешимой задачей. Всё свидетельствовало о том, что советская система уже давно находится на грани краха. Что бы он ни сделал, ничто не могло бы её спасти.... Своими инициативами по разоружению генеральный секретарь косвенно признал, что его стране больше не под силу разорительная гонка вооружений»[2].

Как считает И.Ф. Максимычев, горбачёвская перестройка подорвала одну из самых надежных опор режима (в ГДР. – К.Б), которая состояла в убеждении людей по обе стороны германской границы в безусловной поддержке СЕПГ со стороны Москвы[3].

Ещё после утверждения бундестагом ФРГ в ноябре 1983 года решения НАТО об установке в Западной Европе атомных ракет, отношения между ФРГ и ГДР обострились. Власти ФРГ резко ужесточили свое отношение к контактам «зеленых» и СЕПГ, СЕПГ с западноберлинским движением за мир. Странным образом это отразилось и на поведении властей ГДР, активизировавших преследование «своих» борцов за мир. В январе 1984 г. группа «Диалог Восток—Запад» (Западный Берлин) направила письмо Хонеккеру:

---

1 Олмонд М. Если бы коммунизм не рухнул… // Россия в глобальной политике. № 2, 2006. С. 31.

2 Ференбах О. Указ. соч. С. 247.

3 Максимычев И.Ф. Роль ФРГ в современном мире // В кн.: Германия. Вызовы XXI века / Под редакцией В. Б. Белова. М., 2009. С. 21.

«Вы, господин Хонеккер, вредите и нашей общей цели – созданию Европы, свободной от атомного оружия, когда отправляете в тюрьмы людей, которые ищут пути участия в сохранении мира»[1].

Сторонники мира на политической сцене ФРГ пускали свои критические стрелы не только в сторону Запада, но и Востока. Глава «зелёных» Петра Келли и ещё несколько известных «зелёных» выступили с заявлением, что не только «западным», но и «восточным» правительствам нельзя доверять, пока одни одобряют установку новых ракет средней дальности, а другие — вторжение в Афганистан.

Во второй половине 1980-х годов в содержание переписки и дискуссий между активистами антивоенного и экологического движений все чаще проникали такие проблемы, как мирный договор с обоими немецкими государствами, возможная конфедерация ГДР и ФРГ, а также внеблоковая политика обоих германских государств.

Оценивая в целом влияние западногерманских партий и движений на ситуацию в ГДР, можно сказать, что это влияние было до конца 1989 г. весьма ограниченным, «точечным». Необходимо особо отметить оттепель в отношениях между СЕПГ и СДПГ. Хотя попытки установить контакты между этими партиями имели место и в прежние годы, именно в 1980-е годы, связи между ними приняли конкретный значимый характер. Обе партии начали свои переговоры по программно-идеологическим вопросам ещё весной 1984 г. В итоге почти трехлетних регулярных встреч и дискуссий они пришли к августу 1987 г. к созданию «Бумаги СДПГ—СЕПГ»[2].

В первый раз почти за 70 лет удалось посадить за один стол идеологов двух рабочих партий, фактически коммунистической СЕПГ и Социал-демократической партии Германии. Содержание согласованного ими доку-

---

1 Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland. Bonn, 1994–2000. Bd. I–IX. Bd. VII(2). S. 1872 (далее: Materialien der Enquete-Kommission).

2 Das SPD-SED-Papier. Der Streit der Ideologien und die gemeinsame Sicherheit. Freiburg, 1988.

мента показывает, что главной побудительной причиной исторического события было обоюдное чувство опасности, стремление партнеров из обеих партий отвести народы своих стран от края пропасти, от реальной угрозы взаимного уничтожения.

Как сказал один из участников дискуссий профессор Отто Рейнгольд (СЕПГ), речь шла о создании «коалиции разума и реализма». По сути главное место в диалоге СДПГ и СЕПГ занимали не идеологические или социальные проблемы, а вопросы сохранения и укрепления мира. Поскольку в основном у обеих сторон оказалась по этим вопросам сходная позиция, представителям двух партий удалось прийти к единым выводам по главной проблеме международных отношений. На этом пути они подошли и к глобальным проблемам человечества – развития «третьего мира», охраны окружающей среды, обеспечения энергетическими ресурсами, борьбы с тяжелыми болезнями. Но главное, что они нашли общий язык и по таким острым вопросам, как ограничение вооружений, отказ от использования атомного оружия, решение споров только за столом переговоров. Документ имел большое влияние на взгляды и привычные постулаты членов обеих партий.

Возможно, что люди информированные и мыслящие с интересом и симпатией относились к «ветрам с Востока», к усилиям нового руководства Советского Союза устранить угрозу войны и сделать Европу континентом мира. Эта часть правящей в ГДР элиты не могла не видеть, что усилия Москвы прекратить «холодную войну» и наладить сотрудничество с Западом встречают более чем сдержанный отклик в верхах СЕПГ. Но, верные партийной дисциплине, эти люди не поднимали голоса в пользу назревших и в ГДР перемен. Однако оппозиция в ГДР существовала и даже укреплялась.

2.2. Внутренние и международные факторы объединения Германии

1 ноября 1989 г. М. С. Горбачёв беседовал с прилетевшим в Москву Э. Кренцем. При ознакомлении с текстом беседы складывается впечатление: Горбачёв ещё надеется, что обновление руководства сможет удержать ситуа-

цию в стране под контролем, что оно способно провести назревшие реформы[1]. Кренц напоминает собеседнику, что за 40 лет своего существования ГДР «добилась больших успехов». Вместе с тем «люди у нас были очень недовольны тем, что средства массовой информации создавали иллюзорный мир, не соответствующий реалиям жизни. Пропаганда расходилась с практикой. Партия стала терять доверие народа...» За последние три месяца тысячи людей покидали страну, руководство никак не реагировало на этот процесс или подчеркивало, что оно «не собирается лить слезы по тем, кто уехал». Но теперь руководители ГДР пришли к выводу, что политический кризис не является продуктом последних месяцев, что проблемы накапливались годами.

Горбачёв выразил сожаление, что Хонеккер не пошел два-три года назад на необходимые перемены в политике, «всё бы было во многом по-другому...» Об экономическом положении в ГДР Кренц сказал, что «если изложить всю правду, то это было бы шоком». Он считает также необходимым «широкое развитие демократии... Предстоит отразить в Конституции вопросы свободы прессы, гласности, защиты достоинства и свободу личности».

Кренц использует в беседы и эмоциональные мотивы, пытаясь укрепить советского руководителя в стремлении сохранить ГДР. «Хотелось бы, – говорит Кренц, – яснее представить себе, какое место Советский Союз уделяет ФРГ и ГДР в общеевропейском доме?». И дальше: «Мы исходим из того, что ГДР – это дитя Советского Союза, а ведь порядочные люди всегда признают своих детей...»[2]

В этой беседе представляет интерес подход Горбачёва к проблеме объединения Германии в начале ноября 1989 года. Он подчёркивает, что намерен придерживаться прежней линии на сосуществование двух немецких государств. Для представлений Горбачёва о сроках объединения страны интересен следующий пассаж беседы: «Может быть, через сколько-то десятков лет... иначе будет выглядеть и немецкий вопрос... сегодня вопрос об объеди-

---

1 Запись беседы опубликована в сборнике документов «Михаил Горбачёв и германский вопрос». С. 232–245.
2 Там же. С. 238.

нении Германии не актуален»[1]. Между тем до падения стены оставалось восемь дней.

Несколько неожиданным выглядит описание советским лидером в беседе с Кренцом позиция В. Брандта. Руководитель немецких социал-демократов и Социнтерна «полагает, что ГДР – это огромное завоевание социализма... Ликвидация республики, по его мнению, была бы крахом для социал-демократов».

Горбачёв сообщает Кренцу, что «все серьёзные деятели – и Тэтчер, и Миттеран, и Андреотти, и Ярузельский, и те же американцы... не стремятся к объединению Германии». Позицию США по проблеме объединения Германии охарактеризовала позднее госсекретарь США Кондолиза Райс: «США были обеспокоены на самом деле только одним, а именно тем, что воссоединение Германии может разрушить НАТО» [2]. Больше других испытывала тревогу перед перспективой объединения Германии Франция. «Именно это, – пишет Н.В. Павлов, – побудило президента Ф. Миттерана совершить срочный визит в Киев 6 декабря 1989 г. для встречи с М.С. Горбачёвым».

Дело здесь было не только в страхе перед возможным пробуждением германских великодержавных амбиций. Французская элита лучше других осведомлена, насколько слабы среди германских коллег какие бы то ни было экстремистские взгляды. Опасения Франции были вызваны, прежде всего, перспективой потерять флагманское место в Европейском экономическом сообществе и создающемся Европейском Союзе. ФРГ и до объединения превосходила Францию по экономическому потенциалу. С присоединением ГДР Французской республике приходилось иметь дело с Германией, не только более сильной, но и полностью восстановившей свой суверенитет, с великой державой, обладающей значительно бóльшим потенциалом, чем Франция. Это могло привести к потере франко-германского паритета в ЕЭС (где рань-

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 240.
2 Цит. по книге И.Ф. Максимычева «Россия и Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности». С. 267.

ше экономический потенциал Германии уравновешивался политическим и военным потенциалом Франции).

Процесс объединения Германии был болезненно воспринят французским политическим классом, опасавшимся возросшего веса ФРГ в Европе, как пишет Е.О. Обичкина. Миттерану не удалось затормозить германское объединение, но он сумел добиться сочетания этого процесса с линией на форсированное европейское строительство. В её рамках Миттеран получил согласие федерального канцлера ФРГ Гельмута Коля совместно инициировать новый качественный прорыв в деле европейской интеграции – введение единой валюты и переход от экономического объединения к политическому союзу»[1].

Объединение Германии и ревность французской элиты к растущему влиянию ФРГ привели к форсированию евроинтеграции: «Можно утверждать, что для французской дипломатии Маастрихтский договор (1992 г.) явился конструктивной реакцией на объединение Германии»[2]. Возросшее влияние Германии привело к определенному поражению Франции: эмиссионный центр единой Европы разместился во Франкфурте-на-Майне, валюта ЕС получила поддержанное германской стороной нейтральное название «евро» вместо французского «экю», ранее использовавшегося для обозначения единицы безналичных расчётов в ЕЭС.

Сам Франсуа Миттеран испытывал к объединению Германии более сложные чувства. «Больше всего Миттеран опасался возвращения Европы образца 1919 года с её «раздробленными национальными государствами», – вспоминает [его пресс-секретарь – К.Б.] Ж. Ведрин. – Мы опасались, что Германия отвернется от Европы»[3]. Опасения французского президента в отношении Германии не подтвердились. Но Брексит и события в Каталонии

---

1 Обичкина Е.О. Франция – величие превыше всего // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, N 6. С.24-38.
2 Там же.
3 Jürgen Krönig. Op. cit.

показали, что Миттеран в определенной мере оказался прав, опасаясь возвращения Европы в континент «раздробленных национальных государств».

Страхи перед возможным объединением Германии имелись и в британских высших сферах. М. Тетчер, считавшая Германию «естественным дестабилизирующим фактором в Европе», предпринимала шаги в Вашингтоне и в Москве с целью притормозить, отложить начавшийся процесс объединения[1].

«Таймс» писала в октябре 1989 года: «Национальный продукт Германии будет на 50% больше французского и в два раза больше британского». Имеется ряд высказываний западногерманских интеллектуалов по этому поводу. Известный писатель Г. Грасс: «объединение Германии – кошмар»; С. Хаффнер: «Сорокалетний мир основывался на равновесии сил. Большая Германия пугает всех». Есть и мнение известного швейцарского политолога Р. Кляйневерфе: «в воссоединении нет ни исторической необходимости, ни даже логики»[2]. Представляет интерес мнение историка, бывшего советника Г. Коля, М. Штюрмера: «решение германского вопроса должно стоять не в начале пути к новому европейскому порядку, а в конце, на интеграционных путях XXI века»[3].

Как себя ведёт в это время правящая СЕПГ, насчитывавшая к началу политического кризиса 1989 года более 2 млн. членов? С одной стороны, члены партии пассивно ожидали, что скажут (или укажут) сверху. С другой, в партии состояли не только убежденные марксисты, но и люди, для которых партийный билет члена СЕПГ был прежде всего пропуском к хорошо оплачиваемой работе, к социальному лифту, позволяющему надеяться на быстрый карьерный успех. Модров пишет в своей интересной и искренней книге, что «у СЕПГ всегда было два лица. Люди, стремившиеся по прагматическим соображениям устроиться в государстве, занимали в этой партии столь же

---

1 Davy, Richard. Großbritannien und die Deutsche Frage // Das Ende der Teilung: Der Wandel in Deutschland und Osteuropa: Beitrageund Dokumente aus dem Europa-Archiv. Bonn, 1990. S. 112.

2 Цит. по: Реферативный сборник «Объединения Германии: политические, культурные и социальные аспекты», ИНИОН, М., 1992. С. 7-9.

3 Stürmer M. Die Deutschen in Europa. Phanteon. Műnchen, 1989. S. 51.

бесспорное место, как и безнадежные мыслители-идеалисты»[1]. Но можно предположить, что весьма значительное место в партии на рубеже 80–90-х годов занимали люди разочарованные, понимавшие, что между привлекательными лозунгами партийных документов и реальной действительностью социально-политической жизни в ГДР существует большая дистанция.

Заметную роль в развитии событий в ГДР играло то обстоятельство, что у Кренца была репутация ближайшего сотрудника Хонеккера и даже его наследника, «кронпринца СЕПГ». Уже 4 ноября состоялась крупнейшая демонстрация в Берлине: 1 млн. человек выражали недоверие руководству СЕПГ, но в выступлениях почти 30 ораторов, известных в стране писателей, артистов и представителей оппозиции, не было призывов к объединению. Другими словами, в обществе ещё сильны были настроения в пользу реформирования и сохранения ГДР. Среди массовых выступлений осенью 1989 г. большое влияние на ситуацию в стране оказали еженедельные демонстрации в Лейпциге. Число участников быстро нарастало. 2 октября на улицу вышли 15 тысяч демонстрантов, 9-го – 70 тысяч, 16-го – 150 тысяч, 23-го – 200 тысяч, а 6-го ноября – 500 тысяч. Лозунги участников шествий тоже были связаны с требованием глубокого реформирования общества.

7 ноября ушло в отставку правительство ГДР во главе с В. Штофом. Как отмечает И.Н. Кузьмин, вопросы объединения Германии в этот период ещё не стали главными. Он считает, что даже после падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. и открытия границы ГДР с Западным Берлином и ФРГ «в качестве консенсуса представлялась идея конфедерации двух германских государств»[2].

Как грибы после дождя на территории ГДР возникают и активно действуют новые общественные организации: «Новый форум», «Демократический порыв», «Зеленая партия» и другие. Все они позднее приняли участие в так называемом «Круглом столе». Среди главных лозунгов осени 1989 года –

---

1 См.: Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М., 2000. С. 439.
2 Кузьмин И.Н. Указ. соч. С. 107.

требования расследования нарушений прав человека, в особенности, со стороны МГБ, расследование фактов коррупции, ликвидация незаконных льгот партийных и государственных функционеров и т.п.

Между тем продолжался отток населения за рубеж. Если через Венгрию и Австрию ежедневно перемещались около одной тысячи человек, то через Чехословакию за первую неделю ноября выехали в ФРГ 50 тыс. жителей ГДР. Документ пленума ЦК СЕПГ от 9 ноября по вопросу о порядке выезда предусматривал, что с 10 ч. утра 10 ноября полиция начнет оформлять визы на выезд. Однако, действительность опрокинула эти планы. 9 ноября в 19.00 член Политбюро СЕПГ Г. Шабовски выступил по телевидению с отчетом о пленуме. В конце своего выступления Шабовски сообщил, что Совет министров ГДР снял все ограничения на выезд из страны, все граждане могут в любое время получить многократные визы. На вопрос одного из журналистов, когда вступает в силу это постановление, Шабовски ответил: «немедленно!» В.М. Фалин ставит вопрос: какую роль играл СССР в момент открытия границы, «ранее оберегаемой как передний край обороны Варшавского договора»? Когда он в конце ноября спросил у Э. Кренца и Х. Модрова, кто и как принимал решение об открытии границы, ответ гласил: «Так получилось»[1].

Вскоре десятки тысяч людей собрались у всех контрольно-пропускных пунктов в Берлине. Пограничники ничего не знали о постановлении правительства. Единственная инструкция, переданная им начальством, гласила: не применять оружие. Опасаясь неуправляемых действий толпы, пограничники открыли все шлагбаумы и огромный поток людей устремился на Запад. Все это продолжалось и в следующие дни. За 10 дней после 9 ноября полиция, наладившая выдачу виз, выдала 11 млн. Переходов не хватало, 12 ноября в стене были сделаны первые проломы и в них созданы дополнительные переходы. То, что произошло в эти ноябрьские дни, было крупным историческим событием, коренным образом изменившим ситуацию в ГДР и в развитии

1 Фалин В.М. Указ. соч. С. 443.

проблемы объединения. Популярный в народе Х. Модров сформировал новое правительство, утвержденное Народной палатой 18 ноября. Модров ещё надеялся сохранить ГДР и ее социально-экономический строй. В своей книге «Я хотел жить в новой Германии» он писал о своих планах: «Я верил в реформированную, социалистическую ГДР и выступал за сосуществование с Федеративной Республикой на основе сотрудничества. Я хотел договорного сообщества...»[1]

Однако советское руководство не одобрило формулу «договорное сообщество», делавшую положение ГДР ещё более шатким. Кремлём, как указывает И.Н. Кузьмин (со ссылкой на И.Ф. Максимычева, советника-посланника посольства СССР в Берлине), «были предприняты усилия, чтобы не допустить расширительного толкования этого понятия. Эта позиция была... доведена до сведения правительства ГДР. ...25 ноября (1989 г. – К.Б.) последовало закрытое послание М.С. Горбачёва руководителям США, Великобритании, Франции и ФРГ, в котором говорилось: Развитие в ГДР породило в мире многочисленные спекуляции о «германском вопросе», о перспективах объединения Германии. Мы твёрдо убеждены, что существование и развитие ГДР в течение всех этих лет было и остаётся важнейшей гарантией европейского мира, равновесия и стабильности. ГДР как суверенное государство, как член Варшавского Договора по-прежнему является нашим стратегическим союзником в Европе. Сознающие ответственность политики на Западе давно признали это. Однако нельзя недооценивать опасностей оживающих реваншистских настроений и страстей. Их развитие смогло бы подорвать формирующееся доверие и обесценить, даже опрокинуть, отбросить назад все достижения исторического значения в отношениях между Востоком и Западом»»[2]. Российский германист И.Н. Кузьмина солидарен с И.Ф. Максимычевым в том, что «данное послание вполне могло бы стать исходным рубежом для упорной борьбы за будущую систему безопасности в Европе и могло бы

1 Модров Х. Указ. соч. С. 309.
2 Кузьмин И.Н. Указ. соч. С. 130–131. Письмо не было опубликовано в сборнике документов «Михаил Горбачёв и германский вопрос». – К.Б.

способствовать созданию приемлемой для нас совместной основы выхода из кризиса. Однако это потребовало бы повышенной активности советской дипломатии. На практике же советская сторона вернулась к привычной выжидательной позиции»[1].

После открытия границы ход событий в ГДР ускорился. Резко активизировались общественные организации. Повсеместно отмечался полный упадок авторитета власти. Президент ФРГ Р. Вайцзеккер в своих воспоминаниях приводит характерный пример. Через сутки после открытия границы 10 ноября 1989 г., он проходил через Потсдамскую площадь в Восточном Берлине: «…Ко мне подошёл офицер Немецкой Народной армии, который заявил: «Господин Федеральный канцлер, докладываю, что нет никаких особых происшествий». Вайцзеккер добавляет: «так быстро всё встало с ног на голову»[2].

В «Материалах Анкетной комиссии» есть специальный раздел – «Влияние партий Федеративной Республики на развитие сопротивленческих тенденций в ГДР в 80-е годы». Здесь довольно подробно описываются контакты «Зелёных» в ФРГ с зарождавшимся экологическим движением в ГДР. Основатели и видные члены «Зелёных» Петра Келли, Герд Бастиан, Антти Фольмер встречаются со своими единомышленниками из ГДР, выступают публично в поддержку активистов, преследуемых в Восточном Берлине. И те и другие – противники размещения атомных ракет на территории Германии, они выдвигают лозунг «За мир без оружия!»[3]. В переговорах и текстах того времени речь идёт о связях военной конфронтации в Европе с расколом континента. Участники контактов подчёркивают, что они не выступают против Востока или Запада, а обращаются к обеим сторонам. Вместо лояльности к своим правительствам они призывают к всеобщей лояльности к делу сохранения мира[4].

---

1 Кузьмин И.Н. Указ. соч. С. 131.
2 Weizsäcker R. Vier Zeiten. Erinnerungen. Phanteon. Műnchen, 2010. S. 365.
3 Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Bd. VII(2). S. 1857. (Далее – Enquete-Kommission).
4 Ibid. S. 18-58.

Наиболее значительным среди общественных организаций оказался «Круглый стол», начавший свою работу 7 декабря 1989 г. Инициаторами его создания были Евангелическая церковь и экологические группы. На первых порах удалось усадить за стол переговоров 30 активистов. Часть из них, примерно половина, выступала за сохранение ГДР как самостоятельного, но реформированного государства; другая половина собравшихся стремилась к быстрому сближению и даже интеграции с ФРГ.

Авторы одной из вводных статей в многотомной публикации, подготовленной по решению бундестага, Материалов Анкетной комиссии «Исследования истории и последствия диктатуры СЕПГ в Германии»[1], пишут, что оппозиция, собравшаяся на «Круглом столе», была «намерена штурмовать уже снесенную изнутри крепость»[2]. Из того же текста можно заключить, что многие в ГДР считали «Круглый стол» «ликвидационным предприятием».

В работе «Стола» с самого начала участвовали представители Демократической крестьянской партии Германии, Христианско-демократического союза, Социал-демократической партии, Социалистической единой партии Германии, либерально-демократической партии Германии, Национально-демократической партии, Объединения свободных немецких профсоюзов, «Объединения левых», «Демократического подъема», «Демократии сейчас», Инициативы за мир и права человека, Партии «зеленых», Нового форума и Независимого женского союза. Одним из трёх представителей от СЕПГ был будущий руководитель Партии демократического социализма Грегор Гизи.

Интересно, что тремя ведущими «Круглого стола» были представители церковных кругов: Мартин Циглер из Союза евангельских церквей ГДР, д-р Карл-Хайнц Дуке от Берлинской епископальной конференции и пастор Мартин Ланге от Рабочего сообщества христианских церквей. Принятое «Столом» заявление гласило: «Круглый стол требует открыть информацию об экологическом, экономическом и финансовом положении в стране, он не со-

1 Enquete Komission. Bd. I–IX. Bonn, 1994-2000.
2 Ibid. Bd. VII(2). S. 1872.

бирается брать на себя никаких парламентских или правительственных функций, но хочет обратиться к общественности с предложениями по преодолению кризиса». Было заявлено, что «Стол» будет существовать до проведения в ГДР свободных, демократических и тайных выборов, а до этого будет играть роль общественного контроля. К середине декабря в работе «Круглого стола» начали принимать участие новые организации, в том числе Объединение крестьянской взаимопомощи, Зелёная лига и другие.

«Круглый стол», безусловно, не был «революционной инстанцией». Это не мешало одному из ораторов «Стола» вспомнить известную формулу В.И. Ленина о революции. Он сказал, что в ГДР сложилась революционная ситуация, ибо «верхи» уже не могли по-старому осуществлять свою власть, а «низы» не хотели и дальше жить в нужде и бедствии[1]. В эти дни, отмечают авторы вводной статьи, за пределами «Стола» шёл процесс перекладывания вины за ошибки и преступления с правящей партии на правительство. Между прочим, в начале деятельности «Круглого стола» участие членов правительства не предусматривалось.

В ходе заседаний «Стола» рассматривались крупные вопросы развития ситуации в ГДР и в «германском вопросе» в целом. При чтении документов создается впечатление, что участники озабочены тем, чтобы события не вышли из-под контроля. В эти недели у некоторых видных немецких политиков явно нет уверенности, что Москва тихо-мирно согласится с потерей ГДР. В материалах «Анкетной комиссии», посвященных работе «Круглого стола», опубликовано выступление министра внутренних дел ФРГ В. Шойбле: «Как будет себя держать Советский Союз? Я опасаюсь, что Советы ещё не зашли так далеко, чтобы отказаться от насильственных действий. Они уже многое проглотили: демонстрации, падение Стены. Не нужно иметь большой фантазии, чтобы представить себе необозримые риски, связанные с советскими вооруженными силами в Германии»[2]. Другие участники ожидали опасность

1 Enquete-Kommission... S. 1714.
2 Ibid. S. 1728.

«от своих», от Немецкой народной армии, от заводских «боевых групп» и сил безопасности.

Введенный 31 ноября 1989 г. в должность министра государственной безопасности Шванитц считал, что угроза насилия исходит от улицы. «Однозначно, – говорил он, – демонстрации становятся все агрессивнее, непредсказуемыми и враждебными в своих высказываниях».

Улица бунтовала против коррупции, против укрытия миллиардных сумм силовых министерств в швейцарских банках, против уничтожения документов в силовых структурах. Вполне реальной казалась опасность судов Линча над служащими режима.

То, что такие опасности существуют, было очевидно. Уже собеседники М.С. Горбачёва Э. Кренц, Х. Модров и Г. Коль рассказывали руководителю СССР о потере властями контроля в ряде городов, о нападениях на работников государственной безопасности. Некоторые участники «Круглого стола» ещё верили в необратимость социализма на территории ГДР. Один из лидеров нового форума профессор Йенс Райх заявил в интервью Би-Би-Си: «Я думаю, что большинство наших сторонников — против капиталистического общества. Они предпочли бы восстановление, реформу социализма, чтобы он стал приемлемым для большинства людей. Поэтому, вопрос о воссоединении пока не стоит»[1].

Х. Модров пишет, что социал-демократ Бьерн Энгхольм, бывший премьер правительства Шлезвиг-Гольштейна, во время их встречи «исходил из того, что двойная государственность сохранится длительное время»[2]. Но едва ли так думало большинство жителей Восточной Германии и лучшим свидетельством внутреннего несогласия с режимом было продолжающееся массовое бегство на Запад. Кроме того, на дальнейшую судьбу ГДР влияли и события за ее пределами, в том числе и нарастание внутренних проблем в Советском Союзе.

---

1 Enquete-Kommission... S. 1729.
2 Модров Х. Указ. соч. С. 121.

На одном из заседаний «Круглого стола» выступил премьер-министр ГДР Х. Модров. Его выступление нельзя признать удачным. По старинной привычке он обратился к присутствующим со словом «Товарищи!» и сообщил, что выступает «перед большим кругом руководителей и секретарей», что для значительной части участников показалось странным. Кроме того, он сообщил членам «Круглого стола», что рассматривает свой пост премьер-министра как надпартийный, но также как «возможность служить своей партии и для своей партии». Авторы аналитической статьи к разделу «Круглый стол» все же признают заслуги Х. Модрова в том, что он благодаря разумной тактике «разделяет заслуги тех, благодаря которым во время взрывной ситуации в Европе перемены произошли мирным путём»[1]. В кулуарах Стола Х. Модрова называют «мастером упорядоченного отступления»[2].

Большинство собравшихся не стремилось свергнуть правительство Х. Модрова или занять его место. «Для этого у меня достаточно опасений, – говорил один из организаторов «Круглого стола» Ульман, – моей заботой является то, что оно само себя свергнет»[3]. В этих словах отразился тот факт, что коалиционные союзники Модрова по «правительству национальный ответственности» отдалялись от премьер-министра, все больше сближались со своими коллегами в западногерманских политических партиях; некоторые министры покидали свои посты.

Приближались выборы, назначенные на 18 марта 1990 г. По мере приближения этой даты, влияние «Круглого стола» падало, некоторые участники перестали посещать его заседания. «Enquete» сообщает, что постепенно «Круглый стол» попадал во «все большую зависимость от воли Западной Германии». В целом можно утверждать, что в условиях ещё существовавшего режима СЕПГ «Круглый стол» пытался создать влиятельную площадку, которая должна была выработать план реформ и альтернативу этому режиму. Но события перехлестнули эти планы.

---

1 Enquete-Kommission... S. 1772.
2 Ibid. S. 1751.
3 Ibid. S. 1811.

Неудача «Круглого стола» была обусловлена рядом факторов: оппозиция организовалась слишком поздно, между «Круглым столом» и коалиционным правительством Х. Модрова не установилось подлинного сотрудничества, участники «Стола» не пытались возглавить массы, скорее, они пытались их успокоить и обуздать. «Круглый стол», как популярный форум различных оппозиционных сил, внес свой вклад в мирный, бескровный ход событий в ГДР. К одной из заслуг «Круглого стола» относится его настойчивая и успешная инициатива, обращенная к Модрову, – распустить ненавистные народу старые органы безопасности – знаменитые «штази».

И всё-таки при всей нарастающей активности части политиков и интеллигенции ГДР, массовых акций населения в крупных городах и катастрофического «голосования ногами», решающую роль в объединении Германии сыграла международная дипломатия и прежде всего, дипломатия Советского Союза и Федеративной Республики.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что в переговорах по вопросам будущего Германии имела место и «теневая», закулисная дипломатия. 21 ноября 1989 г. к Х. Тельчику, внешнеполитическому советнику канцлера Коля, обратился сотрудник международного отдела ЦК КПСС Н.С. Португалов с просьбой принять его для беседы. Советский собеседник давал понять, что он транслирует официальные и неофициальные соображения видных деятелей СССР. «Неофициальные соображения» показывали, что в Москве считают объединение Германии делом реальным и рассматривают условия и предпосылки такого развития. Далее в беседе перечислялись связанные с объединением конкретные проблемы, интересующие советскую сторону. В качестве обязательного условия объединения назывался отказ от иностранного ядерного присутствия на немецкой земле[1].

В это время начинается резкое повышение активности руководства ФРГ. 28 ноября Коль выступил с большой речью в бундестаге. Это была про-

1 Терехов В.П. Холодный блеск фортуны. М.: МГИМО-Университет, 2012. С 92–96.

грамма из 10 пунктов[1]. Основной линией правительства ФРГ было сотрудничество с ГДР и совместное продвижение к германскому единству. Коль предлагал финансирование властями ФРГ поездок ее граждан на Запад. Далее Г. Коль предлагал наладить техническое сотрудничество двух германских государств в охране окружающей среды, создании телекоммуникаций и совместное строительство железных дорог. Экономическое сотрудничество и помощь восточному соседу, Коль связывал с коренным изменением политической и экономической систем в Восточной Германии. Затем предлагалось «договорное сообщество», создание совместных институтов. Если эти предложения будут приняты, канцлер был готов сделать дальнейший шаг и пойти на создание конфедеративных структур с целью перехода к «федерации в Германии».

Во второй части своих «пунктов» (пункты 6–10) Коль помещает германскую проблему в рамки общеевропейского процесса и в отношения между Западом и Востоком, в связь с европейской интеграцией и будущей общеевропейской архитектурой (с ядром в лице ОБСЕ). Последние, 9-й и 10-й, пункты касались поддержки усилий по разоружению и созданию прочной системы безопасности в Европе, как условия обретения единства германским народом.

В Москве выступление Коля вызвало отрицательную реакцию. «10 пунктов» канцлера критиковали по трем линиям: 1) Коль не проконсультировался со своими партнерами, прежде всего, с руководством СССР. Как заметил М.С. Горбачёв, канцлер «уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать»; 2) пункты, касающиеся намерений ФРГ в отношении ГДР, это ультимативные требования, выдвинутые в отношении самостоятельного и суверенного немецкого государства и 3) по мнению, высказанному М.С. Горбачёвым Г.-Д. Геншеру, «канцлер Коль торопится, искусственно торопит события»[2]. Горбачёв говорит: «Я думаю, что

1 Texte zur Deutschlandpolitik. Bonn, O. J. S. 426–433.
2 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 281.

в ГДР не обойтись без коренных перемен. Но это ее внутреннее дело. Канцлер же Коль по сути дела обращается с гражданами ГДР как со своими подданными»[1].

В своих «Воспоминаниях» Коль пишет, что в момент представления парламенту «10 пунктов» он не думал о спешном, немедленном объединении. «В моем первоначальном временном плане в ноябре 1989 года... я исходил из того, что в 1990 году будет достигнуто соглашение о договорном сообществе, в 1991-м – созданы конфедеративные структуры и в 1992–93 годах будет создана федерация». Однако, продолжал Коль, «фактическое развитие преодолело эти представления, ибо экономика ГДР находилась в катастрофическом состоянии, внешний дефицит составлял 40 млрд. D-марок»[2].

Все это Коль излагал советскому послу Ю.А. Квицинскому 22 марта 1990 г. Он добавил, что проблемы, связанные с экономическими соглашениями СССР с ГДР, наверняка можно решить. Что касается проблем ограниченного временем пребывания советских войск на территории ГДР, то он, Коль, их понимает, как и связанные с этим комплексные финансовые проблемы.

Во время встречи в Киеве М.С. Горбачёва с президентом Ф. Миттераном, французский гость тоже высказал удивление темпу, который канцлер старался придать процессу. «Речь Коля, – говорил Миттеран, – его десять пунктов, все перевернули с ног на голову. Он перемешал все факторы, он спешит». В ходе этой беседы советский руководитель отзывался о поведении Коля очень резко. «Поведение ФРГ, – сообщил он Миттерану, – напоминает действия слона в посудной лавке»[3].

За несколько дней до этой встречи Горбачёв в беседе в Риме с премьер-министром Италии Дж. Андреотти 29 ноября сказал: «воссоединение ФРГ и ГДР – неактульный вопрос». 2 декабря 1989 г., во время переговоров с Дж.

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 279.
2 Kohl H. Erinnerungen, 1990–1994. München. S. 54–55.
3 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 289–290.

Бушем на Мальте Горбачёв сказал собеседнику сказал, что «Коль торопится, суетится, действует несерьёзно, неответственно»[1].

5 декабря, беседуя с Геншером, он заявил министру, что канцлер «видимо уже считает, что играет его музыка мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать… руководство ФРГ просто распирает от желания командовать». О позиции Москвы в этот момент Шеварднадзе писал: «Для СССР имелись два варианта: или проявить готовность к переговорам или использовать свой потенциал в ГДР, чтобы сохранить существующий порядок. Но в этом случае мы оказались на грани третьей мировой войны»[2]. Автору диссертации представляется, что министр иностранных дел СССР сознательно нагнетал обстановку, чтобы оправдать свою уступчивость нажиму партнёров по формату «2+4».

Между 14 марта и 12 сентября 1990 г. состоялись всего 4 заседания в таком формате; главным предметом дискуссии был вопрос о принадлежности объединенной Германии к военно-политическому союзу. Необходимо отметить, что позиция советской стороны в этом вопросе ослаблялось отсутствием единства восточноевропейских стран. Правильнее было бы признать, что по этому вопросу Советский Союз оказался в изоляции. Правительства Польши, Чехословакии и других государств Варшавского договора считали, что участие объединенной Германии в НАТО надежнее обеспечивает мир в Европе.

Об отсутствии у советского руководства ясной линии в германском вопросе свидетельствуют совещания в ЦК КПСС и МИД в конце 1989 — начале 1990 г. Одно за другим состоялись эти совещания, на которые, помимо работников аппарата ЦК и МИДа приглашались учёные и журналисты, связанные с немецкой проблематикой. На совещаниях в Международном отделе ЦК КПСС были А.И. Ципко, Н.С. Португалов, Е.В. Цедилина, М.М. Максимова, А.О. Чубарьян, В.И. Дашичев, И.С. Кремер, Л.А. Безыменский, С.В.

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 104.
2 Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. Новости, М., 1991. С. 311.

Ястржембский, всего около 20 человек. Те же лица участвовали и в совещании в МИД СССР (с добавлением 3–4 дипломатов из 3-го Европейского отдела). Перед собравшимися был поставлен вопрос: «Что делать дальше с Германией»?

Главным тезисом партийных и части дипломатических чиновников было требование любой ценой сохранить Восточную Германию в орбите СССР и не допустить объединения страны. Выступление этой части участников сводилось к тезису: «У нас в ГДР больше 20 дивизий, сотни тысяч военного персонала. Пусть кто-нибудь попробует заставить нас уйти». Выступления учёных и журналистов имели, в основном, два аспекта: 1) с расколом Германии необходимо покончить, объединение неизбежно, мирная поддержка режима СЕПГ бессмысленна, возможность силового вмешательства абсурдно даже обсуждать; 2) нужно подумать о том, как с выгодой для СССР использовать появление в Европе нового сильного государства и, возможно, наиболее важного экономического партнёра Москвы»[1]. Эти заметки могут быть дополнены и сообщением Ю.А. Квицинского. Он пишет, что даже в мае 1990 года в Москве ещё не было плана решения германского вопроса: «Были дискуссии и разные идеи». «Имелось и представление, будто одно только присутствие наших войск на территории ГДР уже позволяет нам чуть ли не продиктовать условия воссоединения, добиться выхода ФРГ из НАТО, создание конфедерации двух германских государств… поговаривали и о нашей отдельной договорённости с социал-демократами в обход правительства Коля–Геншера» (имелось ввиду, что такая тактика спасет ГДР. – К.Б.)[2].

В ряде гуманитарных институтов Советского Союза делались попытки анализа ситуации в германском вопросе. В этом плане обращает на себя внимание ситуационный анализ германской проблемы, организованный в Институте общественных наук при ЦК КПСС 15 января 1990 г.[3] В заседании

---

1 Из записей участника совещаний в ЦК КПСС и в МИД СССР проф. И.С. Кремера.
2 Квицинский Ю.А. Время и случай. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 21.
3 Институт общественных наук при ЦК КПСС. Лабораторные тетради. Экспресс-выпуск № 2. М., 1990.

приняли участие ученые из ряда гуманитарных институтов Академии наук СССР.

Было высказано несколько мыслей, значение которых имеет не только чисто исторический интерес. Сохранившееся резюме ситуационного анализа позволяет нам сегодня воспроизвести некоторые положения, которые высказывали в это время видные московские германисты. Как отметило большинство выступавших, смысл существования самостоятельного государства на востоке Германии заключается в наличии принципиально отличной от ФРГ социально-экономической модели. Поскольку уже сейчас просматривается эволюция ГДР в сторону смешанной экономики, почва для существования суверенной Восточной Германии будет неизменно исчезать. Эксперты сошлись во мнении, что государственная власть в ГДР теряет контроль над ситуацией, а после намеченных на весну 1990 г. выборов в ГДР Социалистическая единая партия Германии (в этот момент уже принявшая название Партия демократического социализма (ПДС), перестаёт быть правящей партией, ибо получит не более 20% голосов)[1].

Часто за пределами исследования остается период между парламентскими выборами в ГДР в апреле 1990 года и актом объединения двух германских государств 3 октября того же года. Этот пробел, соответствующий 174 дням заключительной истории Германской Демократической Республики, был в определенной мере заполнен недавно с выходом в Галле книги «Государственная власть, которая сама себя ликвидировала», подготовленной О. Якобсоном и Федеральным Фондом по изучению диктатуры СЕПГ[2].

Текст книги представляет собой главным образом сборник интервью с бывшими деятелями правительства Лотара де Мезьера; определенную цен-

---

1 В действительности на выборах 19 марта 1990 г. ПДС заняла третье место, получив 16,3% голосов и 66 мест в парламенте ГДР. На первое место вышла ХДС (40,6%), на второе – СДПГ (21,8%). См.: Модров Х. Указ. соч. С. 415.

2 O. Jakobsen und Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur. Die Staatsmacht, die sich selbst abschafte, Halle, Mitteldeutscher Verlag, 2018, 148 S.
Электронный адрес книги – www.deutsche-einheit.1990.de. Представление о книге даёт опубликованная в Frankfurte Allgemeine Zeitung рецензия (см. FAZ, 21. August, 2018, S.6)

ность представляет и предисловие. Представляет интерес, в частности, тот факт, что ни один из 16 министров правительства не был профессиональным политиком, не имел опыта политической деятельности. Всех их, недавних врачей, учителей, учёных и священников выдвинула на политическую арену волна почти всеобщего энтузиазма, охватившая ГДР с осени 1989 года.

Вместе с тем очевидно, что в первый период деятельности правительства речь шла не об объединении страны, а о необходимости серьезных преобразований в самой ГДР, где по мнению министров надлежало изменить буквально всё заново сформировать Земли, децентрализовать культуру, сократить вооруженные силы, наладить торговлю, хозяйство, обеспечение населения. И, по мнению, авторов предисловия, убедившись, что все эти цели в рамках сохранения ГДР недостижимы, правительство поставило перед собой задачу объединения. Теперь, т.е. примерно с лета 1990 года члены правительства Л. де Мезьера «последовательно вели дело к концу», т.е. к ликвидации государства, которое они возглавляют.

При оценке массовых настроений в ГДР собравшиеся германисты считали, что от половины до 70% населения выступают за незамедлительное объединение и, что эта цифра имеет устойчивую тенденцию к росту.

Интересно отметить, что все эксперты, собравшиеся в ИОН, уже в январе 1990 года говорили об объединении как о вопросе решенном.

Часть участников анализа рекомендовала руководству СССР безоговорочно поддержать объединение, сделав это как можно скорее. При этом предлагалось закрепить решение политических проблем в мирном договоре с объединенной Германией. Другие ораторы (в принципе тоже выступавшие за объединение) предлагали все же не форсировать решение германского вопроса, если возможно, потянуть время, окончательно убедиться, что Германия не поставит на обсуждение вопроса о пересмотре границ. Многие ораторы высказывались за активизацию связей советских инстанций с новыми общественно-политическими объединениями, возникшими в ГДР.

Начало 1990 года ознаменовалось в Москве активными поисками на высшем уровне оптимальной позиции Советского Союза в германском вопросе. 26 января в кабинете генерального секретаря встретились, помимо его самого, Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Крючков, С.Ф. Ахромеев, А.С. Черняев Г.Х. Шахназаров, А.Н. Яковлев, В.М. Фалин, Р.П. Федоров. Имеется лишь краткая запись выступлений в ходе обсуждения. В некоторых случаях звучало глубоко укоренившееся недоверие к немцам, к будущей Германии. Черняев пишет, что Крючков сказал примерно следующее: «...по нашим сведениям, по сведениям моих людей, государство гэдээровское практически развалилось, там уже не на кого опереться»[1]. Председатель КГБ предостерегал, что «Германия никогда не согласится с нынешними границами»[2].

Председатель Совета министров Н.И. Рыжков в начале своего выступления реалистически оценивал ситуацию. Он говорил, что начавшийся процесс уже не остановить, что «ГДР нам не сохранить... Экономика ее разносит. Все государственные институты распущены». Но далее глава правительства высказал неожиданное предположение, что если «отдавать все Колю» ... «то Германия через 20–30 лет развяжет третью мировую войну»[3].

Это совещание у Горбачёва интересно тем, что была поддержана идея создать новую площадку для переговоров – «4+2» (позднее названную «2+4»). Именно в этой инстанции, с участием министров иностранных дел шести государств, были согласованы окончательные условия объединения Германии. Подводя итоги совещания, генеральный секретарь дал указание Маршалу Ахромееву «готовиться к выводу войск из Германии»[4].

Начавшийся процесс объединения, остановить было уже невозможно. В конце мая 1990 года, в ходе переговоров М.С. Горбачёва, Э.А. Шеварднадзе, В.М. Фалина, А.Ф. Добрынина с президентом Дж. Бушем, Дж. Бейкером, Б. Скоуфортом советская сторона начинает сдавать позиции. М.С. Горбачёв

---

1 Черняев А.С. Есть ли у России шанс? Он — последний. С. 168.
2 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 308.
3 Там же. С. 309.
4 Там же. С. 311.

предлагает, чтобы оба президента сделали публичное заявление, что суверенная объединенная Германия «сама решит, какой военно-политический статус ей избрать — членство в НАТО, нейтралитет или что-то иное». Ясно, какой статус могли избрать стоявшие у власти в ФРГ христианские демократы. Дж. Буш немедленно подхватил этот тезис, предложил свою, но по сути совпадающую формулировку: «США однозначно выступают за членство Германии в НАТО, однако, если она сделает другой выбор, мы не будем его оспаривать…» – «Согласен. Беру вашу формулировку», – ответил Президент СССР[1].

В ходе этих важных переговоров В.М. Фалин, в это время – заведующий Международным отделом и Секретарь ЦК КПСС, пытается изменить ситуацию и вернуть участников беседы к горбачёвскому «общеевропейскому дому». Он говорит: «Гарантию дает только общеевропейская система, в которую на равных со всеми вольётся и объединенная Германия».

Вот как рассказывает о переговорах по членству единой Германии в НАТО преемник Э.А. Шеварднадзе в МИДе А.А. Бессмертных. Он говорил в интервью с журналистами из «Шпигеля» в мае 1993 года, что советский и американский руководители были полностью едины в том, что вопрос о принадлежности Германии к каким-либо союзам должны решить сами немцы. Советские политики предлагали подумать об одновременном членстве Германии в НАТО и ОВД, но, в конечном счете, похоже, дали себя убедить, что нейтральная Германия станет непредсказуемой величиной, что не шло бы на пользу ни Западу, ни Советскому Союзу.

Находившийся в мае 1990 г. в Москве госсекретарь США Дж. Бейкер убеждал М.С. Горбачёва, что «если Германия не будет твёрдо укоренена в европейских институтах, то могут возникнуть условия для повторения прошлого»[2].

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 475–476.
2 Там же. С. 438.

Какое-то влияние на достигнутое согласие оказали демонстративные дружелюбные шаги немецкой дипломатии. Так, министр иностранных дел ФРГ Х.-Д. Геншер возложил венок на могилу участника Великой Отечественной войны, отца своего коллеги Э.А. Шеварднадзе. Несколько позднее Геншер выступил против приёма Чехословакии в НАТО, аргументируя свою позицию тем, что нельзя пытаться изолировать Советский Союз в Европе. Немецкие делегаты сообщили участникам переговоров, что вооруженные силы объединенной Германии будут до 1994 года сокращены до 370 тыс. человек.

В итоге советское руководство фактически согласилось с тем, что объединенная Германия останется членом НАТО. Чтобы устранить советские страхи перед включением ФРГ в НАТО, госсекретарь Дж. Бейкер предложил в ходе переговоров в ОБСЕ ограничить число немецких солдат и урегулировать вопрос о будущем советских войск в Германии.

Шеварднадзе тогда же во время визита в Вашингтон идёт навстречу американцам. «Если американские гарантии будет кодифицированы, – говорит Э.А. Шеварднадзе, – Советский Союз может ещё до конца 1990 г. пойти на объединение Германии. Такое государство, – говорит он также, – само собой разумеется, свою принадлежность к союзам решит самостоятельно»[1]. Бейкер не мог скрыть своей радости и уже в тот же вечер позвонил Бушу и сказал: «Советы согласились в германском вопросе». Затем Бейкер разбудил звонком Г.-Д. Геншера, который был в Копенгагене: «СССР наконец готовы к старту».[2]

12 июня 1990 г. Горбачёв заявил в Верховном Совете СССР о своей готовности согласиться с включением объединенной Германии в НАТО. Он сказал также, что если лидеры НАТО согласятся из военного союза сделать политический, проблема германского воссоединения была бы легче решена. Но делать это на деле никто не собирался.

---

1 «Der Spiegel». 1993. H. 18. S. 151.
2 Ibid.

Интересно, что Роберт Скоуфорт, помощник президентов США Джеральда Форда и Дж. Буша-ст., в проекте документа о будущем НАТО, который он готовил для предстоящего в июле 1990 года заседания Совета НАТО, писал: «Холодная война завершена». Он предлагал, чтобы Восточная Европа получила в НАТО постоянное представительство, а Горбачёв должен занять место в Совете НАТО. Буш довел план Бейкера до сведения Коля, Тэтчер, Миттерана, Андреотти и генсека НАТО Манфреда Вернера. Последний ответил, что «он рад ходу дел, что обычно он пьёт утром кофе, но в связи с посланием президента выпил шампанское»[1].

Между тем, ситуация в ГДР осложнялась с каждым днем. Помимо названных Н.И. Рыжковым признаков распада, были и другие. За 1989 год покинули ГДР и переехали в ФРГ 380 тыс. человек. В течение января 1990 год еще 55 тыс. граждан ГДР переселились на запад. Коль в беседе с Горбачёвым 10 февраля 1990 г. предположил, что в течение этого месяца число переселенцев увеличится ещё на 65-70 тыс. Обрушился авторитет государства, что проявилось в январе в разгроме здания Министерства государственной безопасности. В той же беседе с Горбачёвым Коль сообщил, что даже государственные предприятия ГДР требуют производить оплату своей продукции в западных марках. По информации Коля, в ГДР подымается волна мести по отношению к недавним представителям власти, и в стране против них началось около ста судебных процессов. Канцлер сообщил, что в ФРГ приезжают офицеры Национальной народной армии и заявляют о своей готовности служить в бундесвере[2].

Незадолго до отъезда в Москву Коль сделал заявление о необходимости создания валютного союза ФРГ и ГДР. Переговоры М.С. Горбачёва и Г. Коля в феврале 1990 г. оставляют впечатление, что вопрос об объединении Германии перестал быть предметом дискуссии: объединение предрешено. Такое же впечатление оставляют и переговоры с американцами.

---

1 «Der Spiegel». 1993. H. 18. S. 151.
2 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 342.

За день до встречи с Колем Горбачёв и Шеварднадзе встретились с государственным секретарем США Дж. Бейкером. Здесь собеседники в центр обсуждения поставили проблемы, которые могут возникнуть после объединения. Как заявил государственный секретарь, «вскоре внутренняя интеграция Германии станет фактом». Бейкер высказывался за сохранение в объединенной Германии американского присутствия «в рамках НАТО»[1].

Он говорил, что при этом «должны быть даны гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток». Горбачёв подчеркнул, что «расширение зоны НАТО является неприемлемым»[2]. Как справедливо заметил в свое время Талейран, в политике, как и в музыке, мотив, не положенный на ноты, не имеет цены. Горбачёв это понимал. В интервью американскому журналу «Тайм» 22 мая 1990 г. он говорил: «Никакие самые, может быть, искренние заверения, сделанные сейчас под горячую руку, не могут заменить прочных международных гарантий навсегда мирного развития и навсегда мирной политики Германии»[3].

Надежды части населения ГДР и советских лидеров, что Ханс Модров во главе правительства сможет взять под контроль ситуацию в ГДР, не оправдались. После мартовских выборов в Народную палату ГДР, была образована коалиция двух правых партий. Премьер-министром стал председатель ХДС ГДР Лотар де Мезьер. Одним из важных шагов его правительства было подписание в мае 1990 года договора с ФРГ о создании валютного, экономического и политического союза[4].

С мая по июль 1990 года в Бонне, Берлине и Париже велись переговоры по формуле «два плюс четыре», т.е. двух немецких государств и представителей четырех держав-победительниц (СССР, США, Великобритании и Франции).

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 334.
2 Там же. С. 338.
3 Там же. С. 449.
4 Полный текст договора опубликован в официальном сборнике документов «Die Vereinigung Deutschland im Jahre 1990». Bonn, 1991. S. 121.

В середине июля 1990 года состоялись встречи М.С. Горбачёва и Г. Коля в Москве и Архызе, имевшие важнейшее значение для завершения процесса объединения Германии. Здесь обсуждались судьба советских войск в Германии, членство Германии в НАТО и численность будущей германской армии. В.М. Фалин накануне встречи в Архызе считал возможным добиться того, чтобы объединенная Германия не входила (по примеру Франции) в военную организацию НАТО. Он изложил свою позицию Горбачёву. Президент ответил: «Я сделаю всё, что смогу, но не уверен, что поезд уже не ушёл»[1].

Коль заявил в ходе переговоров, что объединенная Германия будет входить в НАТО. Восточная Германия «не будет входить в сферу действия НАТО до тех пор, пока на бывшей территории ГДР находятся советские войска»[2]. Был также поставлен вопрос об обучении советских военнослужащих гражданским профессиям, которые могут понадобиться при переходе на рыночную экономику.

На встрече в Архызе советская сторона ещё раз подчеркнула признание полного и неограниченного суверенитета будущей объединенной Германии, приняла как основу для детальных переговоров срок вывода группировки советских войск с территории ГДР в 3-4 года. Стороны условились, что между СССР и объединенной Германией будет заключен «всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор».

Было решено, что до вывода советских войск с бывшей территории ГДР здесь не будут находиться войска НАТО, а войска бундесвера, не входящие в военную организацию НАТО, могут располагаться на этой территории. В связи с этой проблемой представляет интерес заявление Г. Коля на пресс-конференции по итогам встречи. Канцлер сказал: «мы согласились с

---

1 Маслов С.Л. Германия с глазу на глаз. Немцы, какими бы нам не мешало их видеть. М., 2015. С. 379.
2 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 502.

тем, что после вывода советских войск на этой территории (т.е. на бывшей территории ГДР. – *К.Б.*) не будут размещаться негерманские части»[1].

Немецкая сторона в ходе встречи в Архызе сделала заявление о том, что вооруженные силы объединенной Германии за 3-4 года будут сокращены до 370 тыс. чел. Министр иностранных дел ФРГ Геншер предлагал ещё большее сокращение. В «Воспоминаниях» Коль отмечал, что в этом случае пришлось бы перейти от призыва в бундесвер к созданию профессиональной армии. В беседе с Горбачёвым накануне отлета в Архыз Коль сослался на К. Маркса, «который был отцом концепции создания армии на основе призыва военнообязанных»[2]. Было условлено, что объединенная Германия откажется от производства, владения и распоряжения атомным, биологическим и химическим оружием и останется членом Договора о нераспространении ядерного оружия. Обсуждались также вопросы сотрудничества СССР и объединенной Германии в сфере экономики и финансов. День спустя на совместной с Колем пресс-конференции Горбачёв заявил журналистам: Хотим мы или нет, но пришло время, когда объединенная Германия, если она этого хочет, станет членом НАТО.

Как сообщает «Шпигель» Буш «был расстроен, что проблема была решена в конечном счете Колем и Горбачёвым между собой», т.е. без американцев. Шпигель: «Утром 12 июля Буш 45 минут говорил с Горбачёвым по телефону. Он хотел проинформировать Горбачёва о результатах Лондонской конференции. Но в действительности он хотел помешать тому, чтобы в будущем советско-немецкое сотрудничество в обход Вашингтона не превратилось в постоянную институцию. Буш дал понять шефу Кремля, что архитектором всего происходящего был он, президент США»[3].

Трудно понять, почему советская сторона согласилась с жестким, очень плотным календарем переговоров. Подписание договора об объединении ФРГ и ГДР было назначено на 31 августа, через 12 дней должно было состо-

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 539.
2 Kohl H. Op. cit. S. 171.
3 Der Spiegel, 1993. H. 18. S. 153.

яться подписание великими державами Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии и т.д. Представляется, что спешка, навязанная Колем, была вызвана стремлением завершить процесс объединения до намеченных на 2-е декабря выборов в парламент объединенной Германии.

Позднее вокруг договоренностей в Архызе в советской и российской научной и публицистической литературе можно было встретить много критических заявлений в адрес Горбачёва, который, «пошел на неоправданные уступки», «продешевил, мог получить с другой стороны больше, чем получил» и т.п. Некоторые из претензий, предъявляемых М.С. Горбачёву, справедливы. Решения, принятые в Архызе, уязвимы с юридической точки зрения хотя бы потому, что они касались судьбы третьего государства, суверенной ГДР, которая была полноправным членом Организации Объединенных наций. Есть достаточно оснований считать, что и со своими союзниками, членами Организации Варшавского договора, Москва не консультировалась и не советовалась. Но в вопросах «компенсаций» за уход советских войск из Восточной Германии упрёки несправедливы.

Одним из наиболее компетентных и жестких критиков М.С. Горбачёва являлся В.М. Фалин. Он сообщает, что до встречи в Архызе рекомендовал Горбачёву добиться от Коля, чтобы объединенная Германия не входила в НАТО. На худой конец чтобы Германия последовала примеру Франции при де Голле, т.е. вышла из военной организации Североатлантического объединения.

В 2007 году были опубликованы мемуары канцлера Коля, относящиеся к 1990–1994 гг. Коль вспоминал, что между двумя сторонами имела место жесткая дискуссия, упорный торг. Конечный результат является не свидетельством «сдачи позиций» или «дешёвой распродажи», а итогом трудного компромисса.

Уже после Архыза в переговорах двух руководителей обсуждался размер финансовых средств, выделяемых Германией для строительства на территории СССР квартир для офицеров советских войск, выводимых из Герма-

нии. В телефонном разговоре с Горбачёвым 7 сентября 1990 г. Коль назвал «реалистическую общую сумму в 8 млрд. марок». В ответ Горбачёв назвал сумму 11 млрд. марок. По его мнению, названная Колем сумма «взрывает всю проделанную нами работу». Партнеры условливаются о новом разговоре, который состоялся 10 сентября 1990 г. Коль говорит, что ФРГ готова оказать содействие в строительстве 36 тыс. квартир и расчеты показывают, что на это потребуется 11-12 млрд. марок. Горбачёв в ответ называет сумму в 15-16 млрд. марок. Коль оспаривает это предложение, а Горбачёв сообщает, что предложение Коля его разочаровало. В конечном счёте после жесткого торга стороны договорились, что ФРГ выделяет 12 млрд. марок и дает СССР беспроцентный кредит в 3 млрд. марок[1]. О дальнейшей судьбе «квартирного вопроса» рассказал Г.Коль в своих мемуарах. После вывода советских войск в конце августа 1994 г. у Коля состоялась беседа tet a tet с российским президентом. Канцлер, ссылаясь на недобросовестность турок – строителей, заявил, что он больше не может дать «ни пфеннига» для удовлетворения требований России, связанных со строительством квартир. «С пустыми руками и сознанием нашего провала, – пишет Коль, – я мог только просить друга Бориса о снисхождении, и что делает этот русский властный человек после возбужденной дискуссии экспертов? К всеобщему удивлению его окружения, Ельцин сказал: «Я не стану создавать каких-либо трудностей для Федеративного канцлера». Тем самым для немцев проблема была решена»[2].

То есть неправомерно говорить о «неоправданных уступках», поскольку речь идет о жесткой дискуссии, в ходе которой немецкая сторона согласилась выделить СССР на несколько млрд. марок больше, чем предлагала вначале.

12 сентября 1990 г. в Москве министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР был подписан Договор об

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 563–564.

2 См. Kohl H. Op. cit. S. 717-718. Этот эпизод, включая некоторые дополнительные детали, описан и в информативной работе И.Ф. Максимычева: см. Максимычев И.Ф. Указ. соч. С. 331.

окончательном урегулировании в отношении Германии. Незадолго до этого в Москве был подписан Договор о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве Советского Союза с объединенной Германией.

В конце сентября 1990 года темой переговоров двух сторон стала начавшаяся в Восточной Германии «охота на ведьм», преследования бывших деятелей социалистической ГДР. Горбачёв направил Колю специальное письмо по этому поводу. Он писал, что тысячи людей собираются судить за «национальную измену, за преступления против человечности», а также «за подрывную деятельность в интересах иностранного государства». Горбачёв обращал внимание Коля на то, что начинают сводить счеты за поведение и политику в другом государстве, которое жило по своим законам. Что касается «услужения иностранному государству», – писал Горбачёв, то «не будем в игры играть – метят в Советский Союз, пренебрегая его вкладом в восстановление единства Германии». Президент СССР предлагал канцлеру ФРГ изыскать способ охладить усердие тех, кто не прочь продлить «холодную войну» на внутригерманском фронте[1].

Это был последний контакт советского лидера с канцлером ФРГ в условиях разделенной Германии. 3 октября 1990 г. стало днем германского единства. Второе немецкое государство, Германская Демократическая Республика, перестала существовать[2].

Берлин становился единым городом. Советские войска могли оставаться на территории бывшей ГДР до 1995 года (фактически они были выведены досрочно в 1994 году). Германия взяла на себя расходы по содержанию советских войск на территории Германии и по их обустройству в новых местах размещения. Немецкая сторона обязывалась воздерживаться от размещения на территории бывшей ГДР иностранных вооруженных сил, ядерного оружия или его носителей.

---

1 Kohl H. Op. cit. S. 593–594.

2 В Бонне была издана вся документация, сопровождавшая объединение Германии («Die Vereinigung Deutschlands im Jahre 1990». Bonn, 1991).

Немного позже, в октябре 1990 года, было достигнуто важное соглашение НАТО и ОВД, был подписан Договор об ограничении обычных вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ). Смысл договора состоял в том, что в регионе, где войска двух блоков соприкасались, т.е. в Центральной Европе, они подлежали наибольшему сокращению. Договор призван был также выровнять обычные вооруженные силы двух сторон (до подписания договора СССР обладал здесь большим преимуществом). Договор вступил в силу в 1992 году, уже после распада СССР и ОВД. Поскольку вся военно-политическая ситуация в Европе изменилась, Российская Федерация инициировала новые переговоры по размещению вооруженных сил в Европе.

В октябре 1990 года произошло ещё одно событие, означавшее, как тогда казалось, дальнейший прогресс в мирном развитии европейского континента. По инициативе Москвы главами государств-участников СБСЕ была подписана «Парижская хартия для новой Европы». Документ официально подтверждал окончание «холодной войны». Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе превращалось в постоянно действующий фактор международной жизни, (позднее, уже в 1994 году СБСЕ было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе). В другом документе, принятом в Париже, отмечалось, что страны НАТО и ОВД не рассматривают друг друга в качестве возможных противников.

С момента создания новой, объединенной Германии прошло четверть века. Но и сегодня между учеными, политиками и публицистами идут споры об оценке объединения Германии. Автор диссертации согласна с теми, кто признает историческую неизбежность и справедливость объединения страны. Раскол Германии был одним из главных очагов «холодной войны». С ее затуханием, с улучшением отношений между великими державами, проблема, отравлявшая международные отношения, не раз приводившая к опасным кризисам и даже к порогу мировой войны, была устранена. Это главное. Объединение позволяло новому единому германскому государству стать более самостоятельным в своей внешней политике, что позднее проявилось, в

частности, в связи со второй иракской войной (2003 год.). Объединение было естественным и неизбежным событием для 82 млн. немцев. Более чем 25-летний опыт германского единства показывает, что опасения многих крупных европейских политиков по поводу будущей «агрессивной» роли Германии на континенте не оправдались.

Роль СССР в объединении Германии была решающей. Руководству нашей страны было непросто, учитывая трагические события середины XX в., занять позицию активной поддержки стремления немецкого народа к объединению. В Советском Союзе были как оправданные, так и преувеличенные опасения перед будущей единой Германией, были даже настроения в пользу силового вмешательства с целью не допустить германского объединения.

Необходимо также понимать, что для части населения ГДР объединение страны стало крушением надежд на создание социалистического немецкого государства. Но это крушение было неизбежным следствием неудачи исторического социального эксперимента не только в Восточной Германии, но и в Советском Союзе и в Восточной Европе.

История объединения Германии, судьба ГДР стали предметом многочисленных исследований в Германии, Советском Союзе (России), в других странах. Но не все архивы ещё открыты, не на все вопросы найдены ответы. Точку в изучении германского вопроса ставить рано. Эти темы требуют дальнейшего анализа и обсуждения.

Выводы по 2 главе.

Провозглашённые М.С. Горбачёвым «перестройка» и «новое мышление», не сразу воспринятые в ФРГ доброжелательно, в конечном итоге способствовали решению германского вопроса посредством преодоления наследия «классовой внешней политики» и снятия напряжённости времён «холодной войны».

В это же время принимаются важные и прорывные решения в сфере стратегической стабильности, проходят успешные переговоры СССР и США

в сфере ограничения вооружений. Отношения крупных западных держав к объединению Германии, нередко отличалось лицемерной гласной поддержкой объединения и попытками за кулисами событий притормозить начавшийся процесс.

Обстановка в обоих немецких государствах была непростой. В Восточной Европе и, прежде всего, в ГДР, развивается критическое отношение к событиям в СССР. 45-летняя жизнь в условиях раскола страны не привела к созданию в обоих немецких государствах сколько-нибудь серьёзного освободительного движения. Но в связи с переменами в Советском Союзе в середине 80-х годов начались необратимые изменения. Резко повысилось национальное сознание, в ГДР впервые народ вышел на улицу с требованием реформ. Экономический спад и центробежные тенденции в Советском Союзе, как и серьезный кризис экономики, политических институтов и бегство на Запад сотен тысяч граждан ускорили ход переговоров об объединении Германии.

Руководство СССР не проявило необходимой твёрдости в отстаивании интересов своей страны. Оно приняло темпы и условия объединения, навязанные Федеративной Республикой, а определённые позитивные достижения советской стороны, достигнутые в ходе переговоров, не были зафиксированы в международных правовых документах.

Глава 3.
Внешняя политика объединённого германского государства на рубеже XX-XXI веков

После объединения Германии стали формироваться базовые векторы ее внешней политики. На повестке дня оказались вопросы общего внешнеполитического курса и его инструментов, приверженности к евроатлантическому союзу, к экономической европейской интеграции, к наращиванию влияния в мире. Именно в 90-е гг. XX в. полностью изжил себя тезис «ФРГ – экономический гигант, но политический карлик».

Изменения во внешнеполитическом курсе объединившейся ФРГ не могли не затронуть и германо-российских отношений. Поначалу на отношениях Германии к России сказывалась инерция понимания решающей роли Москвы в объединении страны.

В непростые для России 1990-е годы и в дальнейшем Германия заняла первое место среди торговых ее партнёров. Германия нередко выступала в эти годы в международных финансовых учреждениях в статусе игрока, который представляет интересы России. В дальнейшем двусторонни отношения эволюционизировали.

Исследованию указанных вопросов посвящена настоящая глава.

3.1. Базовые векторы внешней политики Германии после объединения (1990-1997 гг.)

На месте Западной Германии с территорией 248 тыс. кв. км и населением в 63 млн. человек и Восточной Германии с территорией 109 тыс. кв. км и населением в момент объединения более 16 млн. человек появилось государство с территорией в 357 тыс. кв. км и восьмидесятимиллионным населением, склонным к депопуляции из-за низкой рождаемости, но стабильно по-

полняемым за счёт миграции[1]. Германия закрепила за собой место первого по численности населения государства Европы (за пределами России) и стала третьей по территории (после Франции и Испании) страной в Западной Европе.

Правительство Г. Коля, политические партии ФРГ в первое десятилетие после объединения стояли перед задачей определения основных направлений внешней политики нового государства. Эта задача возникла не только в связи с решением германского вопроса, но и в тесной связи с другими важными переменами в европейской и мировой ситуации.

Прежде всего, прекратилась «холодная война», в ходе которой оба немецких государства играли роль авангардного отряда двух противоборствующих союзов. Именно на немецкой земле друг против друга в течение более четырех десятилетий стояли войска НАТО и ОВД. В конце 1991 года с политической карты мира исчез Советский Союз и в одночасье распространенный десятилетиями пароль «русские идут!» стал анахронизмом. Уже в начале 90-х гг. было очевидным, что через короткое время последний российский солдат покинет немецкую территорию.

С объединением Германии утрачивали силу права четырех держав победительниц, полностью исчез их прямой и косвенный контроль над внутренней и внешней германской политикой. Все их многочисленные общие и раздельные приказы и постановления, включая и решения «большой тройки», теперь принадлежали истории (кроме решений о границах Германии). В лице объединенного немецкого государства мир получил в начале 90-х годов новый центр силы, поворот которого (или крен) в ту или иную сторону будет отражаться на всей системе международных отношений.

Вместе с тем утверждение профессора К. Хакке, что Германия «превратилась в образец международного разоружения»[2], представляется автору диссертации преувеличением. Конечно, уход войск трех держав из Западного

---

1 Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 415.
2 Хакке К. Указ. соч. С. 235.

Берлина в 1990 года, вывод с территории ФРГ к июлю 1993 года канадского контингента и к осени 1994 года – российской Западной группы войск, серьёзное сокращение бундесвера[1], всё это имело место. Но на территории Германии остались американские военные базы, стратегическая инфраструктура (в виде радиальных и рокадных шоссейных дорог, военных аэродромов, складов и топливных трубопроводов), а также несколько десятков тысяч американских солдат.

К. Хакке отмечает ещё один новый аспект воздействия «внешней среды», который должен был отразиться на политике ФРГ: «Исчезло, – пишет п рофессор, – внешнеполитическое соперничество между Федеративной Республикой и ГДР, резко сужавшее в течение десятилетий внешнеполитические интересы. Никто не мог больше в экономическом и политическом плане разыгрывать «германскую карту», играть, как в прошлом играли, на противоречиях ГДР и ФРГ»[2].

Нет сомнения, что трудности адаптации, «сращивания» двух государств косвенно оказывали влияние и на внешнеполитические проблемы. И дело тут было отнюдь не только в трудностях для германского казначейства. Так, настроения в обществе на востоке страны были противоречивы. Отнюдь не все восточные немцы приветствовали банкротство коммунистической идеологии и государственности, значительный процент населения пострадал от перехода к капиталистическим отношениям, выразившемся и в банкротстве многих предприятий, неоднозначных переменах в трудовых отношениях и социальных гарантиях, а также в политически мотивированных санкциях по отношению к представителям прежнего государства (включая, например, увольнение большей части офицеров бывшей Немецкой народной армии).

Однако в большинстве своем немцы перестали ощущать свою страну «государством-огрызком». Ощущение «немецкой вины» несколько ослабло;

---

1 В штате вооруженных сил объединенной страны, насчитывавшем в обоих немецких государствах более 700 тыс. человек, в конце XX века числилось 347 тыс. человек. См.: Der Fischer Weltalmanach 2001. Frankfurt-am-Main, 2001, S. 101.
2 Ibid. S. 236.

если раньше оккупация и диктат победителей воспринимались как наказание за прежние грехи Германии, то общество новой Германии ощущало за собой нравственно обоснованное право вести более самостоятельную и активную внешнюю политику.

В геополитическом плане Германия как бы сдвинулась на северо-восток. Объединенная страна имела более протяжённое балтийское побережье и могла с большим правом чувствовать себя морской державой. Было ясно, что Германии предстоит пережить трудный период, но почти никто не сомневался в том, что она станет новым политическим силовым центром в Европе.

Общественное мнение в новом государстве на объединение и восстановление суверенитета Германии отреагировало специфически. И полтора десятка лет спустя после падения «берлинской Стены» многие немецкие интеллектуалы усматривали в результатах объединения правую угрозу.

Как считают, основываясь на работах Г. Шёльгена и Г. Ланггута, Н.В. Павлов и А.А. Новиков, объединение вызвало и тревожную реакцию в либеральных и левых кругах. Речь идёт о том, что в тесной связи с германской историей в XX столетии, объединение привело к парадоксальной ситуации в психологии немцев: они начали испытывать страх перед самими собой, перед собственной возросшей мощью. Немцев, прежде всего, из западной части Германии, стало тревожить, что их начнут бояться их соседи, партнёры и союзники. Многие официальные лица ФРГ стали избегать говорить о национальных или государственных интересах, переводя разговор на коллективные интересы, коллективную ответственность в рамках ООН, НАТО или ЕС. Этим, видимо, объясняется неуверенность и противоречивость первых внешнеполитических шагов Федеративной Республики в ходе «адаптационной фа-

зы», которая растянулась практически на все восемь лет правления Г. Коля после восстановления германского единства[1].

Профессор Бохумского университета Ганс Моммзен в 2004 году заявил, что объединение Германии привело к размыванию общенациональных партий при усилении влияния крайне правых течений (которое несомненно имело место в 90-е годы, особенно на территории бывшей ГДР), а потому «мы [Германия] становимся всё более похожими на Веймарскую республику – по крайней мере, в том плане, что происходит отход избирателей от больших партий»[2]. После 1990 года можно было наблюдать осторожность, стремление руководителей ФРГ не спешить с реализацией новых возможностей Федеративной Республики, т.е. не выдвигать какие-либо требования к соседним и другим государствам.

Однажды, во время беседы на TV Брандт выразил удовлетворение тем, что в ходе этой передачи никто из участников не использовал в отношении Германии слова «мировая держава», хотя «такое определение, – по словам Брандта, – уже является предметов бормотания (murmeln)»[3].

Как уже отмечено выше, внешняя политика объединенной Германии осуществлялась на фоне особых трудностей, связанных с необходимостью сложной и затратной адаптации 14 миллионов новых граждан, бывших жителей Германской Демократической Республики. Эта проблема носила, прежде всего, экономический характер: речь идет о серьёзном отставании централизованной и плановой экономики восточной Германии от конкурентной рыночной экономики ее запада. В 90-е годы потребовались огромные, достигающие 150 млрд. марок ежегодных вливаний в реконструкцию и модернизацию промышленности и других отраслей хозяйства в «новых» землях. Это, в свою очередь, создало проблемы в связи с необходимостью поддержания

---

1 Павлов Н.В., Новиков А.А. Указ. соч. С. 330. Со ссылкой на: Шёльген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика. М., 1994; Ланггут Г. Немцы в поисках безопасности. М., 1995.

2 См.: Германия Вызовы XXI века / Под редакцией В. Б. Белова. М., 2009. С.14 (Со ссылкой на: «Süddeutsche Zeitalter», 14 Juni 2004).

3 Brandt W. Berliner Ausgabe. Bd. 10. S. 459.

социальной сферы на сравнительно высоком уровне, от чего зависела и социальная стабильность в стране.

Все эти факторы должны были учитывать социал-демократы, «христианские демократы» и «свободные демократы», а также и лидеры новых политических организаций, возникших накануне и во время объединения. В верхушке СДПГ можно было найти и «условных» противников объединения (точнее – сторонников неспешного, поэтапного сближения двух немецких государств. К этому кругу принадлежал и премьер-министр Саара (1985–98 гг.), заместитель председателя партии (1987–95 гг.) и ее председатель в 1995–99 годах, Оскар Лафонтен, ряд других деятелей партии и Объединения немецких профсоюзов. Причиной такой позиции были опасения, что стремительное (по словам В.М. Фалина — «в два присеста»), объединение создаст серьёзные экономические трудности для ФРГ и поведет к заметному понижению жизненного уровня населения.

Стоит остановиться и на позиции многолетнего политического и духовного лидера социал-демократов Вилли Брандта. Нет сомнения, что в принципе он был за преодоление раскола страны, что именно он своим новым подходом к отношениям с СССР в годы своего канцлерства (1969–74 гг.) проложил путь к будущему объединению. Но когда это объединение свершилось, он говорил о том (выше об этом упоминалось), что ликвидация Германской Демократической Республики означала одновременно «поражение социализма».

С точки же зрения автора данной работы, это было не поражением социализма и социалистической идеи в целом, а поражением одной из попыток воплощения социализма, точнее, его восточноевропейской модели, сложившейся после 1917 и 1945 годов,— с её однопартийной системой, дефицитом демократии и сверхцентрализованной государственной экономикой.

Социал-демократическая партия Германии выступила в мае 1991 года с публикацией материалов Комиссии по основным ценностям, где шла речь и

об отношениях ФРГ с другими государствами[1]. В разделе «Германия – вчера и сегодня» говорится: «Если немцы на Востоке и на Западе снова говорят «мы немцы», что они этим хотят сказать?

1. Мы принадлежим друг другу. История, которая нас объединяет, намного длиннее и более пестрая (bunte), чем 40 лет насильственного разделения... быть немцем означает быть частью и соучастниками этой общей истории, с её взлетами и падениями...

2. С принятием нашей истории мы принимаем вместе также ответственность за историческую вину немцев. Не могут быть забыты наши особые обязательства перед еврейским народом. Если мы хотим добиться добрососедства по отношению к нашим восточным соседям, подобного тому, которое есть по отношению к британцам и французам, мы должны иметь в виду, какие глубокие раны оставила там нацистская воля к порабощению и истреблению.

Германия должна стать страной встреч и посредничества... Немецкое объединение обязывает нас поощрять и европейское единство.

В Германии есть историки и политологи, считающие, что в 90-е годы Социал-демократическая партия всё ещё ориентировалась на идеи 60-70 г.г. не учитывала в своей деятельности современных протестных настроений. Политолог Франк Вальтер писал в середине десятилетия, что «благодаря персональному составу руководства партия является консервативной, позавчерашней и нединамичной… Она осталась партией «семидесятников», которые все еще считали себя внуками, в то время как они уже дедушки»[2].

Учитывая дальнейший опыт деятельности социал-демократов, обновление их программных документов и, отчасти, практическую политику во главе правительства «красно-зелёной» коалиции в 1998-2005 гг., такая оценка представляется несправедливой.

---

1 Deutschland als Aufgabe. Grundwertkommission der SPD. Berlin, Mai, 1997.

2 Walter F. Die ziellose Republik. Gezeitenwechsel in Gesellschaft und Politik. Köln, 2006. S. 121

Первым серьёзным испытанием политики правительства на международной арене стал кризис в Персидском заливе – оккупация Ираком соседнего Кувейта. Небольшое, но богатое нефтью государство было объявлено 19-й провинцией Ирака, иностранцы, работавшие в Ираке, были задержаны в качестве заложников. В начале ноября заложников (главным образом, граждан стран Западной Европы) распределили между стратегически важными пунктами в качестве «живого щита».

Реакция общества на кризис в Персидском заливе весной 1991 года, – отмечают Н.В. Павлов и А.А. Новиков, – была ещё типично западногерманской. По старым федеральным землям прокатились массовые пацифистские демонстрации, а муниципалитет города Бонна даже отменил из моральных соображений традиционный весенний карнавал. То, что в тех политических обстоятельствах подразделения бундесвера не смогут войти в состав коалиционных сил, иными словами, принять участие в боевых действиях вне зоны ответственности НАТО, по существу не подвергалось сомнению»[1]. Правительство Г. Коля, лишь недавно пожинавшее плоды мирной победы и комплиментарные заявления (в т. ч. от президента США Дж. Буша) о возвращении Германии в число великих держав и даже о том, что Германия стала «мировой державой», теперь попало в сложное положение. Однако, правительство ФРГ выдержало нажим и в военных действиях участия страна не принимала. После начала наземной операции коалиционных сил против Ирака, 25 февраля, было опубликовано заявление Г. Коля: «Мы твёрдо и нерушимо стоим на стороне наших союзников». Но и после этого ФРГ оказала коалиции лишь медицинскую помощь, корабли ВМС Германии были направлены в Персидский залив только для разминирования.

В отношении к этому кризису крупных политических партий ФРГ не было сколько-нибудь серьёзного различия.

Позицию социал-демократов озвучил в парламенте 14 января 1991 г. В. Брандт, выступивший за применение силы в Заливе. Он даже упрекнул

1 Павлов Н.В., Новиков А.А. Указ. соч. С. 333.

президента СССР М.С. Горбачёва в медлительности и нерешительности перед лицом персидской агрессии и выразил опасение, что советский руководитель, лауреат Нобелевской премии мира, находится «в острой опасности потерять политический кредит» в связи со своей позицией. Под аплодисменты всех присутствующих Брандт выразил надежду, что лауреат еще имеет возможность «избежать такой беды»[1]. «Право освободить Кувейт силой, – говорил Брандт, – неоспоримо»[2].

Представляет, однако, интерес тот факт, что в том месте речи, где оратор призывал принять участие в коллективной акции против Ирака, аплодисменты раздались только на скамьях депутатов от ХДС/ХСС. Значительная часть собственной партии оратора еще находилась под влиянием пацифистских настроений (как и партия «зелёных»). 15 мая Совет Безопасности ООН высказал требование о немедленном уходе иракских войск из Кувейта.

Несколькими неделями раньше В. Брандт выезжал в Ирак для переговоров с С. Хусейном, прежде всего, для обсуждения освобождения заложников. Визит оказался продуктивным: вместе с В. Брандтом вылетели в Европу 198 человек (среди них 138 немцев). Как писал сам Брандт, правительство ФРГ «не имело каких-либо возражений против моей частной миссии». Он заручился также поддержкой Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра. Но интересный нюанс характеризует отношения социал-демократов и других парламентских партий в эти первые месяцы после объединения. На предложение канцлера Г. Коля взять с собой в Багдад представителей ХДС/ХСС и Свободной демократической партии, Брандт ответил отказом[3]. В упомянутой речи в бундестаге Брандт отметил, что в Багдаде не учитывают того, что Москва (а также Пекин) на уровне ООН приходят к соглашению с

---

1 Речь В. Брандта в бундестаге 14 января 1991 г. в связи с кризисом в Персидском заливе. См.: Brandt W. Gemeinsame Sicherheit. Berliner Ausgabe. Bd. 10. S. 490.

2 Ibid. S. 492.

3 В. Брандт отмечал, вернувшись в Берлин, что беседа касалась широкого спектра тем (Ibid. S. 473).

Вашингтоном, а некоторые там вообще не хотят замечать роль СССР как всемирно-политического фактора[1].

Когда война против Ирака началась, правительство Г. Коля поддержало усилия Совета Безопасности ООН и правительства США по восстановлению status quo ante в регионе. Однако, повторяем собственного участия бундесвера в «войне в Заливе» ФРГ удалось избежать. Германия, согласно Конституции, по-прежнему не имела права на применение вооружённой силы вне зоны ответственности НАТО. Но уже в сентябре 1991 года на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел Германии Г.-Д. Геншер заявил, что «Германия возьмёт на себя все права и обязанности, вытекающие из Устава ООН, включая меры коллективной безопасности, в том числе с помощью наших вооружённых сил. Для этого мы намерены изменить нашу конституцию»[2]. В 1994 году, когда Конституционный суд принял решение о правомерности использования бундесвера за пределами Германии и зоны ответственности НАТО, «с целью предотвращения кризисов и конфликтов, которые могут нанести ущерб целостности и стабильности Германии»[3]. В составе бундесвера появились специальные «Силы кризисного реагирования», насчитывавшие 54 тыс. солдат и офицеров. В анализируемый период подходы к применению Германией военной силы претерпели существенные изменения[4].

Что касается отношений Германии с Российской Федерацией в 90-е гг., то они отличались стабильностью. Профессор Н.В. Павлов, говоря об этих отношениях периода канцлерства Г. Коля и президентства Б.Н. Ельцина, да-

---

1 Brandt W. Op. cit. S. 499.

2 См.: Aktuelle Analysee. Köln, 1992. S. 1–8.

3 Н.В. Павлов пишет, ссылаясь на Министерство обороны ФРГ, что немецкие военнослужащие все-таки принимали участие в разведывательных операциях AWAKS; автор называет позицию правительства ФРГ «дипломатией чековой книжки», т.к. Германия выделила 17 млрд. марок для того, чтобы «откупиться» от участия в боевых действиях» (См.: Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. С. 596).

4 См.: Белозёров В.К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 128-138.

же пишет, что руководство Германии «демонстративно фаворитизировало в политическом и моральном отношениях» главу Российской Федерации[1].

В своей статье «Россия и Европа: условия и перспективы сотрудничества», опубликованной в 1992 году, директор Федерального института восточноевропейских и международных исследований профессор Гейнц Тиммерман писал: «Новая Россия уже из-за своей величины будет играть центральную роль в регионе и оказывать сильное влияние на развитие в Европе». Автор фиксирует образование в России двух линий — национал-патриотической и западнической. Он обеспокоен тем, что неудача любого из этих направлений поведет к установлению в России «умеренного авторитарного режима с сильной исполнительной властью»[2].

Все договоры и соглашения, подписанные Советским правительством с Германией или по вопросам ее воссоединения, теперь становились обязывающими для России как правопреемника и продолжателя распавшегося советского государства. Германия активно поддерживала рыночные реформы, проводившиеся в России и даже постоянно выступала в роли благожелательного посредника в отношениях Москвы с западноевропейскими державами и Европейским Союзом. Обе стороны отказались от взаимных финансовых претензий, Российская Федерация сняла с повестки дня свои требования о финансовой компенсации за оставляемое на территории Германии недвижимое имущество своих войск, а немцы, со своей стороны, отказались от требования возмещения ущерба, нанесенного германской экологии в районах дислокации, учений и передвижения российских (советских) войск.

В 1992-97 гг. состоялось несколько официальных и 13 рабочих встреч руководителей двух стран[3]. Состоялись также визиты главы правительства России В.С. Черномырдина и парламентской делегации Государственной Думы в Германию. Были учреждены новые Генеральные консульства, а так-

---

1 См.: Павлов Н.В.. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 280.

2 В распоряжении автора диссертации имеется рукопись статьи Г. Тиммермана.

3 См.: Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 483.

же были упразднены количественные квоты на численность сотрудников дипломатических представительств двух стран. Началось сотрудничество двух стран в освоении космоса, достигнута договоренность о взаимном возвращении культурных ценностей. Во время встречи Г. Коля и Б. Ельцина в Завидово (декабрь 1992 года) по просьбе немецкой стороны условленный в 1991 году срок вывода российских войск из Германии был сокращён на несколько месяцев (он завершился 31 августа 1994 г.).

Коль в Завидово информировал Ельцина, что в Германии существует мнение, что нужно подождать пока полностью определится ситуация в России. Коль с этим не согласен: «Мой тезис состоит в следующем: Германия и Россия соседи. Они близки географически и в культурном аспекте. Поэтому, я хотел бы, чтобы немецкая экономика получила мотивацию для большего ангажирования (в российском направлении – К.Б.). Наше совместное послание должно гласить: Германия и Россия должны быть друзьями и помогать друг другу в преодолении трудностей»[1].

Нельзя сказать, что такая позиция канцлера пользовалась всеобщей поддержкой в новом государстве. Время от времени часть немецкого общества проявляла свою антироссийскую позицию пример этого – публикация в самой распространенной газете Германии «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» обширной статьи «Наступательные планы Варшавского пакта против Германии и НАТО». Со ссылкой на документы ОВД, найденные в архивах Национальной Народной армии, в статье утверждалось, что ОВД планировала («вплоть до эры Горбачёва») вторжение в ФРГ с целью захвата территории Западной Германии, Дании, стран БЕНИЛЮКСА («в течение 13-15 дней»), а затем планировалось наступать в сторону Атлантики и Бискайского Залива, овладеть Францией и т.д. Планы командования ОВД якобы включали «массированное использование» и атомного оружия. «Открытие» ФАЦ было явно направлено на осложнение отношений ФРГ и стран ЕС с Россией[2].

---

1 Kohl H. Op. cit. S. 514.
2 Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1 Ferbuar, 1992.

Одним из важных аспектов отношений двух государств было инициированное германским правительство подключение России к участию во влиятельной международной институции, т.н. «семерке», которая постепенно трансформировалась в «восьмерку»[1]. Правительство Г. Коля содействовало вступлению России в Совет Европы. Не без благожелательной позиции Германии российской дипломатии удалось подписать несколько соглашений с так называемым Парижским клубом о реструктуризации внешнего долга; главный кредитор Германия согласилась при этом предоставить России длительную отсрочку на выплату долгов.

По объёму товарооборота между двумя станами в 1994 году Германия стала важнейшем партнёром России. Но, что касается экономических отношений в широком смысле, Н.В. Павлов справедливо отмечает, что в сравнении с притоком немецких капиталов в развитие хозяйства других стран, их «нельзя назвать значительными»[2]. Он пишет, что, например, в 1992 г. немецкие спонсоры вложили в российскую экономику всего 30 млн. марок, в то время как Венгрия получила за тот же период более 700 млн. марок, а Бельгия – почти 2 млрд. марок[3].

В чём же заключалась теперь после объединения Германии политика её правительства в отношении стран к востоку и югу от немецких границ? Ряд этих стран, расположенных неподалеку от виртуальной линии Берлин – Москва, ещё со времён сколачивания Версальской системы имел сомнительное счастье стать участником большой геополитической игры Запада против советского государства. Они были созданы и развивались прежде всего, как заслон, «санитарный кордон» на языке межвоенных десятилетий, против распространения бацилл коммунизма, овладевшего Россией. После Второй ми-

---

1 Б.Н. Ельцин был приглашен принять участие в мюнхенской встрече «семерки» (в заключительном заседании (июль 1992 г.): на следующее заседание он был приглашен в качестве гостя (июль 1993 г., Токио). Полноправным участником «семерки» российский президент стал в июле 1994 года.

2 Павлов В. Н. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс. М., 2017. С. 485.

3 Там же. Автор данной диссертации может к этому добавить, что население России в это время составляло примерно 140 млн. чел., население Венгрии – около 9,5 млн., а Бельгии – 11,5 млн. См. Fischer Weltalmanach. Zahlen—Daten—Fakten. Frankfurt a. M., 1996.

ровой войны эти страны (в первую очередь, Польша и Чехословакия) вынуждены были повернуть фронт на 180° и создать вместе со своими соседями «защитный вал» социализма. В данной работе нет места для анализа причин развала ОВД в начале 90-х годов, но все недавние «братские» страны, включая и три прибалтийские республики, весьма резво повернулись «кругом» и заспешили укрепить свои отношения с Западом. И в этом процессе Федеративная Республика Германия играла весьма существенную стимулирующую роль.

При определении приоритетов внешней политики молодого объединенного государства особая роль отводилась Польше. В отношении этого крупного постсоциалистического государства с самого начала 90-х годов проводилась активная политика сближения. Славянская страна, еще недавно бывшая членом ОВД и союзницей Советского Союза, теперь последовательно рвала прежние связи и демонстративно поворачивалась спиной к Москве. Через несколько недель после ликвидации военной организации Варшавского Договора, в июне 1990 года Польша подписала с ФРГ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве; тогда же был подписан и специальный договор о создании польско-германской организации молодежных обменов.

Немцы и их французские партнёры повели линию на «повышение уровня» польской внешней политики. В конце августа 1991 г. в Веймаре была проведена встреча министров иностранных дел ФРГ, Франции и Польши; такие встречи постепенно превратились в постоянную институцию европейской политической жизни («Веймарский треугольник»). Незадолго до завершения года в Варшаве начал работать Германо-польский фонд сотрудничества.

После переезда правительства из Бонна в Берлин столица нового государства оказалась в часе езды на автомобиле от польской границы. Немудрено, что проблема отношений с Польшей заняла видное место и в установочных документах правительства Г. Коля.

Можно вообще отметить особое стремление правительства ФРГ расчистить путь к сближению со странами, бывшими жертвами гитлеровской агрессии. Договор 1971 года между ФРГ и Чехословакией (одно из следствий Московского договора 1970 года), когда стороны признали Мюнхенское соглашение 1938 г. «ничтожным», был, в конце января 1997 г. дополнен подписанным руководителями ФРГ и Чехии Заявлением о чешско-германском примирении. В этом документе германская сторона признавала свою ответственность за несправедливость, совершенную в отношении Чехословакии во время Второй мировой войны; она «сожалеет о страданиях, причинённым чехам и словакам» национал-социалистическими преступлениями[1].

Ещё раньше был заключен договор о сотрудничестве двух стран, подразумевавший переход Чехии с российского рынка на германский. Со своей стороны Чехия впервые официально признала изгнание немцев после 1945 года и выразила сожаление о страданиях, причинённых судетским немцам. Президент Чехии Вацлав Гавел и Президент ФРГ Роман Херцог договорились о создании совместного фонда финансирования проекта, направленного на дальнейшее примирение двух стран. Оба президента выступили в парламентах другой стороны с поддержкой совместного Заявления. Нельзя, однако, обойти молчанием тот факт, что в Федеративной Республике против заявления двух президентов резко выступило землячество судетских немцев, выдвигающих ряд требований к Чехии.

Н.В. Павлов справедливо считает, что для 90-х годов характерен закат «восточной политики»[2]. Иначе и быть не могло. Начатая В. Брандтом «новая восточная политики», как и просто «восточная политика» принесли свои плоды, т.к. «германский вопрос» в старом значении, существовавший более четырех десятилетий, ушёл из европейской жизни. Цель большинства немцев была достигнута, раскол страны был ликвидирован. Но, вместе с тем, к востоку (и югу) от новой Германии и после 1990 г. лежали Россия, Польша, Че-

1 Der Fischer Weltalmanach. Frankfurt a. M., 1998. S. 226.
2 Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. С. 620–621.

хия, Словакия, Венгрия, страны Балтии, Украина, Белоруссия. Поэтому «восточная политика» нового немецкого государства в определенном смысле продолжалась и дальше.

Другое дело, что она покинула главное место в немецком сознании и в практической политике. В течение нескольких десятилетий политики и публицисты, используя слова «восточная политика», имели в виду весь европейский социалистический блок. Теперь он исчез. Сам термин «восточная политика» исчезает в 90-е годы из лексикона немецких политиков, и ему на смену приходит обозначение «отношения со странами Центральной и Восточной Европы». Уместна отсылка Н.В. Павлова к высказыванию Г.-Д. Геншера, который писал: «Я постоянно возражал против бездумного использования слов «Восточная Европа»; «холодная война» откладывала преимущественно идеологический отпечаток на понятия Восток и Запад и, таким образом, и Польшу, и Чехословакию причисляли к Восточной Европе. По этой причине я не переставал утверждать: Польша является центральноевропейским государством. На польской восточной границе начинается Восточная Европа, а не Западная Азия»[1].

Объединенная Германия заняла активную позицию во время распада Югославии. Вину за разжигание и эскалацию конфликта в этом государстве боннское правительство сразу возложило исключительно на Сербию; антисербскую позицию ФРГ в дальнейшем занимала во всех балканских конфликтах. 19 декабря 1991 г. Германия первой из стран – членов ЕС признала независимость Словении и Хорватии.

Договоры Федеративной Республики о дружбе и сотрудничестве были подписаны в 1991–92 гг. с Болгарией, с Венгрией (о дружбе, сотрудничестве и партнерстве), с Чехословакией (о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве), с Румынией (о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве в Европе). С Лит-

---

1 Gehscher H.-D. Erinnerungen. 1. Aufl. Berlin, 1995. S.249-250. Цит. Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 474.

вой в июле 1993 года ФРГ подписала совместное заявление об основах двухсторонних отношений.

К концу первой после объединения легислатуры Г.Коля наблюдалась известная активизация руководства страны в связи с конфликтами за её пределами. Ещё в 1993 году вооружённый контингент бундесвера был направлен в Сомали для участия в миротворческой акции сил ООН, корабли ВМС ФРГ были направлены в Адриатическое море для контроля за соблюдением эмбарго на поставки вооружений на Балканы. Миротворческая операция в Сомали 1993–94 гг. закончилась неудачей: враждующие кланы не удалось склонить к миру, США приняли решение о срочной эвакуации своего воинского контингента и действия всех сил ООН были свёрнуты. В 1994 году бундестаг принял закон, позволявший направлять германские войска в «горячие точки» как в составе сил ООН, так и самостоятельно, но в соответствии с согласия бундестага.

Парламентские выборы 1994 года принесли новую, четвертую по счёту, победу христианским демократам и их баварским союзникам[1]. Хотя они несколько ослабили свои позиции по сравнению с 1990 г. (потеряли чуть больше 2% голосов), но получили больше голосов, чем любая другая партия (41,8% против 36,4% у социал-демократов). В это время в обществе еще действовала «инерция объединения», заслугу которого значительная часть населения приписывала христианским демократам и лично Г. Колю. Пригласив в союзники «вечный довесок» политической жизни ФРГ, свободную демократическую партию (СвДП, получившую около 7% голосов), христианские демократы сумели создать правительственную коалицию, где рядом с канцлером в качестве вице-канцлера и министра иностранных дел стоял весьма популярный политик Г.-Д. Геншер, пользовавшийся доверием не только в своей стране, но и за рубежом.

---

1 Итоги выборов были опубликованы в Der Fischer Weltalmanach. 1994. Frankfurt a. Main, 1995, S. 98.

«Желто-чёрная» коалиция продержалась четыре года. По сути дела эти годы не внесли каких-либо крупных новаций в принципиальные, концептуальные составляющие внешней политики Федеративной Республики. Н.В. Павлов пишет, что задачи, стоявшие перед правительством Г. Коля в 1995-98 гг. мало чем отличались от задач предыдущего четырехлетнего периода, если не считать того, что в случае неудачи на выборах команде Г. Коля не будет отпущено еще одного срока»[1]. Кардинальной задачей объединенной страны всё ещё оставалась «внутригерманская интеграция», важной часть которой была не только модернизация экономики восточных областей, но и выравнивание социально-экономических условий жизни населения обеих частей страны. То, что этот процесс затянулся, отражалось на отношении избирателей к власти и ее обещаниям; (прежде всего — на востоке страны).

Отдельные максимы германской внешней политики потеряли своё прежнее значение с окончанием «холодной войны» и переходом международных отношений в постбиполярное состояние.

При этом снижение (прежде всего, в европейских делах) значимости военно-силового фактора, некоторое разрыхление системы НАТО привело к тому, что руководство ФРГ стремилось проводить политику в области безопасности опробованными ещё в годы «холодной войны» невоенными методами, применяя, согласно формулировке Э.-О. Чемпиля, «своевременную политическую и экономическую интервенцию «в господствующие системы готовых к насилию государств»[2].

Но Германия после объединения, несомненно, оставалась страной, прочно интегрированной в Западную Европу. ФРГ сохранила самые тесные связи с США. Однако американо-германское взаимодействие; как это случалось уже в новом веке, может иногда приобретать характер жёсткой дискуссии, как в случае с германо-французской оппозицией американской военной операции в Ираке в 2003 году и, что ещё более существенно, подспудного

---

1 Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. С. 588.
2 Czempiel E.-O. Determinanten zukunftiger deutscher Aussenpolitik // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2000. B. I24. S. 20.

противостояния ФРГ и США в конце XX в. по вопросам развития отношений с Россией и другим вопросам[1].

Одной из острых и спорных проблем, стоявших перед внешней политикой Федеративной Германии, была проблема расширения НАТО. Как мы помним, (см. II главу диссертации) участники переговоров по германскому вопросу, включая американских союзников ФРГ, наперебой старались успокоить советских партнеров по переговорам, заверить их, что Североатлантический альянс не помышляет о своем расширении.

Е.М. Примаков рассказывает в своих мемуарах о заявлениях лидеров западных держав в период объединения Германии и распада Варшавского договора. В данной работе уже приведены заверения госсекретаря Бейкера, что «...если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО своё присутствие в Германии, то не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении». А также, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток[2].

Премьер-министр Великобритании Дж. Мейджер сообщал М.С. Горбачёву, что он «не предвидит условий, чтобы в настоящее время и в будущем восточноевропейские страны могли бы быть в НАТО»[3].

Г. Коль старался войти в трудное положение советского лидера и всего советского руководства, которым «придётся доходчиво объяснять происходящее простым людям, которые помнят о судьбе своих отцов и брать»[4]. По спорному вопросу о распространении НАТО на Восток канцлер заявил: «Мы

---

1 Joffe J. Amerika und Deutschland: die Weltmacht, der «sanfte Hegemon» und die natürliche Partnerschaft // Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 3: Interessen und Strategien. Műnchen, 1996. S. 120. По формулировке профессора Й. Иоффе (данной в середине 90-х годов), Федеративная Республика Германия состоялась как «мягкий гегемон Европы» (в соответствии с современной российской формулировкой, носители «мягкой силы». – К.Б.).

2 Примаков Е.М. Годы в большой политике. С. 232–233.

3 Михаил Горбачёв и германский вопрос. 334.

4 Там же. С. 345.

считаем, что НАТО не должно расширять сферу своего действия»[1]. Это сказано еще до объединения Германии.

Заслуживает внимания позиция президента Франции Ф. Миттерана уже после объединения, весной 1991 года. Он опасается, что восточноевропейские страны, входившие в распадающийся Варшавский договор, в поисках своей безопасности обратятся к странам НАТО. По мнению президента, это «усилит ощущение изоляции и даже окружения у Советского Союза. Убежден, что такой путь не является правильным для Европы»[2].

А что получилось в действительности? Ещё до конца первого десятилетия после объединения Германии и — при активной поддержке правительства Г. Коля, первые три недавних члена Организации Варшавского договора, Польша, Чехия и Венгрия, были приняты в члены НАТО. Остальные недавние восточноевропейские союзники СССР «встали в очередь» и получили места в этой военно-политической организации в 2004 году.

Автор диссертации полагает, что создание в 1994 года на саммите НАТО в Брюсселе программы «Партнёрство во имя мира», в которое были приглашены 22 страны (включая Российскую Федерацию), было связано с желанием «натовского ядра», (в нём ФРГ играет важную роль), ослабить возражения России против постепенной интеграции восточноевропейских государств в Североатлантическом союзе. Хронология событий свидетельствует о хорошо спланированной деятельности западных держав (и прежде всего — ФРГ) по постепенному отрыву государств Восточной Европы от России и вовлечению их в НАТО[3].

На период канцлерства Г. Коля пришлось обсуждение между Москвой и западными столицами вопроса о расширении НАТО. Здесь уместно отме-

---

1 Михаил Горбачёв и германский вопрос. С. 334.

2 Примаков Е.М. Годы в большой политике. С. 233.

3 Н.В. Павлов и А.А. Новиков напоминая, что именно ФРГ была инициатором расширения НАТО за счёт центрально и восточно-европейских государств, пишут, что по мнению правящих кругов в Берлине, такое развитие событий помимо других аспектов, освободило бы Германию из крайне неудобного геополитического позиционирования как форпоста НАТО В Европе. См. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М.: Московские учебники, 2005. С. 362.

тить, что в верхнем эшелоне российской власти не существовало единого подхода к этому вопросу.

В ноябре 1993 года Служба внешней разведки РФ, возглавляемая в это время Е.М. Примаковым, подготовила доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России». В докладе говорилось, что в условиях постконфронтационного периода (и отсутствия «блоковой дисциплины»), Россия не вправе диктовать суверенным государствам Центральной и Восточной Европы, вступать ли им в НАТО или другие международные организации. Однако в докладе сказано, что процесс вхождения этих государств в НАТО, его характер, сроки, обязательства и права новых членов должны формироваться с учетом мнения всех заинтересованных сторон, в том числе России.

В тот же день советник министра иностранных дел А.В. Козырева на брифинге для СМИ неожиданно заявила, что по мнению МИДа, отражающему мнение Президента Б.Н. Ельцина, НАТО не угрожает России; любое государство может обеспечивать свою безопасность так, как считает нужным. Это было странное заявление, обнажавшее, к тому же, разногласия в российском руководстве. Мы видим, что различие в позициях двух ведомств состоит в том, что МИД соглашается на безоговорочное расширение НАТО, а СВР стремится связать этот процесс с определенными условиями.

Соединённые Штаты жёстко стояли на позиции ничем не ограниченного расширения НАТО, их представители во время переговоров переступали и через границы дипломатической этики. На заседании блока АСЕАН в Джакарте в июле 1996 года государственный секретарь США У. Кристофер заявил Е.М. Примакову, министру иностранных дел России: «вопрос о расширении НАТО мы с третьими странами (т.е. с Россией. – *К.Б.*), не обсуждаем»[1].

Французы, прежде всего, президент Ж. Ширак проявили понимание озабоченности России и выступили с предложением о поэтапном развитии процесса, который мог бы стать приемлемым для России. Начать предлага-

1 Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 249.

лось с реформирования НАТО, затем следовало провести переговоры обновленного Североатлантического союза с Россией с целью установления особых отношений России – НАТО. Под обновлением понималось усиление европейского и политического элементов в альянсе, а также его миротворческих функций.

Канцлер ФРГ Г. Коль, как сообщил Ж. Ширак, проект такой «цепочки» одобрил. С интересной идеей выступил в июле 1996 года министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель. По словам Е.М. Примакова, его отношения с Кинкелем становились всё более близкими и доверительными. «То, что я сейчас скажу, – говорил немецкий политик Е.М. Примакову, – я ни с кем не согласовывал. Не подумать ли нам о создании Совета Россия – НАТО, где Россия была бы представлена на равноправной основе? Это мыслится как часть предложения о подписании хартии между Россией и НАТО». Это была, по мнению Е.М. Примакова, новая и очень важная постановка вопроса[1].

Другими словами, Германия начинала занимать в важнейшем для России вопросе позицию, серьёзно отличавшуюся от установок Вашингтона. К этому можно добавить, что в тесной связи с высказанной Президентом Франции Ж. Шираком идеей «цепочки» – т.е. предложением начать с реформирования НАТО, затем — проведение диалога обновленной НАТО с Россией ради установления особых двусторонних отношений и, только после этого — проведение переговоров о расширении Атлантического альянса. Во время летней встречи 1996 г. «восьмерки» в Лионе, французский президент подтвердил, что сторонником такого хода событий является и канцлер Г. Коль. После одной из встреч с госсекретарем США Кристофером Е.М. Примаков пришел к выводу, что с Россией в этом вопросе решили не считаться. Аргументы американцев, – пишет Евгений Максимович, – ясны, как божий день: «России придётся смириться с фактом расширения; повлиять на условия

1 Примаков Е.М. Указ. соч. С. 252.

расширения она не сможет. России придётся адаптироваться к этому процессу»[1].

Москва же стремилась к созданию не документов расплывчатого характера, типа «не будем нападать друг на друга», а к твёрдой фиксации всех политических и военных проблем, связанных с безопасностью России.

Для отношений России и Германии и их министров в этот период характерно заверение Кинкеля: «...Я как министр иностранных дел Германии отвергаю любой диктат по отношению к России. Мы не находимся в цейтноте, спешки никакой не будет»[2]. Кинкель сказал, что считает переговоры с Россией о деталях и условиях расширения НАТО необходимыми. «Иное, – заявил германский министр, – было бы абсурдным». По мнению Е.М. Примакова, немецкие партнёры России «лучше других понимали контрпродуктивность давления на нас и пытались вырулить к соглашению»[3].

В 1996-98 гг. трудные, вязкие переговоры по проблеме расширения НАТО за счет бывших членов ОВД, теперь самостоятельных соседей России, продолжались. В обсуждение включались и новые фигуры, в том числе — президент Б.Н. Ельцин. Так, в беседе с Г. Колем в Завидово в январе 1997 года он сказал собеседнику, что для России дело идет об очень важных вопросах и «если не будут сняты наши озабоченности, то стратегическое положение России серьёзно ухудшится, а наше доверие к Западу будет серьёзно подорвано»[4]. Ельцин вёл активные телефонные переговоры с рядом европейских лидеров.

По ходу дела российская сторона стремилась оградить страну от явно намечавшегося дисбаланса сил, в том числе и в связи с планами увеличения совокупных обычных вооружений НАТО в результате прихода в эту организацию новых членов — со своими армиями и вооружениями.

---

1 Примаков Е.М. Указ. соч. С. 252.
2 Там же. С. 255–256.
3 Там же. С. 256.
4 Там же. С. 264.

Один из международных конфликтов, зародившихся в период правления Г. Коля был связан с Югославией, с ситуацией в Косово. Существует мнение, что в начале 1990-х годов косовские албанцы еще не думали об отделении от Югославии и о присоединении к экономически отсталой Албании, но постепенно настроение мусульманского населения стало меняться. Созданные в Косово албанские вооруженные отряды начали получать помощь вооружением и добровольцами из «братской» Албании. Сербы, со своей стороны, тоже ставили на силу и с помощью армии и полиции твердой рукой «наводили порядок» в Косово. Самоуверенный и националистически настроенный руководитель уже «малой» Югославии С. Милошевич был убежден, что справится с ситуацией[1].

В контексте данной работы интересна позиция Германии в связи с разгоравшимся конфликтом. Федеративная Республика, так же, как и Россия и США, вошла в созданную во время распада СФРЮ Контактную группу. Теперь, в разгар косовского кризиса, министр иностранных дел Германии К. Кинкель на заседании Контактной группы в сентябре 1997 года (в Нью-Йорке) предложил, чтобы Генеральная Ассамблея ООН приняла специальное заявление по косовской проблеме. Россия поддержала это предложение, считая, что резолюция содержит справедливые предложения, способные помочь урегулированию конфликта. Смысл российской позиции сводился к тому, что события в Косово являются внутренним делом Югославии, что не может быть речи о выходе Косово из Югославии, а также, что необходимо прекращение враждебных действий и начало переговоров о статусе Косово в составе Югославию

Важное заседание Контактной группы состоялось в конце марта 1998 года в Бонне. В связи с преувеличенно жесткой позицией американского государственного секретаря М. Олбрайт, требовавшей принятия решительных мер против Белграда, Е.М. Примаков заявил о возможности выхода его стра-

1 Е.М. Примаков пишет, что уже в 1996 г. он обращал внимание С. Милошевича на взрывную ситуацию в Косово, но тот не видел угрозы. См.: Там же. С. 338.

ны из Контактной группы. На этот раз группу спас К. Кинкель, который объявил перерыв и пригласил Примакова в свой кабинет для переговоров tet a tet. Он обратился к российскому министру с предложением согласовать те формулировки, которые приемлемы для Москвы. Нужно учитывать, что немецкий министр находился под серьёзным политическим прессом со стороны общественности ФРГ, напуганной наплывом беженцев из Косово.

Именно благодаря настойчивости К. Кинкеля в Бонне удалось принять документ, в котором констатировалось, что решение косовской проблемы должно базироваться на сохранении территориальной целостности СРЮ, соблюдения стандартов ОБСЕ, принципов Хельсинки и Устава ООН.[1] 8 июля Контактная группа вновь собралась в Бонне и выступила с призывом прекратить враждебные действия и возобновить прерванные переговоры.

В сентябре К. Кинкель тайно направил к Примакову своего представителя (руководителя политического департамента МИД Германии Ишингера) с личным посланием министра по Косово. Из воспоминаний Евгения Максимовича можно понять, что в руководстве Германии происходил в этот момент поворот к поддержке ястребов мировой политики. Более того, Е.М. Примаков рассказывал, что у него уже накопились сведения о новой позиции ФРГ о поддержке её планов удара по Косово. В послании К. Кинкеля, привезенном Ишингером, говорилось: «к сожалению,— должен тебе сказать, я опасаюсь, что это (т.е. нежелание Москвы поддержать силовое вмешательство в дела СРЮ – К.Б.) может иметь отрицательные последствия для России, потому что — по крайней мере, есть много таких высказываний — российская политика по отношению к Косово не в состоянии помешать решительным действиям международного сообщества».

«Я вижу – продолжал министр иностранных дел ФРГ, – приближение значительных рисков для:

отношений между Западом и Россией, включая отношения между Россией и НАТО; позиции России в Совете Безопасности и способности России

1 Примаков Е.М. Указ. соч. С. 346.

играть свою роль в урегулировании международных кризисов; роли России в Контактной группе; нашей способности конструктивно и сообща сотрудничать в других областях, включая экономические и финансовые вопросы.

Я вижу опасность обособления России, если она будет противиться решительным мерам по Косово в Совете Безопасности[1].

Кинкель писал о росте давления общественности в столицах государств – членов НАТО, требующей рассмотреть возможность военного решения. В письме содержалось предостережение, что если Россия не поддержит резолюцию Совета Безопасности ООН о военном вмешательстве в косовский кризис, то вооруженные силы могут начать действовать и без решения СБ. Шансы на перспективный диалог, – писал К. Кинкель, – очень низки». Он предлагал «признать неудачу дипломатических усилий и открыть дорогу к принятию принудительных мер, поддерживаемых всем международным сообществом»[2].

Развивая свою аргументацию в пользу принятия военных мер принуждения к миру, К. Кинкель пишет, что НАТО может выступить и без соответствующего решения СБ и тогда «политическая слабость России стала бы очевидной». Министр отмечает и особый интерес немцев к быстрому решению косовской проблемы: в Германии уже проживают 400 тыс. албанцев-беженцев из Косово и еще тысячи их ежемесячно обращаются с просьбой о предоставлении убежища.

Примаков в ответе Кинкелю подтвердил свою приверженность к поискам политического выхода из сложной ситуации. Вскоре после этого обмена посланиями Е.М. Примаков был назначен Председателем правительства России, уступив пост Министра иностранных дел И.С. Иванову. 4 октября 1998 г. новый глава МИД вместе с министром обороны и первым заместителем руководителя Службы внешней разведки вылетели в Белград для встречи с С. Милошевичем. Ему было вручено послание Б.Н. Ельцина; российский

1 Примаков Е.М. Указ. соч. С. 352-354.
2 Там же.

президент писал о необходимости проведения ряда срочных мер по прекращению вооруженных действий, отводу армейских частей и т.п. Ход дальнейших событий показывает, что дипломатические усилия предотвратить расширение конфликта как с немецкой, так и с российской стороны были заранее обречены на неудачу – и не только из-за неуступчивой позиции С. Милошевича, но и благодаря твёрдому решению Вашингтона использовать военную силу против Югославии. Но пик опасного кризиса в связи с событиями в Косово имел место весной несколько месяцев спустя. Что касается российско-германских отношений, то к концу легислатуры Г. Коля «банная дипломатия» и личная дружба лидеров двух стран начала давать сбой. Российские историки объясняют такое развитие тем, что экономическая поддержка России Федеративной Республикой, щедрые финансовые кредиты не приносили ожидаемого эффекта, задолженность России быстро росла, стабилизации внутреннего развития в этой стране не наблюдалась и «вместо «банной дипломатии и «мужской дружбы» лидеров двух стран» для немецкой политической элиты «стало удобнее культивировать отношения вежливой сдержанности»[1]. Такая тенденция в политике ФРГ по отношению к России получила название «новый реализм».

К концу 90-х годов «канцлер воссоединения» Гельмут Коль начал терять авторитет как внутри страны, так и за рубежом. Можно сказать, что он, «почивая на лаврах», не смог выдвинуть новых привлекательных идей. В политической судьбе Г.Коля сыграло роковую роль и общее ухудшение экономической ситуации в Европе. По мнению Г. Шрёдера, Г. Коль в 90-е годы не сумел в полной мере использовать эмоциональный подъем 1989-1990 гг. – как и В. Брандт, для которого вслед за триумфом 1972 года последовала полоса неудач[2].

Это подтвердили парламентские выборы в сентябре 1998 года, когда социал-демократы добавили к своему предыдущему электорату 4,5% голо-

1 Павлов Н.В. Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники, 2005. С. 444.
2 http:www.evolutio.info/content/view/323/50

сов, а их главные соперники ХДС/ХСС потеряли 6,4%. Собрав почти 41% голосов, социал-демократы пригласили к участию в правительстве блок «Союз 90/»Зелёные» (6,7%) и 27 октября сформировали кабинет во главе с премьер-министром Нижней Саксонии Герхардом Шрёдером; в качестве министра иностранных дел был приглашён один из создателей партии «зелёных», а в 1998 года – лидер блока «Союз 90/«Зелёные»», председатель фракции этого объединения в бундестаге Йошка Фишер[1].

3.2. Российский приоритет внешней политики Германии в 1998-2005 гг.

Создание коалиции социал-демократов и «зеленых» было закреплено до выборов в совместном документе «Прорыв и обновление – путь Германии в XXI столетии». В сфере внешней политики государства документ предусматривал:

- укрепление трансатлантического партнерства;
- развитие основанных на общих ценностях и интересах дружеских отношений с США - важнейшим внеевропейским партнером Германии;
- общеевропейское сотрудничество в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), выдвижение инициатив для усиления правового базиса Организации и разрешения конфликтных ситуаций в зоне ОБСЕ;
- политическое и финансовое укрепление ООН, ее реформирование в дееспособную инстанцию для решения международных проблем, а также использование Германией возможности стать постоянным членом Совета Безопасности (СБ) ООН;
- особая ответственность за демократию и стабильность в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и поддержка поступательного развития во всех странах Юга.

---

1 Der Fischer Weltalmanach. 1998, Frankfurt a. Main, 1999, S.100.

Из текста видно, что партнеры по коалиции на первые места в будущей политике Германии ставят дальнейшее сближение с НАТО и США. Это, кстати, предопределило то, что новое правительство, которое придет на смену правления Г. Коля, считало необходимым продолжение присутствия Вооруженных сил США в Европе (на деле – прежде всего, в Германии). Как видно из приведенного документа, Россия вообще не названа в нем, она как бы зашифрована в последнем пункте, где выражена особая ответственность за демократию и стабильность в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

Можно также отметить отсутствие в документе особого упоминания «третьего мира», что было характерно для правительственных и партийный программ в течение нескольких десятилетий со времен В. Брандта. По-видимому, Азия, Африка, Ближний и Средний Восток выступают в последнем пункте этой программы в виде намерения партнеров по коалиции поддерживать поступательное развитие во всех странах Юга.

Новый канцлер, 44-летний Герхард Шрёдер, был хорошо известен в стране благодаря успешной деятельности в Ганновере и остроумным интервью с журналистами. Исследователи, пишущие о Г.Шрёдере, представляют его центристом в социал-демократической среде. Мартин Руппс в книге «Затмение канцлеров» пишет, что Шрёдер вступил в СДПГ «не благодаря Брандту, а благодаря Шмидту»[1]. В момент вступления в должность он обещал продолжить сотрудничество и взаимодействие с Россией в международных делах. Говоря о России, опытный политик в своих выступлениях нередко останавливался и на моральной и эмоциональной стороне в отношениях двух стран. Он считал, что сама история обязывает немцев с особой деликатностью и последовательностью выстраивать свои отношения с Россией. Здесь уместно привести его размышления в связи с приглашением федерального канцлера присутствовать в Москве на торжествах в честь 60-летия

1 Rupps M. Kanzler Dämmerung. Wer zu spät kommt, darf regieren. Zürich, 2017. S. 125.

окончания Второй мировой войны[1]. Он вспоминает, что его отец был в числе погибших 5,3 миллионов немецких солдат. «А в бывшем Советском Союзе, – продолжает он, людям пришлось оплакивать 27 миллионов погибших». И дальше: «Мы, немцы, особенно ответственны перед Россией – это обусловлено нашей историей»[2].

Намерение сотрудничать с Россией было подтверждено и во время рабочего визита Г. Шрёдера в Москву в ноябре 1998 года[3]. В своей книге Н.В. Павлов справедливо вспоминает об одном обстоятельстве, которое играло определенную роль в отношениях нового канцлера к России. Речь идет о том, что уступки Москвы в ходе переговоров об объединении Германии были сделаны соперникам социал-демократической партии, христианским демократам, что помогло Г. Колю одержать верх над социал-демократами на выборах 1990 года. К тому же были и объективные обстоятельства, осложнившие отношения двух стран: с российской стороны – война в Чечне, а со стороны ФРГ – активное участие в событиях в Косово. Н.В. Павлов сообщает также, что накануне выборов в бундестаг осенью 1998 года президент Б.Н. Ельцин дал понять, что отдает предпочтение Г. Колю. Возможно, что такой «эпикриз» в отношениях советских лидеров и руководства СДПГ оказал влияние на Г. Шрёдера. Недаром в серии первых поездок нового канцлера Россия стояла на шестом месте после Франции, США, Великобритании, Нидерландов и Польши.

Шрёдер принадлежал к левоцентристскому крылу немецкой социал-демократии. Этот успешный и популярный политик, выходец из рабочей среды, несколько лет возглавлял молодежную часть СДПГ («Молодые социалисты»). Во время приезда в Москву в составе социал-демократической делегации (октябрь 1989 г.), В. Брандт полушутя представил Г. Шрёдера

---

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 464.
2 Там же. С. 467.
3 Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 486-487.

М.С. Горбачёву как «бывшего комсомольца»[1]. Ещё раньше, в сентябре 1985 года, В. Брандт в беседе с Э. Хонеккером говорил, что Г. Шрёдер принадлежит к самым способным молодым людям СДПГ[2].

Шрёдер был убежденным противником «холодной войны», сторонником сближения государств и народов. Он писал, что «каждое поколение должно снова и снова со всей аккуратностью и деликатностью разбираться с тем фактом, что идея примирения народов возникла в Европе лишь после Второй мировой войны и лишь одновременно с этим нам удалось преодолеть туман затхлого национализма»[3].

Он был безусловным сторонником экономической помощи странам третьего мира, но одновременно призывал к поощрению и поддержке их собственных усилий в экономической сфере. Позднее, уже в положении экс-канцлера, он предупреждал, что если этого не делать, то в будущем Запад ожидает бесконечный приток голодных беженцев, прибывающих из-за моря. «И вместо того, чтобы дать людям шанс обустроить их жизнь в собственной стране, мы продолжим свои попытки полицейскими мерами совладать с наплывом беженцев», - писал он[4].

Что касается нового вице-канцлера и министра иностранных дел Й. Фишера, то он прошел путь от левого радикала (почти анархиста) в дни студенческих волнений 1968 года и пламенного эколога в конце 70-х гг., когда создавалась партия «зеленых», до респектабельного и прагматичного министра федерального правительства. Н.В. Павлов в этой связи пишет: «Новый, похудевший Фишер не имел ничего общего со старым не только внешне, но и в мыслях и делах»[5].

---

1 Это представление опубликовано на немецком языке (См.: Brandt W., Berliner Ausgabe. Gemeinsame Sicherheit. Internationale Beziehungen und die deutsche Frage. Berlin, o. JBd. 10. Dok. № 54. S. 370).
2 Op. cit. Dok 24A. S. 245.
3 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 323.
4 Там же. С. 309.
5 Павлов Н.В. Внешняя политика Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. С.652.

Крупные изменения в эти годы произошли и в Москве. В августе 1999 года бывший вице-губернатор Петербурга В.В. Путин стал главой Правительства, а в марте 2000 года был избран президентом Российской Федерации. Новый руководитель государства несколько лет в качестве резидента советской разведки работал на германском направлении, хорошо знал оба немецких государства, свободно говорил по-немецки. Н.В. Павлов отмечает определенную обеспокоенность «Германии и всего Запада» сменой руководителей в Кремле. Зарубежным наблюдателям и экспертам было неясно, продолжит ли Россия начатые в 90-е годы рыночные преобразования и свойственную периоду Ельцина открытость. Оба руководителя плохо знали друг друга до встречи в Москве в июне 2000 года, когда с обеих сторон были сделаны многообещающие заявления. Подход двух ведущих немецких политиков, канцлера и министра иностранных дел, к России не был идентичным. Г. Шрёдер был открыт для диалога с новым российским президентом, и для углубления отношений. Имея рядом энергичного и инициативного министра иностранных дел Й. Фишера, Шрёдер, однако, практически взял «русское» направление внешней политики в свои руки. В работах немецких историков об этом секторе международной деятельности ФРГ появилось выражение «это – дело шефа». Й. Фишер мерилом своего отношения к Москве сделал соблюдение прав человека и таким образом установил определенную дистанцию между собой и российским руководством. Шрёдер же в одном из первых интервью безоговорочно обещал «долго и хорошо работать» с российским президентом[1]. Канцлер не раз подчёркивал особую ответственность Германии перед Россией «в связи со Второй мировой войной». Он обращал также внимание на то, что в силу её огромной территории и географического положения (при этом особо указывалось на ее влиянии в Передней и Цен-

1 Stern F. Fünf Deutschland und ein Leben. München, 2007. S. 634.

тральной Азии), Россия остается важным фактором международных отношений[1].

Во время визита ФРГ в сентябре 2001 года Путин использовал приглашение выступить в германском парламенте, чтобы изложить свои взгляды и убеждения по вопросам российско-германских отношений и мировой политики. Шрёдер вспоминал об этом дне: «Парламентские фракции – в полном составе. Напряжение вызвано личностью докладчика, именно он привлекает к себе всеобщее внимание. Исторический момент для членов парламента – гость из-за рубежа предлагает Германии всестороннее сотрудничество. Он говорит, что, по его мнению, «единая Европа является гарантом окончательного искоренения язвы национализма». Эта речь должна была, по-видимому, избавить немцев и европейцев в целом от опасений, что Россия стремится вбить клин между Западной Европой и США, вместе с тем, она учитывала и новые реальности мировой политики: только что, за две недели до выступления Путина в германском парламенте, три тысячи ньюйоркцев погибли под развалинами Всемирного торгового центра. И российский президент призвал Европу объединить свои людские и природные ресурсы с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России. Он высказывался за то чтобы подумать о роли единой Европы как предвестнике единого и безопасного мира[2]. Из речи Путина в Бундестаге канцлер сделал вывод, что оратор «мыслит по-европейски»[3].

Канцлер пишет: «Я беседовал с Путиным несчетное число раз и до этой речи, и после неё и хорошо знаю, насколько он размышляет над тем, как можно организовать российско-германские отношения, чтобы они развивались и крепли в обоих направлениях»[4]. При чтении мемуаров Шрёдера создается впечатление, что канцлер понимал трудности новой России, что он опасался «дезорганизации и разграбления страны». Он считал, что «страна

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С.451. См. также: Spanger H.J. Deutschland und Russland – Ecksteine einer europäischen Friedensordnung. Berlin, 1996. S. 135.
2 http:www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21340
3 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 455 («Пусть и с азиатской компонентой», – замечает Шрёдер).
4 Там же.

могла опуститься на дно пропасти». Необходимо учесть, что именно в первые месяцы после старта «красно-зелёного» правительства Г. Шредера можно было наблюдать постепенное ухудшение отношений между Москвой и Вашингтоном. Это было связано как с обострением ситуации в Югославии, так и с изменившейся позицией Международного валютного фонда, в котором наибольшее влияние имели Соединенные Штаты. Руководство фонда задерживало в конце 1998 года выплаты очередных, уже обещанных России траншей в размере 8 млрд долл., шли активные переговоры в Москве и за рубежом, западные финансисты (включая и директора-распорядителя МВФ М. Камдессю) не скупились на советы в сфере оздоровления российских финансов, но «воз» оставался на месте. Е.М. Примаков упоминает в своих воспоминаниях о том, что президент Ельцин говорил со Шрёдером по этому поводу и «получил благоприятный ответ»[1]. Германия способствовала в тот момент нормализации отношений Москвы и МВФ. Бывший немецкий посол в Москве А.Майер – Ландрут отмечает в своих воспоминаниях, что Шрёдер ездил на Рождество в гости к Путину, а Путин на день рождения к Шрёдеру[2].

На рубеже столетий и, быть может, не без учёта сдержанно благоприятной позиции Германии, российско-американские отношения стали нормализоваться[3]. Из разговоров канцлера с президентом Клинтоном ясно проступает озабоченность и американского лидера не чрезмерной военной силой или экспансионистской политикой России, а угрозой миру на планете в результате «разрушающейся и неуверенной в себе России». Клинтон, отмечает Шрёдер, с предубеждением относится к попыткам американских специалистов помочь своими советами России. Он считал, что советникам из США не

---

1 Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс… М., 2001. С. 111.

2 Майер-Ландрут А. Указ. соч. С. 280.

3 Можно также предположить, что улучшению отношений способствовала и позиция Кремля в связи с террористическим актом в Нью-Йорке. Дело было не только в сочувственных заявлениях советского руководства, но и в прямой поддержке антитеррористических действий США. Россия, в частности, помогла США договориться с рядом центрально-азиатских государств о предоставлении американскому командованию права использовать во время операции в Афганистане аэродромы в Таджикистане и Узбекистане для своей бомбардировочной авиации.

хватает чуткости и деликатности, и их попытки помочь «проваливаются самым жалким образом»[1].

В ходе первой после избрания Шредера встречи канцлера с американским президентом, Клинтон стал убеждать Шрёдера, что необходимо развивать особые отношения между Германией и Россией. Клинтон показал, что он не верит в ядерную угрозу со стороны России и что главная проблема состоит в экономическом оздоровлении России. И в этом он надеется на деятельное участие Германии. Приведя эти соображения своего американского собеседника, канцлер замечает, что Клинтон «ломился в открытую дверь», ибо он, Шрёдер был всегда убеждён, что поддержание стабильного миропорядка в Европе невозможно без всеобъемлющего взаимопонимания с Россией.

Когда США в поисках «Аль-Кайды» и Бен Ладена начали операцию в Афганистане, правительство Шрёдера-Фишера твёрдо решило примкнуть к международной антитеррористической коалиции. Это решение опиралось на широкую поддержку населения, шокированного гибелью людей и зрелищем разрушенных небоскребов, а также и на принятую уже 12 сентября 2001 г. резолюцию Совета Безопасности ООН, который осудил теракты и подчеркнул, что они представляют угрозу миру во всём мире и международной безопасности. СБ решил, что те, кто помогает исполнителям террористических акций, их закулисным руководителям и пособникам, кто поддерживает их или предоставляет им убежище, должны быть привлечены к ответственности[2]. Таким образом, действия антитеррористической коалиции в Афганистане были вполне легитимны и оправданы. Поскольку лидеры Талибана, контролировавшие в это время территорию Афганистана, отказывались выдать главу «Аль-Каиды» Бен Ладена, США начали масштабную военную операцию, в том числе и наземную. В начале ноября правительство США обрати-

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 453.
2 http:www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2001

лось к правительству ФРГ с предложением принять непосредственное участие в операции.

Положительный ответ на предложение Вашингтона был для «красно-зелёного» правительства делом непростым. В стране в целом и в партиях правящей коалиции были широко распространены пацифистские настроения. Выступая в бундестаге 16 ноября 2001 г., Г. Шрёдер говорил, что считает позитивный ответ делом нелегким, но вместе с тем необходимым. К этому, по мнению канцлера, Германию толкали обретение ею полного суверенитета и новые обязанности объединенной страны по отношению к своим партнерам[1].

Канцлеру удалось собрать в парламенте необходимое большинство в 336 голосов. Борьба канцлера за свое решение происходила в условиях обострения противоречий между политическим игроками[2]. Оппозиция голосовала против отправки немецких солдат в Афганистан, но можно предположить, что исключительно по политико-тактическим причинам, надеясь на провал канцлера в этом вопросе. Интерес представляет иное: почти 80 депутатов от СДПГ и зеленых сделали письменное заявление против позиции правительства[3]. Таким образом, в ноябре 2001 года правительство и парламент Германии приняли решение об отправке значительного контингента немецких солдат (не менее 3900 чел.) за пределы Европы. По мнению уже цитированного выше М. Руппса, роль Шрёдера и Фишера в решении послать немецких солдат за рубеж «стоила им потерей политического кредита, который был им необходим»[4]. Но одновременно правительство Шрёдера-Фишера выдвинуло и важную политическую инициативу - в начале декабря в предместье Бонна по предложению немцев была проведена конференция ООН по афганской проблеме. Были приглашены все этнические и политические афганские группировки - за исключением Талибана. Конференция завершилась успешно –

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С.178.
2 См. об этом, например: Белозёров В.К. Информационное обеспечение военной политики ФРГ: опыт и возможности его использования в России: дис. … канд. полит. н. – М., 2003. С. 24-33.
3 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 180.
4 Rupps M. Kanzler Dämmerung. Wer zu spät kommt, darf regieren. Zürich, 2017. S. 129.

всеми участниками было подписан соглашение, которое предполагало прекращение военных действий, проведение выборов и отразило признание переходного кабульского правительства во главе с Хамидом Карзаем. Это соглашение стало основой решения Совета Безопасности ООН об отправке в Афганистан многонационального военного контингента для обеспечения безопасности столичного региона, другими словами - для создания условий для деятельности переходного правительства.

В своих воспоминаниях Г. Шрёдер сообщает о «шокирующем факте»: оказалось, что важнейшие фигуры террористического подполья жили в Гамбурге, что Германия была своего рода перевалочным пунктом для террористов, обученных в Афганистане. Правительство провело ряд мероприятий, имевших целью перекрыть каналы финансирования террористов, ужесточение визового режима, налаживание обмена базой данных с силовыми органами других стран.

В мае 2002 года Шрёдер во главе делегации чиновников и бизнесменов вылетел в Кабул. По пути делегация посетила узбекский город Термез, где предполагалось создание немецкой авиатранспортной базы. В Афганистане, канцлер вел переговоры с членами переходного правительства, посетил немецкий военный контингент, проверил реализацию немецких проектов в Афганистане по обучению гражданского населения обезвреживанию мин, а также по организации школы для девочек. В итоге поездки удалось договориться, что передачи «Немецкой волны» будут транслироваться и по афганскому телевидению[1].

Но уже с начала 2002 года можно отметить определенные изменения, как в массовом сознании немцев, так и в настроении руководящих кругов. Одной из причин этого, по-видимому, стало быстрое и явное нарастание экспансионизма со стороны США. В своей речи 29 января 2002 г. американский президент сообщил, что намерен нанести удар не только по Афганистану, но и по всей «оси зла», к которой он отнёс Ирак, Иран и Северную Корею. При-

1 Rupps M. Op. cit. S. 190.

бывший в эти дни в Вашингтон германский канцлер счел необходимым несколько остудить президента. Он сообщил, что его страна выступает на стороне США только при одном условии - если будет принято соответствующее решение Совета Безопасности ООН. Дж. Буш обещал консультирование со своими союзниками. Г. Шредер, находившийся в регулярном контакте с Бушем, отмечает постоянные притязания американского руководителя на обладание абсолютной истиной[1].

Новая линия американского правительства была разъяснена на ежегодной мюнхенской конференции по вопросам безопасности в 2002 года, где влиятельные американские политики (заместитель министра обороны П. Вулфовиц и сенатор Д. Маккейн), как говорится, «с прямотой римлянина» разъяснили, что США намерены перенести «борьбу с терроризмом» в обширные регионы Ближнего и Среднего Востока и Азии. При этом американские деятели самоуверенно дали понять, что для проведения такой политики они не нуждаются в коалициях и союзниках, готовы действовать и в одиночку.

По мере приближения намеченных американцами сроков удара по Ираку, в Западной Европе происходило определенная поляризация - как на уровне общественного настроения, так и на уровне межгосударственных отношений. После речи Буша Шрёдер решил успокоить общественное мнение страны, заметив в одном из выступлений, что «Германия не станет участвовать в авантюрах»[2]. 31 января 2003 г. канцлер вылетел в Вашингтон, чтобы обсудить ситуацию с Дж. Бушем. Шрёдер вновь дал понять президенту, что поддержит его только в рамках решения Совета Безопасности ООН о борьбе с терроризмом. Буш уклончиво отвечал, что «вопрос ещё не решен» и что он примет решение только после консультации с союзниками.

В мае Буш прилетел в Берлин, где его встретил холодный прием обеспокоенной общественности. В демонстрациях против гостя приняли участие

---

1 Rupps M. Op. cit. S. 197.
2 Ibid. S. 193.

более ста тысяч человек. Буш не стал раскрывать карты, выступая перед немецкими парламентариями, был очень сдержан и на какое-то время успокоил руководителей Германии. Из мемуаров Шрёдера можно понять, что его насторожило стремление Буша постоянно ссылаться на какую-то особую миссию, возложенную на него высшими силами. Как пишет канцлер, президент создавал и навязывал впечатление, что его политические решения являются следствием его бесед с Богом[1]. Интересно, что Шрёдер сравнивает такие настроения «христианских фундаменталистов» с ситуацией в исламских государствах, где роль религии в жизни общества и светский характер правопорядков не разделяются с должной отчетливостью. На других страницах своих мемуаров Шрёдер пишет, что «мы совершенно недооценивали религиозный и соответственно морализаторский консерватизм в США; с приходом к власти администрации Буша это мировоззрение и повело мировую державу роковым курсом»[2].

В качестве главного актера в задуманном представлении на арену был выпущен государственный секретарь США генерал Колин Пауэлл. 5 февраля 2003 г. этот высокий американский чиновник выступил в Совете Безопасности ООН, держа в руках какие-то небольшие предметы, в том числе колбу с неизвестной жидкостью. Он сообщил, что всё это – добытые американской разведкой доказательства наличия биологического оружия в Ираке, что в этой стране власти прячут ракетные пусковые установки, что там имеются мобильные лаборатории по производству сырья для биологического оружия. Кроме того, секретным службам США известно о контактах между «Аль-Каидой» и властями Ирака[3]. С упоминанием «Аль-Каиды» ситуация с Ираком как бы подверстывалась к трагическим событиям 11 сентября 2001 г.

Неделю спустя после выступлений Пауэлла в Совете Безопасности ООН Шрёдер делает последнюю попытку предотвратить войну. Группа со-

---

1 Rupps M. Op. cit. C.197.
2 Ibid.
3 Позднее, после своей отставки, Пауэлл говорил, что день его выступления в Совете Безопасности ООН «стал позорным пятном на его карьере».

трудников Й. Фишера встретилась с советниками Буша, имея в руках хорошо подготовленную аргументацию. Представители Берлина прежде всего сообщили собеседникам, что секретные службы Германии, Великобритании и Франции не могут подтвердить наличие связей между «Аль-Каидой» и Ираком. Далее были перечислены возможные негативные последствия военной акции:

- под угрозой может оказаться территориальная целостность Ирака;
- в результате намечаемой экспансии опасно изменится отношение сил в регионе в пользу Ирана, а следовательно, будет затруднено решение всех ближневосточных проблем, включая израильско-палестинского конфликта;
- война в Ираке может привести к ослаблению антитеррористической коалиции;
- война в Ираке будет выглядеть в глазах исламских элит и молодёжи как война цивилизаций, а это может привести к повышению террористической активности;
- война в Ираке будет длительной и потребует огромных финансовых и людских ресурсов;
- хотя правительство ФРГ не сомневается, что США способны выиграть войну, но потребуется большие усилия, чтобы наладить жизнь в Ираке после войны[1].

Ответ советника президента США по вопросам безопасности Кондолизы Райс показывал, что в Вашингтоне возобладала другая точка зрения.

Несмотря на распространившиеся в СМИ стран Европы и самой Германии обвинения немцев в расколе западного общества, несмотря на явно выраженную проамериканскую позицию премьера Великобритании Т. Блэра, итальянского премьера С. Берлускони и главы испанского правительства Аскара, несмотря на давление справа (ХДС/ХСС готова была безоговорочно

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 220.

поддержать американского президента), Шрёдер проявил политическое мужество. Он заявил, что на основании тех данных, которые имелись на тот момент, военную акцию против Ирака нельзя считать легитимной. Из всех руководителей государств ЕС только Ж. Ширак занял такую же позицию. Между тем, Вашингтон продолжал нагнетать военную истерию. 20 марта 2003 г. американская армия вторглась в Ирак. В заявлении Г. Шрёдера по телевидению и радио на следующий день говорилось: «Логика войны проложила себе дорогу, отметая возможности мира»[1].

Ещё в конце января было опубликовано совместное заявление руководителей восьми государств – Великобритании, Дании, Испании, Чехии, Италии, Польши, Португалии и Венгрии о полной поддержке линии США в иракском вопросе. «Эти восемь подписей в обычной для себя закулисной манере обеспечила Англия», замечает Шрёдер[2].

Руководство США активно вводило в заблуждение мировое сообщество. В результате войны с Саддамом Хусейном и смены власти в Ираке, убеждал Д. Чейни (вице-президент США) своих слушателей, «все свободолюбивые люди в этом регионе получат шанс для развития тех ценностей, которые могут привести к миру на долгие времена». Ссылаясь на одного из экспертов, Чейни обещает, что после войны толпы людей на улицах Басры и Багдада будут радоваться и славить американцев[3]. Чейни сообщил слушателям, что «только дураки и трусы» думают, что войны можно избежать. Он утверждал, что «нет никаких сомнений в том, что Саддам Хусейн теперь обладает оружием массового уничтожения». Это была, без сомнения, сознательная фальсификация истинного положения вещей.

---

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 218-219.
2 Там же. С.225.
3 Klark R.A. Against Enemies. New York, 2004. P. 211. Кларк, высокий чиновник администрации США также писал, что одной из главных причин войны было стремление «обеспечить еще один безопасный источник нефти для американского рынка и снизить зависимость от Саудовской Аравии, поскольку там может случиться переворот».

«Какое нагромождение ошибочных оценок», – замечает Шрёдер. Он понимал, что лидеры США повинны в сознательной фальсификации[1]. Немецкие лидеры видели, что инспекторы ООН (так называется комиссия Ханса Бликса) не нашли в Ираке никаких следов оружия массового уничтожения. Из воспоминаний Г. Шрёдера видно, как на глазах мировой общественности американцы организуют колоссальный пропагандистский манёвр.

Во время визита В.В. Путина в Берлин в начале февраля 2003 года лидеры обоих государств высказались за мирное решение назревающего конфликта. Три дня спустя, 15 февраля, такая позиция была поддержана полумиллионной манифестацией населения немецкой столицы. Но механизм агрессии был запущен.

Герхард Шрёдер понимал, что суть дела была не в борьбе с организованным терроризмом и не была связана с желанием Вашингтона ответить на события 11 сентября 2001 г. В связи с придуманной в США версией об иракском оружии массового уничтожения, канцлер пишет, что поведение американской администрации в связи с подготовкой и началом нападения на Ирак лишила США мощной поддержки во всём мире, какой они пользовались после событий сентября 2001 г. в Нью-Йорке. ФРГ вместе с Россией, а также Францией были солидарны в осуждении американского вторжения в Ирак. Герхард Шрёдер открыто клеймил иракскую войну как «авантюру». Но в это же время люди из германской разведки (BND) собирали в Багдаде информацию и для коллег из США, и это не было единственным направлением сотрудничества с американцами. Будущий министр иностранных дел ФРГ Франк В. Штайнмайер оценил эти сообщения как попытки «тогдашнее “нет” войне” превратить в поддержку войны»[2]. «Шпигель» ссылается на интервью с сотрудником Пентагона, который утверждал, что немцы снабжали американцев информацией, необходимой для планирования целей бомбардировочной авиации. Журнал сообщает: «президент Дж. Буш-мл. заявил, что ничего

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С.211.
2 “Spiegel”, 2006, №3. S.22.

не знал об этом, но, - пишет журнал, - высокопоставленные чиновники и генералы Пентагона после войны в Ираке вновь и вновь благодарили немцев за помощь, которую они оценивают как значительную”. Журнал сообщает также, что один из двух немецких агентов, К. Райнер, за свою деятельность в Багдаде был награжден американским орденом[1].

Руководительница фракции «зеленых» в бундестаге Рената Кунст допускает, что люди из немецкой разведки, возможно, активно противостояли правительству, а председатель партии Клаудиа Рот потребовала: «всё должно быть раскрыто. Мы нуждаемся в полной прозрачности». Министр иностранных дел Й. Фишер сообщил, что ничего не знал о сотрудничестве спецслужб двух стран[2].

В начале иракского кризиса руководители Германии чувствовали себя в одиночестве на западе континента и вообще на Западе. Но определенная изоляция Германии была сломлена Францией. В связи с негативной позицией Франции в отношении политики США в Ираке, положение Берлина укрепилось. «Нас оказалось уже двое, – пишет Шрёдер. И стало легче держать удар, чем каждому поодиночке. И тем более, когда российский президент тоже вошел в наш активный альянс»[3].

Но в своей собственной стране красно-зеленое правительство подвергалось ожесточенным нападкам. Некоторые газеты пугали Германию одиночеством и изоляцией, писали, что политика Шредера-Фишера «привела к образованию пустоты вокруг страны», с симпатией цитировали заявления американского министра обороны Д. Рамсфелда о том, что немцы и французы представляют «старую Европу», которая Америке в борьбе с Ираком не нужна.

Общественное мнение в Германии и в других европейских странах начало оказывать сильное давление на внешнюю политику. В середине февраля 2003 года на улицы крупных городов в разных частях света вышли миллионы

---

1 “Spiegel”, 2006, №3. S. 35.
2 Там же. S. 24-25
3 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 226.

людей, протестовавших против надвигавшейся войны. В разгар событий, в июне, только в одном Берлине против войны в Ираке демонстрировали 500 тыс. человек. Если же говорить об официальной, правительственной политике, то четкая негативная позиция канцлера в отношении политики США в Ираке была очевидной.

Как считает Г. Шрёдер, только благодаря согласию с Россией немцам и французам удалось отстоять свою позицию «вопреки громкой пропагандистской шумихе по ту сторону океана»[1]. Жёсткая позиция России вызвала несколько лет спустя американское вето на вступление России в ВТО (2006 г.).

Завершая «иракскую страницу» в деятельности «красно-зеленой» коалиции, можно сказать, что история полностью подтвердила все опасения и предупреждения, которые правительство ФРГ высказало в канун войны. С момента начала американской интервенции в Ираке прошло полтора десятка лет. Но и сегодня не наступил подлинный мир в этой стране; поставленные у руля власти не смогли консолидировать народ, внутренняя межконфессиональная и межклановая борьба с годами только разгоралась, а одним из отдалённых, но весьма реальных результатов американского вмешательства стало образование Исламского государства Ирака и Леванта, объединившего самые радикальные, нередко расистские элементы нескольких арабских стран.

Одной из крупных проблем, с которыми пришлось столкнуться правительству Шрёдера-Фишера вскоре после создания, была Косово. Прежде всего, нужно было решить вопрос об участии или неучастии Германии в разгоревшемся конфликте. Трудность ситуации состояла в укоренившемся в сознании населения после 1945 года нежелании участвовать в каких-либо военных действиях, широко распространённых пацифистских настроениях, в том числе и в обеих партиях правительственной коалиции. Однако на внеочередном съезде СДПГ в конце 1999 года делегаты (прежде всего, под влиянием

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 455.

популярного члена руководства партии Эпплера) со скрипом, но согласились на участие немецких вооруженных сил в косовском конфликте[1].

Югославская проблематика уже давно присутствовала в «дорожной карте» немецкой дипломатии. Выше уже отмечено, что Германия выступала в роли «пионера» при оценке распада Югославии (имеется в виду срочное признание суверенитета Словении и Хорватии). (По мнению Е.М. Примакова, Россия в начале 90-х гг. тоже принадлежала к государствам, которые не только признали, но и приветствовали распад Югославии)[2]. В 1993 году самолеты бундесвера AWAKS регулярно летали над Боснией. Уже при Шрёдере Бундестаг принял решение об отправке в Боснию 3-х тысяч германских солдат для участия в миротворческой миссии KFOR.

Понятие «Югославия» к концу 90-х годов фактически включало в себя лишь федеративное объединение Сербии и Черногории; именно здесь вызревал нарыв, которому суждено было сыграть роль основного толчка в развитии нового конфликта на Балканах. В основе конфликта лежали не только исторические корни, связанные со столетиями турецкого владычества, а также событиями начала 20-го столетия (имеются в виду две Балканские войны), но и более «свежие» повороты в судьбе балканских народов. Речь идет о периоде гитлеровской оккупации, очень сложном составе сил, участвовавших в Сопротивлении и, не в последнюю очередь – о конфессиональном многообразии народов «большой» Югославии. Здесь уже давно (и особенно после смерти Й. Б. Тито в 1980 году) вызревали семена раздора, сепаратизма, взаимного недоверия и даже ненависти. Но после распада большого государства в первой половине 90-х годов на первый план выступила косовская проблема.

---

1 Правительство Югославии тотчас откликнулось на это решение требованием предать Г. Шрёдера суду Гаагского трибунала.

2 Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.,1999. С. 338. Буквально это высказывание выглядит так: когда в начале 90-х годов уполовинилась послевоенная Югославия отделением от неё Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины, мировое сообщество, и, к сожалению, в том числе Россия, как-то сразу, без особого напряжения и опасений за будущее не просто признало, но и приветствовало всё это.

Край Косово, который сербы считают исторической колыбелью своей государственности, во времена Й. Б. Тито получил широкие права – практически автономию в составе Сербии. Но в 1990 году эта область, населенная главным образом албанцами, по решению Сербского парламента, инициированного С. Милошевичем, потеряла свою ограниченную самостоятельность.

Как замечает Г. Шрёдер, Милошевич пошел на обострение в своей игре и «принялся укреплять великую сербскую державу... Когда он, вопреки предостережениям, ввел войска в Косово, это было воспринято Соединенными Штатами Америки и их союзниками в Европе как casus belli… Воздушная война против оставшейся части Югославии стала неизбежной»[1].

Проблема Косово вызвала определенные трения в германском правительстве. В марте 1999 года вышел в отставку О. Лафонтен, министр финансов и председатель социал-демократической партии Германии, противник участия в операции в Косово[2]. В правительстве кроме канцлера за участие в событиях выступили министр обороны Р. Шарпинг и Й. Фишер. Последнему приходилось вести напряженную борьбу внутри своей партии с пацифистски настроенной частью ее членов.

В марте 1999 года в Берлине состоялся саммит Европейского Союза, который одобрил применение силы для урегулирования ситуации в Косово. Североатлантический союз начал готовить миротворческую интервенцию в этот регион. Несколько позже к начавшейся акции присоединилась и Россия. НАТО потребовала от Германии активного участия в балканских проблемах. Шрёдер пишет в своих мемуарах, что его и Й. Фишера терзали сильные сомнения в связи с решением принять участие в событиях в Косово[3], но издатель “Die Zeit” Михаэль Науман справедливо подчеркивал в своей газете, что именно Шрёдер признал необходимость отправки немецких солдат в Косово

---

1 Шрёдер Г. Указ. соч. С. 137.

2 У О. Лафонтена, председателя СДПГ в 1995-1999 гг. и фактического лидера левого крыла партии, к этому времени накопились и другие разногласия с канцлером. Примерно в той же редакции Г. Коль обрисовал свою позицию во время встречи с В.В. Путиным в Бонне в 2001 году (См.: Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс… С. 160).

3 Шрёдер Г. Указ. соч. С.116.

и впоследствии – в Афганистан, “чем и добился кардинальных изменений в парадигмах немецкой политики”[1].

Известный немецко-американский историк Фриц Штерн пишет, что будь “красные” и “зеленые” в оппозиции, они голосовали бы против отправки немецких солдат на войну, но “Шрёдер и Фишер убедили свои партии, что это был лишь шаг на пути утверждения Германии в качестве ответственной силы, если немцы не в качестве брутальных завоевателей, но как хранители мира придут на Балканы”[2].

С. Милошевич решился на интервенцию в Косово; сербы действовали решительно и жестко и столкнулись с упорным сопротивлением албанского населения. И канцлер ФРГ, и министр иностранных дел резко осуждали сербов, сравнивая их действия с поведением немецких карателей времён оккупации.

Примечательно в этой связи и личная позиция канцлера, который был в то время председателем Европейского Совета и обладал большими полномочиями. Российская представительная делегация во главе с премьер - министром Е.М. Примаковым пыталась урегулировать начавшийся косовский конфликт и склонила президента Югославии С. Милошевича к переговорам. Делегация сообщила об этом повороте Г. Шрёдеру, но он, сославшись на президента США Б. Клинтона, сказал, что решения Милошевича недостаточно для отказа от бомбардировок.

Возникает вопрос: а смог ли в этой связи что-нибудь сделать Г. Шрёдер в плане решения конфликта? Ведь это очень важное дело касалось непосредственно Европы, а представителем ее влиятельной инстанции тогда был он. Позднее Г. Коль заявил, что если бы он в то время был канцлером, никогда бы не допустил бомбардировок и ракетных ударов по Югославии. Он назвал эти действия «величайшей ошибкой»[3].

---

1 “Die Zeit”, 21.11.2005.
2 Stern F. Fünf Deutschland und ein Leben, München, 2007. S. 135.
3 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.06.2005.

Шрёдер пишет, что его советник правительства по вопросам внешней политики Михаэль Штайнер «подтвердил наше предложение, что закончить эту войну, которая уже разгорелась, можно лишь в том случае, если нам удастся перетянуть на свою сторону Россию»[1].

23 марта 1999 г. Председатель Совета министров России Е.М. Примаков во главе большой делегации (в неё входили несколько министров и губернаторов, видные бизнесмены) вылетел в Вашингтон для переговоров с вице-президентом США А. Гором. Уже в воздухе, над Атлантическим океаном, Примаков получил сообщение о том, что воздушные операции США против Сербии уже подготовлены и вот-вот начнутся. Примаков приказал командиру самолёта развернуться на 180 градусов и полететь на родину. Б.Н. Ельцин по телефону одобрил это решение. На следующий день Примаков связался со Шрёдером. Из этого разговора с канцлером (и председателем Европейского союза в 1999 году) глава российского правительства сделал вывод, что вопрос о воздушном ударе по Югославии предрешен. В наступившую ночь на 25 марта авиация НАТО подвергла бомбардировке Белград и другие объекты.

Руководители Российской федерации вели интенсивные переговоры с коллегами в Париже, Лондоне, Бонне и Риме. Руководимые американской дипломатией европейские политики требовали уступок от одной стороны, Югославии.

30 марта глава Правительства России в сопровождении министра иностранных дел И.С. Иванова, министра обороны И.Д. Сергеева, директора Службы внешней разведки В.И. Трубникова и начальника ГРУ Генштаба В.В. Корабельникова вылетели в Белград для переговоров со С. Милошевичем. На этот раз югославский лидер проявил готовность к определенным уступкам и это могло стать началом урегулирования. Но в Бонне, в переговорах с Г. Шрёдером и Е.М. Примаков убедился, что любой ответ Белграда, кроме капитуляции Западом будет отвергнут. Показательно, что уже 31 марта, в

1 Шрёдер Г. Указ.соч. С. 137

день отлёта делегации из Белграда в Бонн, бомбардировщики НАТО нанесли удар по столичному аэродрому.

Вскоре после этих событий, в Бонн прилетел назначенный уполномоченным Российской Федерации по Югославии В.С. Черномырдин. Ещё до его приезда западные переговорщики согласовали условия для прекращения военных действий:

- Косово будет поставлено под контроль ООН;
- В Косово будет размещен международный воинский контингент, руководить которым будет НАТО.

К лету 1999 года международная ситуация вокруг Косово осложнилась. Американские бомбардировщики не только бомбили Белград, но и уничтожили здание китайского посольства в Белграде. Шрёдеру в этих условиях пришлось перенести запланированный визит в Пекин, а позднее свести его к нескольким часам. Канцлер от имени НАТО принес извинения китайским властям.

В конечном счёте удалось добиться согласия всех сторон, участвующих в натовской операции в Косово. Близкий сотрудник Г. Коля профессор Михаэль Мертес отмечает в своей книге «Немецкие вопросы – европейские ответы», что войну С. Милошевич проиграл, но мира НАТО не добилась[1].

Ещё многие годы после вывода сербских войск из Косово там возникали местные конфликты, горели дома сербов и албанцев и православные храмы. Но для Германии война в Косово явилась определенным рубежом, поскольку впервые после второй мировой войны немецкие солдаты участвовали в боевых действиях.

Одной из сложных проблем, имевших как внутренний, так и внешний аспекты, стала на рубеже XX-XXI вв. иммиграция. К этому времени политика немецкого государства затрагивала интересы не только «старых» мигрантов – турок, югославов, – но в связи с резким расширением потока беженцев

1 Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

из стран Северной Африки, некоторых стан Европы (включая и страны ЕС), проблема иммиграции и отношения к ней властей и общества вышли на первый план в общественной жизни Германии. В первом 10-летии объединенной Германии численность иммигрантов приблизилась к 10% населения. Русскоязычные мигранты составили 21% (2,2 млн. чел.), турки – 19%, из стран Средиземноморья – 12%, поляки – 11% и б. югославы – 10%)[1].

Что касается высших аспектов проблемы, то она затрагивала интересы России, Израиля, Польши, государств б. Югославии и других стран.

В 2001 году специальная комиссия бундестага во главе с проф. Ритой Зисмут пришла к выводу, что положение на рынке труда и в области демографии (старение населения) свидетельствует о том, что Германия нуждается в иммигрантах. Конкретно комиссия предлагала, чтобы каждая земля ФРГ получила право ежегодно пополнять число трудовых мигрантов на 20 тыс. человек (со сроком пребывания 5 лет). Было также предложено разрешить ежегодно приезд из-за рубежа 10 тыс. человек для получения высшего образования. Важный пункт доклада гласил, что люди, имеющие высокую квалификацию и владеющие немецким языком, могут приезжать в Германию «на длительное время».

В докладе комиссии специально фиксировалось, не только старое право убежища, но предлагалось распространить это право на лиц, преследуемых у себя на родине, со стороны негосударственных институтов, а также по половому признаку. В целях «вживания» мигрантов на новом месте, они должны были пройти курс общения языку и специальный интеграционный курс.

В 2004 году был подготовлен (и вступил в силу в следующем году) закон, основанной на предложениях комиссии Р. Зисмут[2].

Среди экономических проблем, в решении которых ФРГ и Россия тесно сотрудничали в годы канцлерства Г. Шрёдера, следует назвать проблемы

---

1 Германия: вызовы XXI века. М., 2009. С. 771.
2 http://usir.salford.ac.uk/26564/1/10909761.pdf .

энергетики. В период канцлерства Г. Шрёдера возникла идея создания нового мощного газопровода, проходящего из России в Германию по дну Балтийского моря. Стремление обоих государств на рубеже XX в. – XXI в. создать новый транспортный путь для продажи и покупки газа имела серьезные основания. Среди них постоянные трения между Россией и Украиной по поводу условий транзита газа, частые изменения этих условий, нелегальное вторжение в «трубу» ловкачей, пользовавшихся плохой охраной газопровода, колебания Болгарии и Турции по поводу их участия в проектах южного трансфера поставили вопрос о надежности, стабильности доставки газа в Западную Европу и заставляли искать новые пути[1].

Для России одним из важнейших аспектов отношений с Федеративной республикой является экономика. Если иметь в виду роль ФРГ во внешнеэкономических связях России, то здесь в 1998-2005 гг. ФРГ занимала первое место. Но если посмотреть на всю проблему с немецкой стороны, то мы увидим, что даже в этот благоприятный период отношений Россия занимала среди внешнеторговых партнеров Германии лишь 14-е место по импорту и 15-е — по экспорту. Даже в Восточной Европе Россия в немецком импорте стояла в этот период на 3-м месте, уступая Чехии и Польше[2].

Прямые инвестиции Германии в российскую экономику в начале 2000-х годов уступали инвестициям таких стран, как Нидерланды, Кипр и США. Что касается абсолютного объема товарооборота между двумя странами, то в 2005 году он едва достигал 30 млрд долларов[3].

В 2003 году Москва и Берлин начали подготовительные работы (исследования трассы, размещение заказов и т. п.), а 9 декабря 2005 г. в Вологде

---

1 Для понимания общей ситуации с поставками газа в Европу необходимо иметь в виду что через Украину страны ЕС в начале XXI века страны Европейского союза получали 1/5 всего импорта газа. Проблема энергоснабжения Германии осложнялась еще и тем, что после тяжелой аварии на Фукусиме было принято решение закрыть в 2022 году все 17 энергоблоков на немецких АЭС. См.: Ковешников Н.Ю. “Невозможная триада” энергобезопасности Европейского Союза. - “Международные процессы”, М., 2015, Том 13, №4.

2 Meier K. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und Russland in Putin-Epoche. Berliner Stiftung “Wissenschaft und Politik”. November 2004, S. 42.

3 См. Дипломатический вестник. МИД РФ. Ежегодник, М., 2008. С.137.

началось строительство Североевропейского газопровода («Северный поток»), который должен был завершить свой путь на немецкой территории напротив южной окрестности Швеции. Несмотря на то, что стабильность поставок газа в Западную Европу с введением «Северного потока» явно должна была возрасти, проект встретил в ряде стран негативное отношение.

Российско-германское соглашение было подвергнуто осуждению в Варшаве, где президент Квасьневский назвал его «плохим с точки зрения экологии и политической точки зрения». Парламент этой страны решил, что проект «угрожает безопасности и независимости Польши». Еще более резко критиковал будущий газопровод сменивший Александра Квасьневского президент Ярослав Качиньский.

Глава правительства Литвы А. Баркаускас выразил опасения, что строительство газопровода в районе, где находятся места захоронения нацистского химического оружия, обернется экологической катастрофой. Эстонцы, которые в 90-е гг. добровольно сдвинули свою морскую границу на несколько миль ближе к берегу, теперь выступали за возвращение к прежней границе, чтобы получить суверенитет над участком пролегания будущей трассы и еще до решения этого вопроса сообщили, что не дадут разрешения на исследование морского дна «в эстонской экономической зоне».

Швеция, в первый период осуществления проекта выступавшая против него, в ноябре 2009 года сняла свои возражения, но отказала в разрешении строительства в шведской экономической зоне важной компрессорной станции.

Президент Белоруссии А. Лукашенко в свойственной ему живой манере назвал проект «самым дурацким проектом России» и предложил взамен провести вторую нитку газопровода «Ямал-Европа» через белорусскую территорию. Но были и другие настроения. Важным было то, что канцлер Германии с 2005 года А. Меркель подтвердила, что Германия намерена продолжать строительство и реализацию проекта. С самого начала поддержала проект Финляндия, министр иностранных дел которой даже сообщил, что идея

прокладки газопровода по дну Балтийского моря вообще является финской. Уже после ухода Г. Шрёдера с поста канцлера протесты как-то поутихли; большую роль сыграли организованные руководством проекта детальные исследования морского дна, возможного влияния трубопровода на рыболовство и т. п. 8 ноября 2011 г. первая очередь «Северного потока» была введена в действие.

Товарищи по партии и коллеги по правительству отнеслись к согласию Г. Шрёдера занять высокий пост в наблюдательном совете дочерней компании «Газпрома», мягко говоря, без энтузиазма. Председатель партии «зеленых» Клаудиа Рот заявила экс-канцлеру, что в его поступке она видит «крайне отвратительное явление» и не подлежащее обсуждению смешение интересов[1]. Свободные демократы в лице главы партии Г. Вестервелле обвинили Шрёдера в субсидировании «некоей компании», чтобы через короткое время поступить на службу в этой же компании. Речь идёт о решении Германии гарантировать крупный кредит (900 млн евро), предназначенный для реализации проекта «Северный поток». Гамбургский суд снял данное обвинение с бывшего канцлера, но, как писала венская «Der Standard», суд не в состоянии был восстановить подорванный авторитет политика[2].

Вместе с тем очевидно, что активное участие Шрёдера в реализации проекта создания еще одного транзитного пути поставок российского газа в Западную Европу отвечало жизненным интересам ряда государств и, прежде всего, Германии. Это с большой наглядностью проявилось несколько лет спустя, когда конфликт между Киевом и Москвой поставил под вопрос использование российского газопровода через территорию Украины, а трагедия в Фукусиме побудила парламент и правительство ФРГ принять решение о закрытии всех атомных электростанций к 2022 году.

Политика правительства Г. Шрёдера в энергетической сфере подвергалась ожесточенным нападкам и в СМИ. Смысл этой резкой критики был свя-

1 См. “Spiegel”, 2012, H. 41, S. 97.
2 “Der Standard”, Wien, 8 April 2006.

зан с опасениями, что ФРГ может попасть в зависимость от Москвы. Убедительный ответ на опасения Запада по поводу возможного давления Москвы дал Е.М. Примаков в своей книге «Мир без России?»[1] Он подчеркивает, что, несмотря на возрастающий внутренний спрос на энергоресурсы, Россия жизненно заинтересована в расширении экспорта нефти и газа. Он обеспечивает более 50% доходной части федерального бюджета, более 70% стоимости всего экспорта и валютной выручки, 100% Резервного фонда и Фонда благосостояния. Из этого следует вывод, что если Европа будет испытывать потребность в увеличении импорта из России газа и нефти, то и сама Россия испытывает и будет испытывать не меньшую потребность в реализации возрастающего экспорта своих энергоресурсов.

Кроме того, нужно учитывать, что старые источники топлива истощаются (они действуют еще с советских времен). Поэтому рост добычи станет возможным лишь при освоении новых месторождений в труднодоступных местах Восточной Сибири, на шельфе Северных морей, на Каспии. Для этого необходимы огромные средства. Получение таких средств, в свою очередь, возможно при бесперебойных поставках российских энергоресурсов на внешние рынки.

Авторы многих публикаций настойчиво рекомендовали канцлеру вообще перейти от решения энергетических проблем в формате двусторонних отношений ФРГ-РФ к формату ЕС-РФ. Речь идет об опасениях, что при существующем порядке Россия получает в свои руки мощное средство давления на Федеративную Республику. Если же переговоры и соглашения по проблемам энергетики вести от имени ЕС, такие возможности будут сведены к минимуму. Вот пример таких публикаций. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» писала в июне 2005 года, что «интересы Москвы состоят в том, чтобы держать отношения в сфере экономики на двусторонней основе – в этом случае она может диктовать условия соглашений... Если ЕС будет говорить одним

1 См.: Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М., 2009. С. 144-145.

голосом, т.е. если переговоры будут вестись между Брюсселем и Москвой, ЕС будет находиться на позиции силы и сможет со своей стороны определять условия соглашений»[1].

Шрёдер твердо стоял на позиции продолжения двусторонних переговоров. Канцлер доверял своим российским партнерам. В связи с опасением на Западе, что на почве поставок топлива из России в Европе может возникнуть «непредсказуемая зависимость от Москвы», он подчеркивал, что Россия стремится сохранить свою роль поставщика энергоресурсов для всей Европы. Шрёдер шёл дальше и даже предлагал сменить наметившееся стратегическое партнерство с Россией на привилегированное. Глава «красно-зеленой» коалиции намечал программу укрепления и расширения связей и ЕС с Россией в сфере энергетики, он, в частности, предлагал открыть для РФ доступ на внутренний энергетический рынок Европы. С его точки зрения, необходимо было разрешить российским производителям заключать сделки непосредственно с конечными потребителями, предоставить им право приобретать пакеты акций немецких энергетических концернов или городских электростанций[2].

Среди крупных совместных проектов начала нового века нельзя оставить без внимания сотрудничество российских и немецких космонавтов на Международной космической станции.

Шрёдер с сочувствием писал о трудностях переходного периода в России, начавшегося в 90-е годы. «Сколь бесконечно много труда и времени требуется, чтобы вывести страну на новый курс», - пишет он. Политика сближения с Россией, проводившаяся канцлером в начале XXI в., подверглась интенсивной критике со стороны институтов партийно-политического спектра и в научном сообществе. Ясное представление о нападках на канцлера, о претензиях к нему в связи с «избыточным сближением» с российским

---

1 “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, 11.06.2005.

2 Г. Шрёдер и на деле старался проводить эти идеи в жизнь. Уже покинув пост канцлера, он возглавил Наблюдательный Совет Североевропейской газопроводной компании, в которую входит “Газпром” и два крупных немецких предприятия – EON и БАСФ.

руководством, даёт статья профессора Х. Адомайта, опубликованная в электронной коллекции статей, посвященной России и странам СНГ[1], а также публикация этого автора вместе с К. Бастиан и Р. Гётце в работе «Deutschland's russische Politik unter Druck»[2]. Авторы считают фатальной ошибкой Шрёдера оценку Путина как «безупречного демократа». В ноябре и декабре 2003 года политика канцлера в отношении России обсуждалась бундестаге, и оппозиция требовала от Шрёдера «более жесткого подхода» в переговорах с Путиным. С момента прихода В.В. Путина к власти и до конца 2004 года между двумя руководителями состоялось 29 встреч. Документы бундестага характеризовали оценки, которые давал Шрёдер своему партнеру, как «смесь равнодушия и похвалы в адрес Путина». Депутаты выражали тревогу по поводу приоритета, который немецкое правительство отдает российскому президенту, и в связи с тем, что Россия рассматривается как «стратегический партнер» (как партнёр «в воображаемой оси Париж – Берлин – Москва»). По словам немецких авторов, такой подход «вызывает подозрение о намерении создать европейский противовес США». Развитие России в годы президента В.В. Путина, по мнению авторов названных публикаций, являлось «негативным», но «канцлер знает об этом и молчит, т.к. Германия зависит от российских нефти и газа»[3].

Шрёдер подвергался критике и нападкам с разных сторон и за то, что он не добивается от российских партнеров реализации в России «западных ценностей», не протестует против утверждения в РФ путинской вертикали власти, фактического назначения региональных руководителей Кремлем, огосударствления почти всех телевизионных компаний, ограничения права на собрания и митинги и т.п.

---

1 Russia. Cei. Visions №(6)b, Institut Francais des Relations internationales, Paris, 2004. (русский перевод). Х.Адомайт, сотрудник Берлинского Фонда науки и политики и Института в Эббенхаузене, работал также в Гарвардском университете и в Рэнд Корпорэйшн.

2 Berliner Stiftung "Wissenschaft und Politik". Berlin, 2004, S. 5-22.

3 Названные авторы публикаций ссылаются на статью Р. Гётца – «Молчание за газ?» и статью в "Süddeutsche Zeitung" (19.12.2004) под названием «Зачем любезничать с Путиным?»

В этой связи интересно, что, перечислив эти «грехи» Шрёдера, авторы, тем не менее, довольно объективно анализируют факторы, влияющие на сотрудничество двух государств. В разделе «Структура и состояние германо-российских отношений» они отмечают, что элиты ФРГ и России «освободились от груза прошлого», что Германия – важнейший экономический партнер России и ее самый крупный зарубежный кредитор и инвестор, что Россия для Германии является важным поставщиком энергоносителей (ФРГ получает из России примерно 30% импортируемой нефти и 40% газа)[1].

К осени 2005 года положение правительства красно-зеленой коалиции осложнилось. Во время второго канцлерства Г.Шрёдера экономические трудности вынудили правительство урезать социальные выплаты. «Задетые этим люди, – пишет швейцарский политолог Мартин Рупс, – неожиданно обнаружили, что имеют меньше денег, необходимых для жизни»[2]. Росла безработица, а размер пособия по безработице резко сокращался.

Выборы в землях 2005 года приносят заметный урон социал-демократам. Попытки канцлера укрепить свое положение с помощью консервативного вотума недоверия в бундестаге, потерпели неудачу. М. Рупс утверждает даже, что «политические похороны» канцлера организовал тогдашний председатель СДПГ Франц Мюнтеферинг[3]. В ходе выборов в сентябре 2005 года блок ХДС/ХСС получил 35,2% голосов (в 2002 году – 38,5), СвДП – 9,8 (7,4), СДПГ – 34,2 % (38,5), Союз 90 в блоке с «зелеными» – 8,1 (8,6), блок «левых» и партии демократического социализма – 8,7 (8,6)[4].

После семилетнего перерыва к власти вернулся блок ХДС/ХСС во главе с Ангелой Меркель и с участием социал-демократов (второе, после 1966-1969 гг. правительство «большой коалиции»).

---

1 Важно отметить: некоторые немецкие исследователи считают, что поставки энергоносителей из Норвегии, Алжира и Ирана «смогут скомпенсировать возможное сокращение российских поставок», что энергетическая безопасность Германии обеспечена и вряд ли можно говорить, что немецкая политика в отношении России основана на энергополитических соображениях. См. указ. работы Х. Адомайта.

2 Rupps M. Op. cit. S. 133.

3 Ibid. S. 132.

4 Der Fischer Weltalmanach 2007. Frankfurt a. Main, 2006. S. 154.

Выступая с докладом в Германском историческом институте в Москве, в 2010 году, Шрёдер сделал несколько важных заявлений о своём понимании роли России и германо-российских отношений[1]. По его мнению, «исходная точка парадигмы германской внешней политики гласит: «стабильность в Европе возможна только в рамках дружественных отношений с Россией». Дальше, экс-канцлер сказал, что немцы обязаны выступать за как можно более тесные отношения между Европейским Союзом и Россией. Он призвал западные страны отказаться от использования двойных стандартов при оценке политики различных стран. Наконец, Г. Шрёдер призвал к сближению – «в международно-правовом плане» России и европейских структур. «ЕС должен ассоциировать Россию», призвал докладчик. Шрёдер обратился с призывом к США отказаться от размещения систем ПРО в Восточной Европе, а Россию призвал не размещать свои ракеты в Калининградской области.

В этом же докладе в Германском историческом институте в Москве он заявил, что память о войне обязывает немцев выступать за «как можно более тесные отношения между Европейским Сообществом и Россией». Здесь же речь идёт о примирении Германии с Польшей и Россией. «Это примирение, – продолжал экс-канцлер, – является главным достоянием, которое мы обязаны хранить и лелеять». Шрёдер говорил далее, что опрос, проведенный недавно в Германии, показывает, что 93% немцев не испытывают страха перед Россией. В этой части доклада он призывает Запад сделать все для укрепления стабильности в Российской Федерации.

И, переходя к основной части доклада, он предлагает более тесно связать нашу страну с европейскими структурами. Раскрывая детали своего предложения, докладчик говорит о таких областях сотрудничества, как либе-

---

1 Шрёдер Герхард. Германия, Европа и Россия – партнерство на пути к миру и безопасности. Доклад был прочитан 17 мая 2010 года в Германском историческом институте в Москве. Текст на русском и немецком языках. С. 3, 5, 7, 11, 19. Среди других аспектов этого доклада можно отметить определенную тревогу в связи с российско-китайским сближением. «Не в наших интересах, – говорил Шрёдер, – чтобы возникла новая политическая структура с российско-китайской доминантой, которая вытеснит Европу из Центрального и Восточного постсоветского пространства» (с. 17).

рализация торговли вплоть до создания зон свободной торговли, о совместных инфраструктурных проектах, о регулярном и углубленном политическом диалоге, об упрощении визового режима и сотрудничестве в вопросах политики безопасности.

В докладе содержался еще один интересныйсюжет. Напомнив слушателям, что в Центральной и Восточной Азии укрепляются и другие связи между государствами (особо упомянув Шанхайскую организацию сотрудничества), Шрёдер заявил что «все это способствует стабилизации в регионе, но не в наших интересах, чтобы возникла новая политическая структура с российско-китайской доминантой, которая вытеснит Европу из Центрального и Восточного постсоветского пространства» (17 страница опубликованного доклада). Возвращаясь к основной идее выступления, Шрёдер указывает на проявления слабости Европейского Союза, на рост числа евроскептиков, в том числе в Германии. В качестве выхода из положения он говорил, что ЕС «переживает драматическую фазу» своей истории и в качестве улучшения ситуации предлагал «ассоциировать Россию и расшириться за счет Турции».

В завершение автор хотел бы высказать свое суждение об итогах внешнеполитической деятельности «красно-зеленой» коалиции. Без сомнения, некоторые акценты во внешней политике страны изменились. Берлин в значительной мере ослабил свои усилия в деле расширения географии Европейского Союза на восток; по крайней мере, в первые годы канцлерства Г. Шрёдера из Берлина раздавались призывы не спешить, не высказывать «несбыточных надежд» на скорую интеграцию. Эксперты отмечали даже определенные трения в этой связи между ФРГ и скандинавскими странами, настаивавшими на безотлагательном приеме прибалтийских государств в Союз. В вопросах взаимоотношений с Францией правительство Шрёдера-Фишера подчеркивало свое намерение сохранить особые связи с этой страной, но на деле можно было наблюдать определенное сближение с Великобританией, где у власти находилось лейбористское правительство Тони Блэра. В этой связи можно говорить об отходе правительства ФРГ от идей лидеров

ХДС/ХСС о создание внутри ЕС «твердого ядра», состоящего из ФРГ, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Теперь речь шла о постепенном превращении ЕС в подлинную федерацию, что означало и определенное ущемление национального суверенитета. Эти планы, озвученные Фишером, не встретили позитивного отклика в странах ЕС, значительная часть, которых не желает расстаться с остатками самостоятельности.

Некоторые из особенностей политики правительства Г.Шрёдера – Й. Фишера были связаны именно с его коалиционным составом. Например, «зелёные» требовали и добились решения об отказе от использования атомной энергии, что было серьезным моральным ударом по Франции, где АЭС занимают преобладающее место в энергетике. Если Франция в своей политике в Африке нередко выступала на стороне местных режимов, далеких от демократии, то заявление «зелёного» министра иностранных дел, что права человека и демократизация должны стать одним из главных аспектов политики, неизбежно задевали равнодушное отношение французских партнеров к этим ценностям (во всяком случае, к их распространению в «третьем мире»).

Можно отметить, что правительство социал-демократов и «зелёных» гораздо меньше, чем правительство Г. Коля, уделяло внимание проблеме получения ФРГ постоянного места в Совете Безопасности ООН. Что касается отношений с Россией, то они в целом развивались благоприятно, хотя определенные надежды вывести их на положение стратегического и привилегированного партнерства и придать им стабильный характер, в последующие годы оказались завышенными[1]. В вопросы, связанные с укреплением мира, Правительство Г.Шрёдера внесло определенные новые нюансы. Здесь можно отметить, что принятая в 90-е годы формула «контроль над вооружениями», в устах канцлера и министра иностранных дел приобрела более решительный характер. Теперь речь шла о «разоружении, в том числе в области ядерных вооружений».

---

1 В этом плане можно отослать интересующихся данной проблемой к весьма содержательной, уже упомянутой монографии Н.В. Павлова. Россия и Германия «Несостоявшийся альянс: история с продолжением». М., 2017, см. с. 486-498 и 536-555.

Однако можно отметить, что такие основы политики ФРГ как приверженность НАТО и европейской интеграции, остались без изменений.

К концу своего пребывания у власти Г.Шрёдер терял авторитет и влияние, он вынужден был, в частности, урезать социальные выплаты, что задело интересы многих. По мнению немецких политологов Т. Лютьенса и Л. Гейгеса, раньше в XX веке, социал-демократы знали, что они хотят (разоружения, права участия в управлении предприятием и т.д.), а теперь они не понимают, куда они идут[1].

Похоже, что опубликованная в 2003 года обширная программа реформ (Agenda-10[2], а одним из ее основных авторов которой был Ф.-В. Штайнмайер, будущий министр иностранных дел, а затем – президент ФРГ), направленная, прежде всего, на сохранение в Германии социального государства, уже не могла спасти положение канцлера.

К тому же, в дальнейшем развитии событий свою роль сыграли и некоторые лидеры СДПГ, отвернувшиеся от главы правительства. Руппс считает, что именно председатель партии Франц Мюнтеферинг «организовал политические похороны» Г.Шрёдера[3].

Автор диссертации считает, что, несмотря на определенное охлаждение и спад в германо-российских отношениях (особенно в связи с украинским кризисом) дальнейшее развитие и объективная заинтересованность обоих государств в сотрудничестве вернут актуальность высказанным Герхардом Шрёдером идеям, связанным с германо-российскими отношениями.

Выводы по 3 главе.

Внешняя политика объединенной Германии осуществлялась в 1991-98 гг. на фоне целого ряда трудностей. Ряд из них были связаны с необходи-

---

1 Rupps M. Op. cit. S.132.

2 Русский перевод программы под названием «Германия.2010» был опубликован в 2003 году.

3 Павлов Н.В.. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 500.

мостью сложной и затратной интеграции новых федеральных земель, адаптации 14 миллионов новых граждан, бывших жителей ГДР.

Основные параметры внешней политики ФРГ в 1991-2005 гг. оставались неизменными: это были дальнейшее развитие и укрепление европейской интеграции, сохранение отношений с Соединенными Штатами как с главным союзником объединённой Германии; верность Североатлантическому альянсу. В этот период впервые в своей послевоенной истории Германия пошла на боевое применение своих вооруженных сил за пределами страны.

На какое-то время, в конце названного срока, можно было отменить серьезное развитие российско-германских отношений. Речь шла даже о приоритетном партнерском сотрудничестве. Дальнейший ход событий (после 2005 года) показал, что эти надежды были преувеличенными.

Заключение

Формирование предпосылок, направленности и содержания внешней политики объединённой Германии начало происходить вскоре после окончания Второй мировой войны. После объединения Федеративной Республика Германия постепенно заняла место одной из ведущих мировых держав. Несмотря на внешнее давление, исходящее в основном от Соединенных Штатов Америки, сменяющие друг друга правительства ФРГ стремились проводить осторожную политику «мягкой силы» и дистанцироваться от опасной и авантюрной, рассчитанной на достижение мирового господства политики США, которую немалая часть германского политического класса воспринимает как узколобо-мессианскую и неоправданно милитаристскую. После объединения и по сей день, – как в периоды потепления отношений в Европе и в мире, так и в периоды их обострения, – руководство ФРГ стремилось не разрывать сложившиеся связи с Российской Федерацией, сохранять контакты, вести дискуссии по трудным и спорным вопросам межгосударственного взаимодействия.

Проведенное исследование позволило автору сформулировать ряд обобщений и выводов, в качестве которых представлены следующие положения.

1. Сразу после завершения Второй мировой войны и капитуляции оккупированная Германия стала полем борьбы участников «холодной войны», с момента первого берлинского кризиса 1948-1949 гг. германская проблема оказалась в фокусе этой борьбы.

В первое послевоенное десятилетие оба немецких государства прошли путь от положения объектов политики внешних игроков к отчасти формальному суверенитету, к участию в двух противостоящих военно-политических союзах и к превращению в государства со всеми его атрибутами, включая вооруженные силы.

При этом уже в период, предшествующий появлению двух немецких государств (1945-1949 гг.) была сформулирована значительная часть установок, в дальнейшем образовавших идейную основу внешнеполитического курса ФРГ, в том числе и объединенной Германии. Доминирующая точка зрения сводилась к стремлению отделить западную часть Германии от восточной, интегрировать её в рамках экономического, а затем и политического союза западных держав. В западной части страны фактически происходила реставрации классического монополистического капитализма с сильным социальным уклоном.

Под влиянием первого берлинского кризиса в сознании не только консервативной, но и либеральной части немецкого общества начали отвергаться идеи нейтрализма, а США постепенно стали занимать место «страхового полиса» Западной Германии. Идеи евроатлантизма в этих условиях получали всё большую поддержку, распространившись на внешнеполитические воззрения.

2. В течение первой четверти века своего существования оба германских государства принимали активное участие в деятельности, направленной на обострение силового противостояния в Европе, которое фактически представляло собой реальную угрозу военного столкновения. Анализ архивных материалов, использованных в работе, позволяет утверждать, что часть руководства СССР в 50-60-е гг. была готова на определенных условиях отказаться от поддержки ГДР и согласиться на воссоединение страны.

Переход ФРГ на рубеже 60-70-х годов от жесткой конфронтации к «новой восточной политике» стал первым важным шагом на пути решения германского вопроса, означавшим начало продвижения к объединению Германии не на путях конфронтации, а при условии примирения и сотрудничества с Москвой.

Необходимо признать, что в тот период решению «германского вопроса» препятствовали и некоторые действия Советского Союза. Речь идёт о Карибском кризисе, о силовом подавлении реформ в Чехословакии, о введении

войск в Афганистан, о размещении атомных ракет средней дальности на европейской территории СССР и в ГДР, об уничтожении южнокорейского гражданского самолёта.

3. Решение «германского вопроса» в 1990-е гг. было связано с рядом внешнеполитических и внутриполитических проблем, назревших к тому времени в Советском Союзе.

Гонка вооружений между Советским Союзом и США привела не только к обострению отношений и росту военной опасности, но и к серьёзным внутриполитическим проблемам в СССР: к истощению финансов, к отставанию производства потребительских товаров и к технологическому отставанию, что составляло серьёзную угрозу для исхода состязания жестко централизованных, с плановой экономикой, социалистических государств и стран с рыночной экономикой. Обещание американского президента «довооружить Советский Союз до самой смерти» или появление новых капитало- и наукоёмких проектов США (например, о милитаризации космоса) побуждали новое руководство СССР, возглавленное с 1985 года М. С. Горбачёвым, поспешить с анализом ключевых вопросов внешнеполитического и внутреннего развития.

В рамках так называемой «перестройки» в СССР и реализации «нового политического мышления» в 1987 году очередь дошла и до «германского вопроса», что нашло свое отражение в необыкновенной интенсивности переговоров советских руководителей с руководством США, лидерами крупных держав Европы и, прежде всего, с представителями правительства и политических партий ФРГ. Речь на первых порах не шла об объединении двух немецких государств. Напротив, документы, выступления участников контактов и переговоров полны заявлений об отказе от спешки в этом вопросе, о возможности передать решение «германского вопроса» «следующему поколению», о том, что берлинская стена «может простоять ещё 100 лет» и т.д. Рассматривались вопросы постепенного сближения двух немецких государств в сфере экономики, культуры и т.п.

4. Изучение хода событий в 1988-90 гг. показало, что реальная жизнь обгоняла дипломатические усилия.

Существует определённый спор среди специалистов о том, что подгоняло политиков, главным образом, в Москве и в Бонне, ускорить темпы переговоров. Часть исследователей указывает на истощение экономических ресурсов Советского Союза, на трудности, с которыми столкнулось Советское руководство в ходе начавшейся ломки сложившегося в течение десятилетий экономического механизма. Нельзя не признать, что в сознании советского населения привлекательность идеи перемен контрастировала с упадком производства, сокращением доходов, плохо продуманными мерами в финансовой и других сферах экономики. Э.А. Шеварднадзе считал, что многолетние огромные затраты на военное противостояние, приводившее в итоге к материальным лишениям и низкому уровню жизни по эту сторону линии раздела, «по сути дела превратили победителей в побежденных».

Определенным парадоксом истории в 80-90-е годы оказался тот факт, что внутреннее ослабление Советского Союза совпало по времени с улучшением отношений с США, с важными соглашениями по вопросам ограничения вооружений. Автор полагает, что причиной улучшения отношений двух стран было как раз ослабление СССР и опасность его распада. Крупные западные политики опасались краха советского государства, или возникновения в нем состояния хаоса. Такой хаос, совмещенный с владением СССР ядерным оружием, представлял бы реальную угрозу для всего мира. Без сомнения, советско-американские соглашения оказывали, в свою очередь, влияние и на переговоры по германскому вопросу (и наоборот).

Часть исследователей полагает, что роль ускорителя переговоров по германскому вопросу играло быстро осложнявшаяся ситуация в Германской Демократической Республике. По сути дела, в конце 80-х годов получил свое воплощение план западногерманского политического деятеля Г. Венера («серый план»), предусматривавший широкую финансовую и иную поддержку социалистического соседа.

В ГДР же активизировалось «молчаливое большинство», которое в массовом порядке требовало перемен, демократизации, свободы выезда из страны. Положение осложнялось и упорством престарелых руководителей ГДР, упустивших время для назревших реформ.

При этом крупные западные державы, которые почти единодушно (за исключением США) прямо убеждали Москву не спешить, подчеркивали угрозы, связанные с предстоящим объединением Германии, другие делали то же самое, но за кулисами открытой дипломатии.

Говоря о переходе советского руководства к политике форсированного объединения Германии, нельзя не признать, что М.С. Горбачёв и его близкие сотрудники позволили партнерам по переговорам шаг за шагом навязать свой календарь объединения, временами лишавший Советский Союз возможности отстаивать свои интересы. Многие вопросы в ходе переговоров решались без участия союзников СССР по ОВД, а иногда сознательно скрывались.

5. Последнее десятилетие XX столетия в отношениях России и Германии характеризуются стабильной ситуацией, отражавшей недавнее историческое событие – объединение – и роль в нем Советского Союза. Обе стороны стремились более-менее точно выполнять взятые ими на себя в момент объединения обязательства. Материальная поддержка России Федеративной Республикой Германии серьезно перекрыла часто критикуемые в нашей стране обязательства, взятые Г. Колем во время известных соглашений в Архызе и сразу после этой встречи.

Вместе с тем немецкая сторона, ссылаясь на недобросовестных субподрядчиков, заявила о невозможности дальше брать на себя дополнительные расходы по строительству жилья для выводимых из Германии российских войск. При этом позиция немецкой стороны получила поддержку президента России Б.Н. Ельцина.

В этой связи можно сделать полезный для дипломатии всех стран вывод, что отношения, основанные на нормах права и на тщательно согласованных интересах прочнее и долговечнее, чем личные отношения руководи-

телей государств. Оценивая первые после объединения годы российско-германских отношений, можно сказать, что это был успешный период, для которого было характерно расширение экономических и культурных отношений. Новая Германия в эти годы даже брала на себя проведение определенных шагов в зарубежных финансовых и других инстанциях, отстаивая там интересы России. Одним из важных свидетельств благожелательного отношения ФРГ к России был тот факт, что немцы активно поддерживали идею Ж. Ширака об обновлении НАТО и затем – о привлечении и России в реформированную организацию.

На заключительном этапе правления Г. Коля можно было отметить определенные трения между РФ и ФРГ, связанные с событиями в Косово.

6. Приход к власти (с небольшим временным разрывом) новых руководителей в обеих странах – премьер-министра (1999 год) и президента (2000 год) в России В.В. Путина, а в Германии (1998 год) – Герхарда Шрёдера открыл период в целом благоприятных отношений двух государств.

Новый канцлер обещал «долго и успешно» работать с новым российским руководителем. Г. Шредер оказался последователем использования «мягкой силы» в международных отношениях. Вместе с тем именно Г. Шрёдер и его министр иностранных дел активно выступали в парламенте за реализацию «новой ответственности» крупнейшей в Европе по населению и по экономике страны.

В 1999 году Югославия стала полем первого боевого применения военно-воздушных сил ФРГ. Отправка немецкого контингента в Афганистан в 2001 году стала реализацией представления о новой роли ФРГ в международных отношениях. «Силовой фактор» на рубеже XX-XXI в. начал занимать важное место в концептуальных документах Германии. Вместе с тем необходимо подчеркнуть осторожность, с которой действовало красно-зеленое правительство на европейской и мировой арене в условиях обострения трений между державами.

Шредеру пришлось в годы его канцлерства выслушать много упрёков по поводу определенных приоритетов его «российской» политики. В.В. Путин был одним из немногих глав государств, получивших приглашение выступить с программной речью перед депутатами немецкого парламента. Речь получила высокую оценку в СМИ и из уст государственного руководства ФРГ и была источником позитивных оценок «истинного европейца» Путина (хотя и с «азиатской доминантой», по словам канцлера).

Именно сближение с Россией в начале XX в. позволило объединенной Германии выстоять перед усиленным нажимом США и других стран НАТО, требовавших участия ФРГ в операциях в Ираке; немцы создали совместно с Францией и Россией как бы «тройственный союз» ad hoc; при этом канцлер открыто называл вторжение США в Ирак авантюрой.

Германия в период канцлерства Г. Шрёдера продолжила линию, начатую Г. Колем, и тоже выступала в роли благожелательного посредника в отношениях Москвы с европейскими и мировыми экономическими институтами. При активном участии канцлера продолжалась интеграция России в полноправные члены сформированных в Европе многосторонних институтов.

Не вдаваясь в детали отношений двух государств на рубеже XX-XXI в., необходимо отметить, что экономические отношения ФРГ и России оставались весьма важными для них, но прежде всего – для России. Именно в период правления правительства Г. Шрёдера Германия заняла первое место среди иностранных инвесторов в России. Вместе с тем среди внешнеторговых партнеров ФРГ Россия занимала 14-15 места, уступая даже таким небольшим странам как Нидерланды или Кипр. В диссертации показана и сложная борьба вокруг проекта «Северного потока» – прокладки огромного газопровода по дну Балтийского моря из района Петербурга в северную Германию.

Несмотря на очевидность того, что каждая новая нитка газопровода из России на Запад повышает надежность поставок (и заинтересованность поставщика в бесперебойной работе всей системы), проблема «Северного потока» вызывала серьезное сопротивление ряда восточноевропейских и прибал-

тийских государств, делавших пугающие заявления о неизбежном загрязнении Балтийского моря и усилении зависимости получателей газа от Москвы. Однако, в итоге, при активном позитивном участии Германии и лично Г. Шрёдера, покинувшего свой пост канцлера в 2005 года, в ноябре 2011 года первая нитка нового газопровода была открыта.

Выводы и обобщения, сделанные автором, позволяют сформулировать ряд рекомендаций, связанных с дальнейшим развитием российско-германских отношений.

Накопленный Россией и Германией в 1998-2005 гг. позитивный опыт двусторонних отношений нуждается в осмыслении на предмет использования оправдавших себя методов и форм взаимодействия двух стран. Участие Германии в настоящее время в антироссийском блокировании стран Запада и Восточной Европы не отвечает подлинным национальным интересам страны. Автор выражает уверенность, что насущные взаимные интересы двух государств в обозримом будущем вернут их к сотрудничеству, характерному для периода конца XX в. – начала XXI в.

Залогом возможности такого поворота является наличие среди элит и общественности Германии обширного пророссийского лагеря, к которому можно отнести представителей совершенно разных общественных групп. Это и прагматически настроенные политики из числа как социал-демократов, так и христианских и свободных демократов, чьи взгляды были сформированы дружественной к России политикой Г. Шрёдера или хотя бы политикой «золотого моста», которую вёл по отношении к перестроечному Советскому Союзу и кризисной постсоветской России Г. Коль. Это и представители новой левой и новой правой оппозиции, настроенные на диалог с Россией, способной, по их мнению, сыграть в евроатлантическом сообществе роль не «возмутителя спокойствия», но оппонента в дискуссии, предлагая конструктивные решения основных проблем современности. Это лояльно настроенная к России часть уроженцев бывшей ГДР и постсоветской эмиграции. Наконец,

это значительная часть простых граждан Германии, не желающих жить в стереотипах противостояния.

Рекомендации *научно-теоретического характера* направлены на дальнейшее исследование внешней политики ФРГ и факторов, влияющих на внешнеполитический курс Германии. В этой связи представляется актуальным и перспективным исследование следующих проблем:

– поиск равновесия между национальными, общеевропейскими и евроатлантическими ценностями как детерминанта внешней политики Германии;

– культурно-ценностные факторы в истории развития внешнеполитических стратегий и доктрин Германии;

– стратегическая культура как детерминант внешнеполитического курса Германии;

– влияние России на изменение внешнеполитических приоритетов объединённой Германии.

В настоящее время можно прийти к следующим рекомендациям практического характера по нормализации российско-германских отношений.

1. Сложившаяся на сегодня ситуация не дает возможности в короткий срок восстановить дружественные отношения между двумя Россией и ФРГ. Вместе с тем следует изыскивать возможности для продвижения по всем направлениям идеи сближения двух стран, вплоть до разработки договора, схожего с франко-германским договором 1963 года. При этом следует сделать упор на имеющиеся прецеденты как российско-германского продуктивного сотрудничества разных эпох, на изучение и популяризацию сюжетов, связанных с двусторонними экономическими, культурными и научными, династическими связями, ролью немецкого этноса в русской истории, вкладом эмиграции из России в развитие Германии, опытом преодоления тоталитаризма, историей отдельных судеб и т. п.

Можно использовать опыт сфер науки и искусства. Как известно, вклад немцев в развитие духовного и интеллектуального мира России был огромен. Нуждается в осмыслении и опыт послевоенной нормализации германских

отношений с западными соседями, в особенности с Францией. Путь к нормализации российско-германских отношений затронет все секторы двусторонних отношений, от морально-психологических, связанных с хорошо продуманной ненавязчивой пропагандой, с культурным, научным, студенческим, волонтёрским обменом, до приоритетного развития экономических связей.

В качестве первичной меры по улучшению российско-германских отношений было бы полезно активизировать российско-германский диалог экспертов на разных площадках («Германо-российский форум», «Германский исторический институт в Москве», «Санкт-Петербургский диалог», журнал «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» и т. д.) для обсуждения актуальных вопросов истории и современности российско-германских отношений – в частности, проблемы внешнеполитических приоритетов. Возможно проведение научной конференции на эту тему.

2. В сфере экономических отношений при решении задач сближения двух стран не последнюю роль могут играть и преференциальные демонстративные меры России в отношении Германии (речь идет о размере торговых пошлин, о специальном снижении цены на газ и т.д.). Участие ФРГ в экономических санкциях отнюдь не приветствуется «Дойче Банк», Восточным комитетом германской экономики или крупнейшими бывшими и потенциальными партнёрами среди немецких фирм. А. Меркель, несмотря на собственное критическое отношение к современной России и вопреки противодействию внутри и извне ФРГ, прагматически поддержала вторую очередь Северного потока. Представляется возможным выдвижение российской стороной и других привлекательных крупных проектов.

Можно начинать процесс улучшения отношений с создания лучшей морально-политической среды в обеих странах. Автор обращает внимание на то, что обе страны в последние годы почти исчезли со страниц СМИ друг друга.

Перспективы дальнейшего изучения истории Германии и российско-германских отношений представляются следующими.

Германской проблематикой занимаются многие российские историки, политологи, экономисты; весьма продуктивно работают германисты в Институте Европы и Институте всеобщей истории РАН, в МГИМО; в МИД РФ имеется достаточно профессиональных германистов-дипломатов разных поколений.

Несмотря на серьёзные успехи российской германистики, отмеченной весьма интересными работами Н.В. Павлова, А.М. Филитова, И.Ф. Максимычева, В.Б. Белова, рядом диссертационных работ последних десятилетий, «немецкая» проблематика в российских политических науках имеет серьезные перспективы для своего развития. Этому может способствовать еще большая открытость архивов МИД обеих стран, и других архивных центров, постановка на совместное научное обсуждение «трудных» проблем истории двух стран (чем уже с успехом занимается Институт Всеобщей истории РАН), созданием совместных дискуссионных трудов на обоих языках, стимулированием публикаций, мемуаров и личных архивов участников событий и т. д.

Список источников и литературы

Архивные источники

АВП МИД РФ:

1. Ф. 757. Оп. 26. Д. 39. П. 149 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1981), д. 712, 713 – ФРГ (712 – Вооружённые силы и военная политика ФРГ, 713 – Политические партии ФРГ)».
2. Ф. 757, Оп. 26. Д. 9, П. 145 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1981), д. 035 – ФРГ».
3. Ф. 757, Оп. 27, Д. 37. П. 155 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1982), д. 716 – ФРГ, справки по политическим вопросам». Лл. 25, 26.
4. Ф. 757, Оп. 28. Д. 17. П. 158 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1983), д. 110 – ФРГ, политические вопросы». Лл. 82, 90.
5. Ф. 757. Оп. 28, д. 23, п. 159 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1983), д. 190 – ФРГ, участие ФРГ в международных вопросах».
6. Ф. 757, оп. 28, д. 38, п. 160 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1983), д. 716 – ФРГ, справки по политическим вопросам».
7. Ф. 757. Оп. 28. Д. 5. П. 157 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1981), д. 030/031 – ФРГ, записи бесед министра и заместителей министра с представителями ФРГ».
8. Ф. 757. Оп. 29. Д. 19. П. 164 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1984), д. 114 – ФРГ, пребывание партийно-правительственных делегаций».
9. Ф. 757. Оп. 29. Д. 20. П. 164 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1985), д. 115, 116, 117, 118 – ФРГ, отношения ГДР с ФРГ».
10. Ф. 757. Оп. 29. Д. 38. П. 166 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1984), д. 716 – ФРГ, справки по внешнеполитическим вопросам».

11. Ф. 757. Оп. 29. Д. 18. П. 164 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1984), д. 110 – ФРГ, политические вопросы».

12. Ф. 757. Оп. 30. Д. 19. П. 170 «МИД СССР 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1985), д. 110 – ФРГ, политические вопросы». Л. 8.

13. Ф. 757. Оп. 30. Д. 36. П. 171 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1985), д. 710 – ФРГ, внутриполитическое положение».

14. Ф. 757. Оп. 37. Д. 24. П. 176 «МИД СССР, 3-й Европейский отдел, сектор по ФРГ (1986), д. 115 – ФРГ, отношения ФРГ с ГДР и Западным Берлином».

Опубликованные источники

15. Абрасимов П. А. Четверть века послом Советского Союза. М.: Национальное обозрение, 2007. 308 с.

16. Брандт Вилли. Воспоминания; пер. с нем. М. Левина. М.: Изд-во «Новости», 1991. 528 с.

17. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева в ФРГ, 12-15 июня 1989 г.: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1989. 127 с.

18. Визит в Советский Союз Федерального канцлера Федеративной Республики Германии Гельмута Коля, 24-27 октября 1988 г.: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1988. 110 с.

19. Вольф Маркус. Игра на чужом поле: 30 лет во главе разведки; пер. В. Брун-Цеховой. М.: Международные отношения, 1999. 98 с.

20. Договор «Об основах отношений между Германской и Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германии». Дрезден, 1972. 21 с.

21. Квицинский Ю. А. Время и случай. М.: Олма-Пресс, 1999. 576 с.

22. Кузьмин И. Н. Поражение: крушение ГДР и объединение Германии. М.: Научная книга, 2003. 341 с.

23. Майер-Ландрут Андреас. «С Богом! И оденься потеплее». Моя дипломатическая миссия в России. М.: Международные отношения, 2005. 288 с.

24. Максимычев И. Ф. Крушение. Реквием по ГДР. Последний год ГДР. М.: Научная книга, 1993. 288 с.

25. Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991. М: Весь мир, 2006. 696 с.

26. Модров Ханс. Я хотел жить в новой Германии. М.: Международные отношения, 2000. 440 с.

27. Организация Варшавского Договора: Документы и материалы, 1955-1985 / МИД СССР. М.: Политиздат, 1986. 422 с.

28. Основной закон Федеративной Республики Германии. Бонн.: Ведомство печати и информации Федерального правительства, 1988. 136 с.

29. Президент России // Выступление в Бундестаге ФРГ. 25 сентября 2001 года // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21340 .

30. Примаков Е. М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. 448 с.

31. Примаков Е. М. Восемь месяцев плюс… М.: Мысль, 2001. 238 с.

32. Резолюции Совета Безопасности ООН за 2001 год // //https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2001.

33. Сборник основных документов по вопросам германского мирного урегулирования и отношений СССР с ГДР и ФРГ (1962-1963 гг.). М.: МИД СССР, 1964. 431 с.

34. Сборник основных документов по вопросам отношений СССР с ГДР, ФРГ и Западным Берлином (1980-1986 гг.). М.: МИД СССР, 1987. 858 с.

35. Сборник основных документов по вопросу о заключении мирного договора с Германией и нормализации на его основе положения в Западном Берлине (ноябрь 1958 года – декабрь 1961 года). М.: МИД СССР,

1962. Т. I (ноябрь 1958 года – 1959 г.). 571 с.; Т. II (1960-1961 гг.). 533 с.

36. Терехов В. П. Холодный блеск фортуны / В. П. Терехов. М.: МГИМО – Университет, 2012. 412 с.
37. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М.: Республика, 1999. 463 с.
38. Хавкин Б.Л. От Хрущёва до Горбачёва. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семёнова // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 84-141.
39. Хрущёв Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. М.: Вече, 2016. 896 с.
40. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991. М.: РОССПЭН, 2008. 1047 с.
41. Шрёдер Герхард. Решения: Моя жизнь в политике. М.: Европа, 2007. 552 с.
42. Adenauer Konrad. Erinnerungen. 1945-1953. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1965. 589 S.
43. Adenauer Konrad. Erinnerungen. 1953-1966 / K. Adenauer. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966. 556 S.
44. Adenauer Konrad. Reden. 1917-1967. Eine Auswahl. Hrsg. Von Hans – Peter Schwarz. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 496 S.
45. Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994/Hrsg. Auswärtiges Amt. Köln: Verl. Wiss. Und Politik, 1995. 1165 S.
46. Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. Dokumentation von 1945 bis 1972 / Hrsg. Auswärtiges Amt. Köln: Verl. Wiss. Und Politik, 1972.
47. Bahr Egon. “Das musst du erzählen”. Erinnerungen an Willy Brandt. Berlin, Ullstein, 2015. 240 S.
48. Bahr Egon. Zu meiner Zeit / E. Bahr. Műnchen: Karl Blessig Verlag, 1996. 605 S.

49. Brandt Willie. Berliner Ausgabe. Band 9. Die Entspannung unzerstörbar machen. 1974-1982. Dietz Nachf. Verlag, 2003. 500 S.
50. Brandt W. Berliner Ausgabe. Band 10. Gemeinsame Sicherheit. 1982-1992. Dietz Nachf. Verlag, 2009. 735 S.
51. Die Regierungserklärung von Gerhard Schröder. Bonn: IN-Press, ST. 9/1998. 6 S.
52. Die Vereinigung Deutschland im Jahre 1990. Verträge und Erklärungen. Presse-und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn, 1991.
53. Die Verträge der Bundesrepublik Deutschland mit der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken und mit Volksrepublik Polen/Hrsg.: Presse-und Informationsamt der Bundesregierung, Bonn, 1971. 318 S.
54. Dokumentation zur Entspannungspolitik der Bundesregierung/Hrsg.: Presse-und Informationsamt der Bundesregierung, Bonn, 1976. 299 S.
55. Dokumentation zur Wiederaufrüstung der Bundesrepublik/Karl D. Bredthauer (Hrsg.). Köln: Pahl-Rugenstein, 1980. 76 S.
56. «Für eine kooperative Weltordnung». Interview mit Bundeskanzler Gerhard Schröder//Internationale Politik. № 9/2003. S. 13-18.
57. Genscher H.-D. Erinnerungen. 1 Aufl. Berlin: Siedler, 1995. 1087 S.
58. Genscher H.-D. Deutsche Politik. Auswählte Grundsatzreden 1975-1980. Stuttgart: Bonn Aktuell, 1981.
59. Honecker E. Aus meinem Leben. Berlin: Dietz Verlag, 1980. 481 S.
60. Kohl H. Erinnerungen, 1990–1994. München: Droemer HC, 2007.
61. Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland. Bonn, 1994–2000. Bd. I–IX. Bd. VII(2). (далее: Materialien der Enquete-Kommission).
62. Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik. Hrsg. Von Rainer Kunz, Herbert Maier, Theo Stammen. Műnchen: Verlag C.H. Beck, 1975.
63. SPD-SED-Papier. Bonn, 1985.
64. Statistisches Jahrbuch der BRD. Bonn, 1968.

65. Die Verträge der Bundesrepublik Deutschland mit der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken vom 12. August 1970 und mit Volksrepublik Polen vom 7. Dezember 1970. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, Bonn, 1991.

66. 40 Jahre Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: eine Dokumentation/hrsg. Vom Auswärtigen Amt. – Stuttgart: Bonn Aktuel, 1989. 797 S.

67. Weizsäcker R. Vier Zeiten. Erinnerungen, Műnchen: Pantheon, 2010. 480 S.

Литература

68. Алексеев Р.Ф. СССР – ФРГ: прошлое и настоящее. (Советско-западногерманские отношения 1955-1980 гг.). М.: Политиздат, 1980. 280 с.

69. Ахтамзян А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М.: Библос-консалтинг, 2010. 384 с.

70. Белозёров В.К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 128-138.

71. Белозёров В.К. Информационное обеспечение военной политики ФРГ: опыт и возможности его использования в России: дис. … канд. полит. наук. – М., 2003. 199 с.

72. Белозёров В.К. Искусство переговоров и решение Берлинского вопроса // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 247-250.

73. Белозёров В.К. Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 40-65.

74. Бетманкаев А.М. На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949-1964 гг. //Американские исследования в Сибири. Вып. 7. Томск: Издательство Томского Государственного Университета, 2003. С. 189–207.

75. Борозняк А.И. Россия и Германия в XX веке. Страницы истории: Сб. статей. Липецк, 2009. 274 с.

76. Воробьёва Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI в. М, РИСИ, 2000. 356 с.

77. Воробьёва Л.М. Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М.:РИСИ, 1998. 100 с.

78. Германия. Вызовы XXI века/Под редакцией В. Б. Белова. М.: Весь мир, 2009. 792 с.

79. Дашичев В.И. От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. М.: «Новый хронограф», 2015. 592 с.

80. Дашичев В.И. От тоталитаризма к демократической политике в германском вопросе. – В сборнике «Россия и Германия в годы войны и мира. 1945-1955». М.: Изд-во «Гея», 1995. 492 с.

81. Ежов В.Д. Германская история в новое и новейшее время. В двух томах. М.: Наука , 1970. Т. 1. – 510 с.; т. 2. – 602 с.

82. Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырёх эпох. М.: Молодая гвардия, 2003. – 311 с.

83. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 318 с.

84. Из истории Германии нового и новейшего времени. Сборник статей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 396 с.

85. История Германии (под ред. Бонвича Б. и Галактионова Ю.В. М.: Книжный дом Университет, 2008. 544 с.

86. Истягин Л.Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности (1949-198 гг). М.: Наука, 1988. 168 с.

87. Кирилова А.Н. «Новая восточная политика» Федерального канцлера Герхарда Шредера (1998-2005 гг.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2018. 24 с.

88. Киссинджер Г. Дипломатия; пер. с англ. В. В. Львова / послесловие Г.А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

89. Кремер И.С. Внешнеполитическая борьба и внешняя ориентация. М.: Мысль, 1977. 334 с.

90. Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986. 224 с.
91. Ланггут Г. Немцы в поисках безопасности. М.: Прогресс, 1995. 304 с.
92. Максимычев И.Ф. Восточная политика единой Германии. Итоги первого десятилетия: М.: Экслибрис-Пресс, 2001. Доклад № 76. 72 с.
93. Максимычев И.Ф. Россия-Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014. 512 с.
94. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 336 с.
95. Нарочницкая Н.А. США и «новая восточная политика» ФРГ. М.: Наука, 1977. 176 с.
96. Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. 2011. № 1 (16).
97. Никитин А.К. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ. М.: МГИМО, 2008. 320 с.
98. Новик Ф.И. СССР – ФРГ: проблемы сосуществования и сотрудничества 1975-1986. М.: Наука, 1987. 46 с.
99. Обичкина Е.О. Франция – величие превыше всего // Россия в глобальной политике. 2005. Т.3, N 6. С.24-38.
100. Павлов Н.В. Объединение или рассказ о решении германского вопроса с комментариями. М.: ИПО «Полигран», 1992. 232 с.
101. Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 798 с.
102. Павлов Н.В. Новиков А.А. Внешняя политика Германии от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники СиДиПресс, 2005. 608 с.
103. Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. 560 с.
104. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во Моск. у-та, 2009. 432 с.

105. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 708 с.

106. Проэктор Д. Размышления о холодной войне//Россия и Германия в годы войны и мира (1941-1995 г.г). М.: Изд-во «Гея», 1995. 447 с.

107. Россия и Германия в Европе. Сост. Б. Орлов, Х. Тиммерман. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 567 с.

108. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М.: Росспэн, 1995. 400 с.

109. Сергеева О.С. Место ФРГ в ЕС на современном этапе. М.: Издательство МГЛУ, 2013. 83 с.

110. Супян Н.В. Энергетика ФРГ: между политикой, экономикой и инновациями // Германия 2010. М.: Институт Европы РАН, 2011.

111. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941-1990. М.: Наука, 2009. 333 с.

112. Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М.: Наука, 2006. 548 с.

113. Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии); пер. с нем. М.: АО «Буклет», 1995. – 319 с.

114. Шёльген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика; пер. с нем. М.: АО «Буклет», 1994. 96 с.

115. Adomeit H. Die Aussenpolitik Russland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2014. 221 S.

116. Bahr E. Was wird aus der Deutschen. Fragen und Antworten. Hamburg, 1983. 236 S.

117. Baring A. Machtwechsel. Die Ära Brandt-Scheel. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982.

118. Baring A., Schölgen G. Kanzler, Kriesen, Koalitionen. – Berlin: Siedler Verlag, 2002. 319 S.

119. Barnard M. J. The Past becomes the Present. German National Identity and Memory since Reunification // European Studies Research Institute School of Languages University of Salford. Submitted in fulfilment of the requirements of the Degree of Doctor of Philosophy, January 2008 // http://usir.salford.ac.uk/26564/1/10909761.pdf .
120. Cramer D. Ostpolitik an der Waage – «Deutschland-Archiv», 1985, H.7-8, 845 S
121. Dulles A.W. Alternatives for Germany // https://www.foreignaffairs.com /articles/germany/1947-04-01/alternatives-germany .
122. Dönhoff M., Gräfin. Von Gestern nach Übermorgen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. 321 S.
123. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 1: Grundlagen. Hrsg. von Karl Kaiser und Hanns W. Maul. – München: R. Oldenbourg Verlag, 1994. 206 S.
124. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 2: Herausforderungen. Hrsg. von Karl Kaiser und Hanns W. Maul. München: R. Oldenbourg Verlag, 1995. 270 S.
125. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 3: Interessen und Strategien. Hrsg. von Karl Kaiser und Joachim Krause. Műnchen: R. Oldenbourg Verlag, 1996. 290 S.
126. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 4: Institutionen und Ressourcen. Hrsg. von Wolf-Dieter Eberwein und Karl Kaiser. Műnchen: R. Oldenbourg Verlag, 1998. 300 S.
127. Engelmann B. Trotz alledem – Deutsche Radikale 1977-1979. Frankfurt – Wien – Zürich, 1978. 324 S.
128. Fischer J. Scheitert Europa? Kieppenheuer u. Witsch. Köln, 2014. 160 S.
129. Grosser. Deutschland Bilanz. Geschichte Deutschlands seit 1945. München, 1970. 570 S.
130. Haftendorn H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945-2000. Stuttgart/München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. 421 S.

131. Ioffe J. Von Adenauer bis Schmidt. Grundlage der Außenpolitik // Deutschland und Deutsche Demokratische Republik (Hrsg. E. Esse). Berlin, 1983. 270 S.
132. Killian W. Adenauers Reise nach Moskau. Freiburg: Herder, 2005.
133. Lehmann H.G. Deutschland-Chronik 1945-2000. Bonn: Bundeszentrale fűr politische Bildung, 2002. 629 S.
134. Lilge H. Deutschland 1945-1963. Bremen: Fackelträger, 1977. 351 S.
135. Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Bd. I–IX, Bonn, 1994–2000. Pfletsch F.R. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik 1949-1992: von der Spaltung zur Vereinigung. München: Wilhelm Fink Verlag, 1993. 650 S.
136. Rupps M. Kanzler Dämmerung. Wer zu spät kommt, darf regieren. Zürich: Orell Fűssli Verlag, 2017. 625 S.
137. Stern F. Fünf Deutschland und ein Leben. München: C.H. Beck, 2007. 450 S.
138. Schneider H., Uffelmann U. Zur Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Paderborn, 1977. 650 S.
139. Tomas L. Die Herstellung diplomatischer Beziehungen zwischen der UdSSR und der Deutschen Bundesrepublik im Jahre 1955. (Diss) Berlin, 1964. 327 S.
140. Weidenfeld W./Korte K.-R. Handbuch zur deutschen Einheit 1949-1989-1999. Bonn: Bundeszentale für politische Bildung, 1999. 895 S.
141. Wehler H. U. Entsorgung der Vergangenheit. München, 1988.
142. Willy Brandt Online-Biografie 1913-1992: Startseite // https://www.willy-brandt-biografie.de .